

Камиль Зиганшин

ЁКИТНИКИ

Роман

Уфа
2004

ББК 84-44
УДК 82-31
3 — 59

Зиганшин К. Ф.

Скитники. — Уфа. 2004 — 272 с.

Староверческая община, зародившаяся в Ветлужских лесах во второй половине XIX века, преодолевает долгий, трудный путь через Сибирь и обосновывается в Забайкальском крае. Оттесненная затем в глушь Алданского нагорья хоронится там по сию пору.

ISBN 5-87308-324-x

© Зиганшин К. Ф., 2004

... нельзя торопливо пробежать глазами

Когда я взял в руки эту книгу, на память пришло старинное русское изречение: «Муж ревнив, поп глумлив, свекор ворчлив — пойду в скиты». За этой фразой угадывается желание и решимость уйти от мирской суеты к блаженному отшельничеству. Дескать, стоит только убежать от бренности бытия и перед тобой откроется сама вечность. Но роман «Скитники» в философских исканиях ее автора оказалась не таким односложным. В нем не указано прямого пути. Если он и существует, то к озарению непременно придется по распутью страданий и топи заблуждений.

Появление романа (в журнальной публикации) вызвало у меня большой интерес. Задавался вопросом — откуда и зачем явился сегодня этот скитник Корней, чего ему от нас надо? Я задумался. А, может, от него чего-то нужно нам самим?

— Как возник, Камиль, в твоём воображении необычный мир этих необычных людей? — спросил я автора повествования.

— Воображение заработало не сразу, — ответил он. — До этого я вместе с моими друзьями исходил те таежные дебри, сплавлился по тем быстрым рекам, поднимался на те опасные вершины, где раскаты грома сотрясают не только скалы, но и весь небосвод. Там и повстречал

старообрядцев, своими корнями ушедших в далекие времена. В них человеческая сила не спорит с силами природы. Эти две стихии не одолевают друг друга, а скорее дополняют во имя общей гармонии. Вот от всего этого и родился творческий замысел, как вы сказали, «воображения».

Таков был ответ Камиля Зиганшина.

Читая роман, будто сам иду по следам первопроходцев. Иду очарованный и одержимый. Я пленен первозданной мощью и красотой природы и нравственных истоков человека. Оттого и в меня вселяется гармония.

В то же время все виденное и прочувствованное наводит на грустные размышления. За искусным поводырем куда и зачем иду я? Неужели скитская отрешенность, уединение духа так манят меня? Себе даю отчет совсем другого рода. Тому манящему прошлому, куда ведет меня тот волшебник — поводырь, дороги больше нет. Я там не жилец, даже не гость. Но встревоженный мой разум, взволнованное сердце мое призывают, остановись, человек, и одумайся, творения твоего гения, порою разрушая вселенский лад, обернутся гибелью. Человек — эта частица мироздания — мало-помалу выпадает из него. Меня тревожит повседневный процесс насильственного умерщвления живых клеток Земли. Однажды я наблюдал такое явление, цветы в глиняном горшке, который с подоконника переставили на подставку возле телевизора, перестали цвести и медленно завяли. Я ужаснулся. То природа дает сигнал о бедствии.

Таким негромким сигналом воспринята мною книга Камиля Зиганшина «Скитники». Ее трудно пересказывать.

Да и не надобно делать этого. Ее нужно слушать, созерцать, чувствовать.

Читатель найдет в ней для себя немало поучительного, доброго, прекрасного, малость — грустного, не оставит она его равнодушным. Ее нельзя торопливо пробежать глазами. По ней нужно пробираться не спеша, как по тайге, сосредоточенно, зорко озираясь вокруг и, конечно, размышляя.

Мустай Карим,
народный поэт
Башкортостана

... и тянется нить повествования

Из лихолетий Средневековья Святая Русь, сбрасывая с себя обомшелые ракушки старых грехов и побед, выходила на глазах у просвещенного мира, заметно усилив свою государственность. Златоглавый Киев терял жезл власти, и к началу царствования Ивана Грозного все бразды управления скрипучей и тряской российской колесницей перешли великому князю Московскому — Царю Руси. Смазала Святая Русь колесные оси и рванулась в бесконечный путь, сотрясая грохотом войн и созидания окрестные страны и народы. Преобразования в социальной и духовной жизни перепахивали вековые житейские устои, но главное — человеческие сердца. Как раз к середине XVII века в царствование Алексея Михайловича — отца Петра Великого, порушились законы предков, поменялись молитвы, из церквей, храмов и обитателей были вытравлены последние остатки языческих ритуалов. Почва для нового посева Новин была подготовлена. При его царствовании, с согласия преподобного Никона, русское православие обрело это страшное слово — раскол, понятие суровое, чудовищное для немалой части людей, не принявших Никоновых Новин.

Русский народ ради становления Государства, ради укрепления его могущества, не жалел своей крови и пота. Он шел в битвы-сражения, теряя головы свои на полях бес-

численных сеч, но, когда Церковь в союзе с государством, вклинилась в душу человеческую, не выдержал характер народа. Наиболее крепкие телом и духом, не пожелавшие терять устои предков, ушли в раскол, стали старообрядцами. Они проклинали имя Никона, а самого Царя Алексея Михайловича прозвали наместником сатаны на Земле.

Повесть Камиля Зиганшина — русско-язычного писателя из Башкирии — посвящена им, русачам, ушедшим из центральной России за Урал, на Восток, в Забайкалье. Примечателен тот факт, что к теме старообрядцев после Мельникова-Печерского, пожалуй, никто из писателей не обращался. Из дальней глубины веков тянется нить повествования. Автор прослеживает тончайшие моменты многотрудного выживания забившихся в глухие таежные леса, отдалившихся от мира за высокие горы людей — потомков давних старообрядцев, ушедших в раскол. Жизнь одного из скитов ярко, красочно, лирически тонко рисует писатель. Есть в повести «Скитники» глава под символическим названием «Свора». Это как бы отдельный рассказ в канве общего повествования. Однако в нем все взаимосвязано, логика умозаключений автора неумолимо, каждой новой деталью подкрепляет сюжетное развитие повествования.

В главе рассказывается о том, как в волчьей стае после гибели старого вожака появляется новый, отличающийся от прежнего особой злостью. Это самый настоящий тиран, опасный зверь даже среди зверей. Вокруг него сплываются «любители легкой наживы», подхалимистые прихлебатели. Их власть становится настоящим бедствием для всей стаи.

Писатель тонко и умело рисует образ вожака. Проглядывается какая-то символика, если сказать точнее, — параллель с жизнью людей. Но, как пишет автор о Смельчаке, «его власть держалась на страхе и силе. Как только он лишился этих опор — она рухнула». Автор прослеживает, каким образом кровожадный вождь постепенно теряет свое превосходство над стаей и в конце-концов, отринутый всеми, гибнет. Корней, один из обитателей скита, стоял рядом со своим злейшим врагом, прозванным людьми «Смельчаком». Бывалый таежник, много ночей и дней преследующий зверя, даже не стрелял в него, тот издох сам. Издох от страха, унижения, в бессильной злобе к человеку и всему живому.

Весьма и весьма поучительно в исторической перспективе звучит заключительная фраза этой главы: «Все как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил отшельник. — Кто затевает раскол, от него сам же и гибнет».

Камиль Зиганшин родился в Башкирии — в краю заповедных лесов, ковыльных раздолий, разноголосья песен. Здесь повсюду русская речь перемежается с башкирской. На одном берегу Агидели звенит татарская песня, на другом — мордовская. То тут, то там слышатся мягкая украинская мова. С детства впитал он в себя многонациональную культуру Башкортостана. Может, потому с уверенностью взялся за трудную тему русского старообрядства. Помогло еще то, что после окончания Дальневосточного политехнического института он несколько сезонов промышлял в Уссурийской и Забайкальской тайге в качестве штатного охотника. Итогом этих суровых зимовок явился его первый литературный опыт — повесть «Щедрый Буте».

Затем одна за другой появляются новые произведения «Маха», «Боцман», наконец — «Скитники». И повести, и его рассказы пронизаны жизнеутверждающим оптимизмом, непреклонной верой в великое предназначение всего живого на Земле.

Удивительные картины живописной природы, прекрасное знание животного мира, повадок зверей, умение показать это не в какой-то застоявшейся статичности, а в прямом единении с жизнью и человеком — вот те основополагающие мотивы, которые делают интересным и привлекательным творчество Камиля Зиганшина, притягивающее к себе всеобъемлющей доступностью сочного, красочного литературного языка. Их с увлечением могут читать люди любого возраста. Для взрослых интересна жизнь природы, всего окружающего мира, для детей — в них всегда найдется много-много познавательного.

Камиль Зиганшин живет и работает в Уфе — столице Башкортостана. Он возглавляет предприятие связи «Шок». Им в республике создан фонд по защите диких животных, который регулярно проводит конкурсы на звание «Рыцарь леса». Он также финансирует литературную премию Союза писателей Башкортостана им. Степана Злобина — автора первого романа о национальном герое башкирского народа Салавате Юлаеве.

Александр Филитов,
народный поэт
Башкортостана

*Моей ТАНИЮШЕ,
бесценному дару судьбы,
посвящаю.
Твоя ВЕРА в меня,
твоя ЛЮБОВЬ и ПОДДЕРЖКА
дали мне силы
одолеать немало вершин.*

ВАРЛААМ

Потомок старинного княжеского рода Василий Шмурьев с малых лет жил в захолустном поместье близ Твери. Родители, измученные бесконечными болезнями своего последыша, отправили его туда к престарелой одинокой тетке, когда сыну не было и двух лет.

Тихая размеренная жизнь в деревенском имении способствовала не только укреплению здоровья, но и развитию в ребенке самых добродетельных свойств характера и устремлений души. Да и сама тетюшка, глубоко верующая, образованная женщина, всячески поддерживала в племяннике первородную чистоту и ласку ко всему живому.

Огражденный от пороков высшего света, Василий слыл одним из тех редких и немного странных людей, у которых напрочь отсутствуют не только самолюбие, но и проявления обиды и ненависти: его смиренная душа нежно любила всех и каждому желала добра.

Вернувшись в 1816 году по настоянию отца в столицу, повзрослевший обладатель русой шевелюры и бархатного пушка над пунцовыми губами поступил на службу. Отец, пытаясь привить сыну великосветские манеры, постоянно водил его на рауты и балы. Роскошь и блеск, царившие там, поначалу ошеломили и восхитили пылкого юношу. Но мало-помалу у Василия

открывались глаза: за внешним лоском и довольством аристократического общества, все еще смаковавшего триумфальную победу над Наполеоном, он стал при мечать хитрословие, чванливость, притворство, блуд и мотовство.

Это поколебало, а вскоре и вовсе разрушило его наивную веру в особое предназначение своего сословия. Будучи неприхотливым и в высшей степени набожным человеком, он легко отказался от дарованных знатным происхождением благ, принял постриг и, облачившись в чёрное островерхое одеяние, с новым именем — Варлаам — удалился в монастырь. Сей решительный шаг определил всю его дальнейшую судьбу.

Изучая православие по старинным текстам, коих в хранилище святой обители было великое множество, молодой инок был умиротворён нестяжательной и благочинной жизнью в обители. Ладил с игуменом* и братией, но постепенно ему открывалось, что и здесь, среди божьих служителей все те же, только более умело утаиваемые пороки и завуалированная борьба за власть. У Варлаама подспудно вызревало решение удалиться от мелкой суеты, пожить в уединении. И спустя год, испросив благословения настоятеля, он покинул пределы монастыря, отправившись в места дикие, малолюдные.

В первые дни скитальческой жизни инока особенно восхищало и радовало то, что в лесу даже ломоть чёрствого хлеба стал несравненно вкуснее и аппетитнее: запахи цветов, щебет птиц, горьковатый дым кос-

* *Игумен* — настоятель православного монастыря .

тра — эти бесхитростные приправы необычайно скрашивали скудные трапезы. Под вольным небом, среди лесистых холмов и чистых речушек, Варлаам наконец ощутил себя неотрывной частицей окружающего его мира. Это с каждым днём крепнущее чувство слитности давало душе странника особую усладу.

Отдыхая как-то под громадной, пронизанной солнечным дождем сосной, Варлаам рассеянно поднял шишку, лежавшую на рыжей попоне из старой и плотной хвои. Из неё на ладонь выпало небольшое семя. Разглядывая его, юноша невольно подумал: «Экая крохотулька, а какой исполин из неё вырастает! Сколь же велика творящая сила Господня, таящаяся в семени, ежели она рождает такого богатыря?!».

В дальнейшем, размышляя о гармонии и благодати, царящих в лесах, Варлаам пришел к убеждению, что именно в чудном творении Царя небесного — Природе-матушке и есть вечный источник жизни для всего сущего и именно через нее, через Природу, Создатель одухотворяет человека, пробуждает и развивает в его душе любовь и доброту.

ВАРЛААМОВА ОБИТЕЛЬ

В поисках пристанища по сердцу скиталец через год с небольшим добрался до кондовых лесов Ветлужского края, в которых издавна селились непокорные поборники старой веры. Первые из них пришли сюда, спасаясь от антихристовых* «Никоновых новин», еще в семнадцатом веке, вскоре после раскола.

Варлааму сразу приглянулись суровые старообрядцы, выделявшиеся своей цельностью, усердием к труду и почитанием древнерусского православия. Каждый день, кроме двенадесятых праздников**, в их поселениях с утра до ночи кипела работа. Пряли шерсть, ткали холсты и даже сукно; филигранно шили золотом, переписывали книги старозаветного содержания; искусно писали иконы. Все поступало в общину, на себя работать никто и не мыслил. Перед началом любого дела и по завершении его усердно

* *Антихрист* — противник Христа — человек, который явится перед вторым пришествием Христовым, выдавая себя за Бога, и воцарится над всеми народами. Будет уничтожен Христом Спасителем.

** *Двенадцатые праздники* — двенадцать главных (после Пасхи) православных праздников. Вечером накануне их всегда служится торжественное всенощное бдение.

молились, благодарили Создателя за щедрую милость к их общине.

От веры не отступали ни на шаг. Не признавали здесь ни государевых ревизий, ни податей и никаких иных повинностей. Про себя они говорили: «Мы хранители истинного православия, мы не в воле царя-антихриста».

Сойдясь на почве общей страсти к рыбалке с одним из местных старцев поближе, Варлаам как-то полюбоствовал:

— Вот вы, батюшка, себя староверами называете, а чем стара вера отлична от нынешней, никонианской?

— Известное дело, перво-наперво в два перста надобно молиться по неуправленным, первоисточным текстам, табаку не курить и не нюхать, инострану одёжу не носить, бороды не скоблить, усов не подстригать. Да много ещё чего... Наш книжник сказывал, что только в старом православии сохранены неизменными догматы и таинства, в тех смыслах, как проповедовал Сам Христос.

— Но ведь уйма людей новую веру приняла. Отчего вы-то старой всё держитесь?

— Вера, сынок, не штаны, чтобы по износу менять. Вере износу нет, на то она и вера, на том она и стоит. По какой вере наши родители жили, по той и нам надобно с их благословения. А за других мы не в ответе. Одно знаю — диавол тока слабых и некрепких духом в своё войско обольщает..

Глядя на строгое соблюдение общинно-жительного устава, писанного еще Сергием Радонежским, лад в семьях, почитание старших, Варлаам уверовал, что

там, где следуют первородному православию, где царит дух добросердечия и братской взаимовыручки, цветет и дышит земля русская.

Решив обосноваться поблизости одного из потаённых поселений, юноша приглядел хотя и тесное, но надёжное пристанище в чреве дупла почтенной сосны, росшей в версте* от староверческого скита. Землю вокруг нее густо перевили мускулистые плети корней, а сам ствол был столь мощным и объёмным, что дупло у комля выглядело пещерой.

Обустроив временный приют, Варлаам принялся потихоньку валить лес для своего первого настоящего жилища. Добела шкуруил стволы, рубил венцы. Умения и сноровки ему, конечно, не доставало, но он возмещал их упорством и старанием. Кровяные мозоли на руках постепенно сошли, кожа загрубела. К Рождеству Богородицы** новопоселенец перебрался-таки в светлостенное жилище, напитанное густым смоляным духом и солнцем.

Пышнобородые староверцы поначалу не допускали в свою общину незваного пришельца, ибо ко всякой новизне и перемене были недоверчивы. А иначе и нельзя — попробуй-ка столетиями хранить устои попорченной веры. Но с течением времени молодой пустынный своим благочестием и прилежанием смягчил их сердца, а иных даже расположил к себе.

* *Верста* = 500 сажен = 1500 аршин = 1066,5 метров.

** *Рождество Богородицы* — христианский праздник, относящийся к двенадцатым праздникам. Отмечается 21 сентября в день рождения Божьей Матери.

Удаление от мира и его греховной суеты, физический труд, молитвы, земные поклоны до изнурения, строгий пост, чтение книг старого письма, беседы с праведниками общины мало-помалу открывали перед Варлаамом всю глубину и гуманность почитаемой этими людьми веры.

Изучая на время данную староверами рукописную книгу «Травознаи древней Руси», он познавал и божественные силы, скрытые в былинках, овладевал искусством варить из них зелья от разных хворей. Любовь ко всему живому, пытливый ум и наблюдательность Варлаама исподволь развивали в нем дар целительства.

Читал Варлаам вечерами при свете лучины, после любимого чая из листьев и ягод сушеной земляники. Поскольку лучины сильно коптели, а дым горчил в горле, да к тому же сгорали они так быстро, что их приходилось часто менять, отшельник придумал масляный светильник: вставил в плоскую губчатую сердцевину камыша. Она, впитывая масло, горела долго чистым, ровным, без чада пламенем.

Участливые, не по летам разумные, благочестивые проповеди Варлаама, способность к целительству, внимание и обходительность к убогим влекли к нему страждущих. Плату за труды свои он не брал, а ежели кто настаивал на вознаграждении, тех корил и вразумлял: «Христос завещал: «Даром получили — даром давайте».

Первые лета хижина Варлаама стояла одиноко, но, по мере того как множилось число излеченных и через них ширилась в округе молва об одарённос-

ти новопоселенца, рядом появились сначала землянки, а затем и более основательные бревенчатые постройки.

Предпочитавшего уединение пустынноика стало тяготить шумное окружение, и он перебрался в глубь тайги версты за четыре от выросшей вокруг его первой обители деревни, уже получившей в народе к тому времени имя «Варлаамовка».

Новое пристанище располагалось в пихтаче, в подковообразном ложке под защитой громады серо-бурой скалы. Из под её основания, вскипая песчаными султанчиками, бодро бил ключ. Убегая по крутому ложку, он крепчал, шумел, сердился крохотными водопадками и замирал на карликовых плесах. Вода в ключе была всегда в меру студеная и настолько приятная на вкус, что употребление её доставляло ни с чем несравнимое удовольствие.

Прямо возле своей пустыни Варлаам соорудил часовенку во имя особо почитаемой им Семи-стрельной Божьей Матери.

Шли годы С неослабной теплотой и душевным рвением отшельник помогал всем страждущим и немощным словом и делом. Никто не имел отказа, для каждого по мере сил он старался сотворить добро. Дополняя зелья тихими и кроткими словами, а главное — исходящими от него любовью и участливостью, он врачевал самые загрубелые и ожесточенные сердца, ставил на ноги безнадежно хворых.

Хотя послушать его просветляющие проповеди или излечиться от недуга по-прежнему приходило много люда, теперь ни один из них, из почтения к от-

шельничеству ревнителя древлеотеческой веры, рядом селиться не смел.

Осенью 1863 года, когда Варлааму перевалило за шестьдесят, воздал Творец преданному человеку — даровал ему отрока. Привел прямо к порогу обители мальчонку лет десяти-одиннадцати, одетого в сермяжные* лохмотья и даже креста нательного не имевшего. Стоял он, сизый от холода, переступая босыми ногами на прихваченной инеем листве, и смотрел на Варлаама взглядом зрелого человека, познавшего всю горькую изнанку жизни. Что интересно, тяжесть пережитых невзгод не придавила его, не сделала униженно-заискивающим или недоверчиво-злым. Напротив, малец выделялся дружелюбием и самостоятельностью: кормился не подаяниями, как большинство бродяжек, а промыслом: копал съедобные коренья, собирал орехи и ягоды, умело ставил на дичь силки, плетенкой ловил рыбу.

Варлаам, понимая, что житие его на земле клонится к закату, в этом неумытом создании узрел того, кто способен будет перенять и понести накопленные им знания, опыт далее. Он принял отрока как родное чадо. Да они и схожи были. Оба сухопарые, высокие, с серыми глазами на узких, благородных лицах, окаймленных волнистыми прядями волос.

Любознательному подростку, нареченному Никодимом, учиться понравилось. Он с легкостью осваивал не только грамоту, но и краткое изложение основных

* *Сермяжные* (одежды) — одежда из грубого, неокрашенного домотканого сукна.

истин христианства — Катехизис, а затем и Библию, состоящую из Ветхого Завета* и Нового Завета**. С неослабным интересом постигая строго соблюдаемое в этих краях перво-источное православие, наизусть читал отрывки из святочитимого Стоглава, псалмы из Псалтыря, до никоновской поры писанного. Книги старославянские возлюбил. Особенно «Житие» и «Книгу бесед» протопопа Аввакума.

Пытливый ум парнишки подходил к пониманию того, что Бог всегда был, есть и будет. Он — начало и причина всего сущего. Что Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой не есть три Бога, а Един Бог. Как образно разъяснил ему Варлаам: «Бог это вроде солнца. Оно ведь являет собой не только раскалённое тело, оно ещё испускает свет и излучает животворящее тепло. То есть в одном светиле имеются три сущности, неотделимые друг от друга. Сам Бог невидим и открывается людям посредством Слова, передаваемого через земное воплощение Бога — Сына Его — Иисуса Христа».

Наряду с православием, Никодим усердно вникал в азы врачевания. Запоминал, как готовятся и употребляются всевозможные настои, отвары; что из них применять внутрь, что наружно.

* *Ветхий Завет* — первая часть Библии, относящаяся к жизни человечества от сотворения мира до Рождества Христова.

** *Новый Завет* — вторая часть Библии, охватывающая период времени от Рождества Христова и доныне. Общее название для первых четырех книг Нового Завета — Евангелие (греч. «радостная весть»).

— Молодец, сынок! — часто хвалил, поглаживая воспитанника до голове за понятливость и прилежание, Варлаам. В такие минуты счастливая улыбка озаряла строгое лицо старца.

— Как непостижимо велик мир отмеченного Богом человека! Он и время употребляет по-иному. Там, где простой смертный его бездарно тратит, такой без пользы для души и ума не проведет ни минуты, — размышлял он, наблюдая за переменами в Никодиме, — Сколько в этом малом добра, разума, трудолюбия, как он созвучен природе и вере нашей.

Однажды, мотаясь по лесу, парнишка услышал треск повалившейся от старости ели. Падая, та переломила ствол росшей рядом осины.

— Больно, больно! Помогите! — донеслось до Никодимки.

Он кинулся на помощь, но ни под деревом, ни возле никого не обнаружил. Перепуганный мальчонка рассказал о странном крике Варлааму. Выслушав воспитанника, тот несказанно обрадовался:

— Сынок, мертвого на земле ничего нет. Невидимая Божья сила разлита по всему, что нас окружает. Она и в дереве, и в скале, и в озере, и в звездах. Все вокруг живое. Только не каждому дано это чувствовать. Коли ты услышал боль дерева, стало быть, дарована тебе свыше способность воспринимать муки других... Душаю, из тебя отменный целитель вырастет.

ВЕТЛУЖСКИЙ МОНАСТЫРЬ

днажды тихим июньским вечером у хижины отшельника остановились две ладно сработанные повозки. В сумерках было слышно, как пофыркивают, отмахиваются от назойливых комаров лошади. К вышедшему на порог хозяину обители приблизился, на ходу снимая с головы остроконечный куколь*, крепыш лет девятнадцати, с умными, пронзительными глазами. Назвался монах Маркелом. Сопровождавшие его двое мужиков тоже сняли ермолки и учтиво поклонились старцу.

Выяснилось, что путники прибыли к Варлааму с милостивой просьбой от преподобного** Константина — всеми почитаемого в округе настоятеля потаенной староверческой пустыни***, расположенной неподалеку от устья Ветлуги, прибыть к нему по срочному делу, непременно захватив лекарские снадобья и принадлежности.

* *Куколь* — схимническое облачение чёрного цвета с острым верхом. (*Схимник* — монах, отличающийся особой строгостью духовной жизни).

** *Преподобный* — святой из монашествующих, который прославился богоугодными свершениями и строгостью.

*** *Пустынь* — глухой монастырь, далеко отстоящий от городов.

Выехали чуть рассвело, под шепот начавшегося мелкого, въедливого дождика. Сразу погрузневшие деревья понуро склонили тяжелые от влаги ветви. Узкая, извилистая лента дороги, шедшая по большей части глухим лесом, часто пересекалась мощными корневищами вековых елей. Порой она съезжала в болотистое мелколесье, в котором колеса вязли во мхах, перетянутых плетями брусники. Однако сильные, откормленные лошади и там тянули ровно, без насады. Варлаам с одобрением отметил, что возницы не хлестали коней, хотя у каждого на руке висела сыромятная плетка. Понятливые животные и без принуждения старались вовсю.

На пологой хребтине дорогу путникам пересекли лоси. Они остановились, дружно повернув головы в сторону обоза. Слабые зрением, сохатые долго водили мордами, всматривались в нечёткие силуэты и, разглядев наконец в пелене дождя людей, пустились наутек. Надо заметить, что лоси бегут иноходью, и так быстро, что догнать их в лесу никому не под силу.

Довольно часто поднимали с ягодников дичь: то тетеревов, то глухарей. Шумно ударяя крыльями, они отлетали поглубже в чащу и, рассевшись на ветвях, покачивались, сторожко озираясь.

На третий день, когда на смену угрюмым, мрачно-ватым елям появились весёлые сосны, наметилась перемена и в погоде. Тучи, обнажая прозрачную синь, отползли к горизонту. Как только путники подъехали к монастырю, их обляяла* косуля.

* Голос косули зачастую похож на лай.

— Чего это она бранится? — удивился Никодим. — Знамо дело, шумим сильно, вот и намекает: потише, мол, надо в лесу-то подле святой обители, — пояснил старец.

Располагалась пустынь в глухой чаще, в удалении от рек и дорог. За стенами из дикого камня блестели свежо умытые луковицы церкви, возвышающиеся над всеми остальными постройками.

Постучали в сколоченные из толстых плах ворота. В ответ предупреждающе залаяли собаки, послышалось ржание коней. Через некоторое время глухой голос справился:

— Кого Господь дарует?

— Молви настоятелю, старец Варлаам прибыл.

Ворота открылись. Въехали в двор, покрытый мягкой травой-муравой. Обнюхав чужаков, собаки, чуть покрутившись, позевали, повытягивали спины и забрались каждая в свою конуру. Из приоткрытой двери церкви доносились красивые гласы мужского песнопения.

Маркел, соскочив с повозки, помог слезть старцу и провёл его через двор. Остановились под березами возле крыльца отдельно стоящего строения, соединенного с другими зданиями крытыми переходами. Крестьясь, отвесили земликасательные входные поклоны. Поджидавший их монах пригласил Варлаама за собой. Войдя в гостевую, старец остановился. Вновь перекрестился три раза в красный угол, где стояла деревянная божница с образами и висела лампада. Сотворил молитву, затем только прошел в почивальню.

На кровати полулежал-полусидел прикрытый огромным медвежьим тулупом, остроносый, изможденный человек, в серой рубахе с воротом, расстегнутым ниже далеко выпирающего кадыка. Из-под густых бровей смотрели ввалившиеся глаза. Гордая, несломимая сила воли сквозила из них. Оправив черную, с легкой проседью бороду, больной оглядел вошедшего цепким проникающим взглядом и тихо, но внятно произнес:

— Прости, отец, что не могу приветствовать тебя должным образом. Спасибо, уважил мою просьбу. Молва докатилась до меня, что обладаешь ты даром чудотворения. Покорно прошу, подсоби, Христа ради, от хвори избавиться. С весны занедужил. Ноги ломота замучила, да бессонье одолело, а теперь и вовсе сил лишился.

Варлаам, омывши руки и лицо, не торопясь, осмотрел больного:

— Ваше высокопреподобие, то вовсе и не хворь у вас — недруги порчу наслали. Вот снимем ее, и силы вернутся, — заключил он и попросил монахов оставить их наедине. Несколько часов старец провел в почивальне и вышел оттуда настолько обессиленный, что чуть стоял на ногах.

И — диво дивное! — на радость всем игумен со следующего дня пошел на поправку.

Надо заметить, что преподобный Константин, отпрыск именитого княжеского рода Смоленской губернии, был много почитаем в раскольничьей среде и уже немало лет являлся настоятелем монастыря, славившегося особой преданностью древнему пра-

вославию. Знать не хотели здесь ни новой церкви, ни ее архиереев*.

В стародавние времена, когда после очередного царского указа «скиты порешить, старообрядцев в новую веру крестить», государевы слуги принялись силой брать непокорных священнослужителей, не желавших признавать «антихристов власть» и, заковав в кандалы, держать их в земляных ямах до покаяния, а упорным резать языки и полосовать тела кнутом, предки князя, не жалея средств, скупали древние святыни, первоисточные рукописи и церковную утварь старой Руси, спасая эти реликвии от поругания. Господь к ним был милостив. Сумели они с верными людьми переправить собранные сокровища в сию глухую пустынь и укрыть их в недрах подземных хранилищ, где оберегали уже седьмой десяток лет, передавая от деда сыну, от сына внуку.

После простой снеди, принимаемой в общей трапезной, Варлаам начал выводить выздоравливающего настоятеля на прогулки. Старец с первого взгляда почувствовал к князю доверие и душевную близость, какую ни к кому до того не испытывал. А их общая беззаветная преданность идеалам первородного православия и многоначитанность только укрепляли возникшую симпатию.

Побродив по монастырскому двору, настоятель со старцем, как правило, уединялись в тихом закутке, в те-

* *Архиереи* — общее название высших православных священнослужителей (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

нистой прохладе берез и чинно перебирая кожаные лестовки, подолгу обсуждали, толковали книги священного писания, повествования о житие святых и подвигах отцов православия, изложенные в «Четьях — Минеях», их пророчества и предания старорусские. Особенно дотошно разбирали «Златоструи», «Пролог», услаждая души нескончаемыми беседами, а порой и спорами о наболевшем.

Во время одной из таких прогулок разразилась гроза. К ним тут же подбежал Никодим: принес широкую рогожину прикрыться от дождя. Под ее защитой собеседники перебрались в келью настоятеля.

— Почтительный у тебя ученик! — одобрительно заметил игумен. — А то знамо, каковы нынче молодые! Истинную веру покинули. Бороды побрили, заветы отцовы да дедовы позабыли.

— Да что бороды... Не в том ересь. Зелье проклятое курить чуть не все принялись. И что ужасно — за достоинство сей грех выставляют! Срамота!

— Сам-то табак такая же божья травка, как и всякая другая, а вот то, для чего её используют антихристы, — это точно, от дьявола. И пыхают ведь дымом из уст яко дьявол.

— Вестимо уж, своеволие и непослушание на Руси от Никона пошло! С той поры народ наш больно слабостям подвержен стал. О будущем не мыслит, страха не ведает. Что есть — враз пропьет, али в кости проигрывает. Иной даже детям родным крошки не оставит. Трудиться своей волей разлюбил. Все из-под палки. Завистливые и вороватые народились. Ушли от догматов истинного православия, и расколосось, растлелось

наше племя! Встарь на Руси-то не ведали эдакого воровства да пьянства. Это всё — происки антихриста... — с болью продолжил настоятель.

— А коснись нас, беспоповцев, — живем мы в мире со всеми, зла никому не делаем. Оне сами по себе, мы сами по себе — оставить бы пора в покое наши общины. Так ведь нет, все пуще и яростнее теснят щепотники нашего брата, загоняют в глушь трущобную. Кто в лесах непроходимых, кто на островах речных укрылся, кто в пещеры мрачные, словно кроты забился, кто в самые дальние, антихристам не доступные, скиты ушел. А кто и вовсе Рассею-матушку покинул... Ведь из-за чего в первую очередь воспротивились Никоновым новинам предки наши: это ж надо придумать — кукишем крестное знамение творить! Срам да только! Запомнили, что решением Стоглавого Собора 1551 года двуперстие запрещено было менять под страхом анафемы... Старые обряды были куда благочестивей*.

— Что верно то верно, двоуперстие свято! Наш народ в делах веры сильно привержен букве и точному соблюдению обряда. Он твердо убеждён, что молитва действует лишь тогда, если в ней не изменено ни

* Никоновы нововведения кроме троуперстия включали в себя много аспектов — сокращалась литургия, а также чины крещения, покаяния, тексты некоторых молитв. Изменялась форма креста (восьмиконечный заменялся четырехконечным). Вводилось хождение вокруг алтаря «противу солонь» (т.е. против движения солнца) вместо «посо-лонь». А самое главное: церковь попадала в зависимость к государству.

одно слово и прочтена она исстари установленным напевом.

— Справедливы речи твои. В Рассеи встарь православию было чисто и непорочно... Эх, всё у нас, русских, есть для достойной жизни, но не хватает, не достаёт нам сплочённости и национального самоуважения. В этом, я полагаю, основная причина происходящих бедствий и несчастий.

— Однако в каком еще народе найдешь такую готовность помочь ближнему, такое радушие, такую силу и неприхотливость? Мы, конечно, сверх меры терпеливы, но ведь именно терпением собиралась и созидалась земля Русская, величаемая в до-никонову пору иными архиереями чуть ли не Третьим Римом. Какие возводились храмы, ширились города! Так что терпение, быть может, и есть ценнейшее качество нашего народа! — подытожил старец.

— Но вместе с тем, пожалуй, и горе, — мягко возразил игумен...

Подобные беседы происходили почти каждодневно. Общность интересов все крепче связывала родственные души этих людей. И неудивительно, что вскоре Варлаам стал у настоятеля особо доверенным лицом — духовником. Почтение и симпатия князя к старцу были столь велики, что он решился открыть ему свою сокровенную тайну. Повел через потаенный ход в скрадень, где в обитых железом сундуках хранились святыни старой веры: кресты, литые из серебра кадила, схима и иконы, в их числе главная — древний образ Святой Троицы в ризе из тонколистового

золота, с тиснёным орнаментом, украшенной жемчужной подвеской и самоцветными камнями. Икона та была освящена для предков князя еще Сергием Радонежским перед битвой на Куликовом поле. Благотворейно взяв ее в руки, Константин обратился к Варлааму:

— Отец, за то, что исцелил меня, благодарен безмерно, но, — тут игумен понизил голос, — чует душа моя гибель скорую. Коли и вправду Царь Небесный приберет до срока, не дай сгинуть этим святыням праведным. Сдается мне, что в нашем монастыре их уже не уберечь. Антихристовы прислужники не дремлют. Весть до меня дошла, будто подписано приказанье все староверческие обители порешить, как угрозу таящие духовному единству народа. Думаю, надобно спешно готовиться к уходу на восток за бугры Уральские, за реки Сибирские, в блаженный Байкальский край. Там по слухам находится утраченный человечеством Рай, ибо сказано в пророчествах: «с востока совершится Второе пришествие Господа Иисуса Христа на землю». В той окраине немало уже нашего брата осело. Лишь в тамошней глуши и возможно уберечь реликвии древние, многоценные и сохранить чистоту нашей веры праведной в первородном состоянии до Второго явления славного Христа Спасителя...

В монастыре у нас разные особы имеются, но в ком я уверен, так это в Федоре и его сыне Маркеле. Доподлинно знаю, что отец Федор семь попов к нам привел. Не убоился он ни закона «О наказаниях», ни ссылки в Сибирь, ни каторжных работ. Ежели что, он

меня заменит, а Маркел с людьми особо верными и стойкими в Сибирь пусть отправляются. Да и на Никодима твоего, я думаю, положиться можно. А дабы не угас огонь веры нашей, надобно обосноваться и жить им там не по монастырскому уставу, а по мирскому — семьями, но в жены чтобы брали девиц только из единоверцев. Коли удастся той общине первородную чистоту православия и её святыни бесценные сохранить, то может статься, в ней и явится в свой срок на землю Христос Спаситель. То будет славный день всеобщего воскресения и освобождения от рабства тления.

Прошла неделя. После полунощной службы, когда иноки читают в своих кельях по несколько сот молитв и творят неустанно поклоны, Варлаам, проживавший в боковушке подле покоев настоятеля, был разбужен невнятными, но требовательными голосами. Почуввав неладное, старец бросился к двери, но та не отворилась. Он принялся стучать и звать на помощь. Наконец на шум прибежали монахи. Они с удивлением обнаружили, что дверь в келью Варлаама подперта снаружи колом. Еще больше они изумились, когда освобожденный старец, растолкав их, бросился прямо в покои игумена. Зайдя следом, монахи при свете свечей увидели залитого кровью преподобного Константина, бездыханно лежащего на полу. Рядом валялся топор. Ящики в столах выдвинуты, повсюду в беспорядке разбросаны вещи, бумаги.

У старца перехватило дыхание. Мелко крестясь, упал он на колени подле убиенного и зарыдал:

— Господи, прости меня, грешного! Не уберег богомудрейшего человека, а ведь он ведал, предупреждал!.. Господи, образумь извергов, сгубивших его, муками вечными в геенне огненной!..

Панихида по усопшему длилась сутки. Положив семипоклонный начал и отпев «вечную память», погребли отца Константина в одном ряду с могилами предшествующих настоятелей монастыря. На надгробном камне высекли:

*«Раб Божий Константин.
Он жил во славу Божию.
Кто добром помянет —
того Бог не забудет».*

Душегубов князя, скрытно проникших в монастырь, так и не изловили. Обнаружили только верёвку, свисавшую с монастырской стены наружу, в сторону глухого леса.

На следующий после погребения день Варлаам призвал Никодима. Долго вглядывался он в очи воспитанника и, подчеркивая важность момента, положил руку на его плечо.

— Сын мой, место здешнее, прежде крепкое, теперь, похоже, раскрыто. Того и гляди, царевы прислужники заявятся. А в монастырских тайниках хранятся многие реликвии, и в их числе главная святыня старой веры — икона Святой Троицы древлего письма. Не уберечь нам их здесь. Выведают, сожгут либо разграбят. И веру нашу в чистоте здесь уж не сберечь. Обложили кругом антихристы. Одно спасение — вывезти святыни в безлюдный Забайкальский край, почитателям истинного

благочестия давно полюбившийся. Так великомученик Константин перед страшной своей кончиной завещал. Готов ли ты, чадо мое, сообща с сотоварищами исполнить дело сие многотрудное, аль не зрел еще? — Варлаам испытующе всматривался в лицо ученика.

За годы, прожитые у старца, Никодим сильно переменился. От прежнего худощавого отрока сохранился лишь задорный чуб. Был он теперь высок ростом и широк в плечах. Но выделяли юношу не столько эти внешние достоинства, сколько внутренняя духовная сила, исходившая от него.

Никодим в глубочайшем волнении встал перед старцем на колени, горячо поцеловал его руку:

— Отец, твоя воля — святая воля. Не посрамлю. Все исполню в точности, как велишь. Реликвии бесценные, с Божьей помощью, до места с сотоварищами доставим. Сбережем, живота не жалея.

Произнеся это, он взял в руки богато украшенную книгу Ветхого Завета в бархатном переплете с золотыми тисненными наугольниками и прочными пергаментными страницами из тонко выделанной телячьей кожи и, в свидетельство крепости клятвы, приложился к ней сначала губами, потом лбом.

Из красного угла на эту сцену внимательно и строго взирал лик Христа.

Тронутой Варлаам, счастливый, что не ошибся в воспитаннике, продолжил:

— Скоро ляжет снег и посему, так мыслю, сейчас вам пускаться в дорогу не резон. Отправитесь весной. А куда я Устав составлю, людей верных подберем. Дорога трудная, молодым только под силу. Так что из

твоих сверстников команду подберём. Наставником* вам еще при жизни преподобный Константин определил Маркела. Хотел бы я, чтоб он тебе заместо старшего брата стал. Там, в глуши Забайкальской, обоснуйтесь, живите праведно, в согласии промеж собой. Древние святыни оберегайте пуще жизни. Уверен, придет время — востребуются они Христу Спасителю для воскрешения истинного православия на обширных пределах государства Российского. Уничтожит Он тогда власть над народами антихриста и ввергнет в вечный огонь дьявола и демонов.** Во всех нуждах и тяготах обращайся с молитвою к единственному подателю — Великому Творцу Господу нашему.

Всю зиму продолжалась скрытная подготовка к легкой дальней дороге. Варлаам тягучими студеными вечерами надиктовывал воспитаннику составы травяных сборов от возможных хворей, раскрывал известные ему секреты целительства; рассказывал в подробностях историю своей жизни. Никодим, обладающий редкостной памятью, впоследствии, через много десятков лет, подробно описал всё услышанное в своих рукописях-наставлениях.

* *Наставник* — служитель культа в беспоповском старообрядчестве.

** *Демоны* — бесплотные существа, бывшие некогда Ангелами, но возгордившиеся и, во главе со своим предводителем — дьяволом, восставшие против Бога, за что были низвержены с Неба на землю. Они не могут, как истинные Ангелы, читать человеческие мысли, но могут внушать свои.

Весна пришла поздно, но пронеслась быстро и не-
удержимо. Окна келий, еще недавно покрытые тол-
стым слоем льда, протаяли. Сразу после того, как спа-
ла вешняя вода и подсохли дороги, ночью втайне по-
грузили на подводы скарб, инструмент (в основном,
топоры, пилы да лопаты), провиант, сундуки со святы-
нями и книгами старопечатными, что поредкостней;
отслужили напутственный молебен и еще затемно
тронулись. Тяжело гружённые кладью уёмистые теле-
ги заскрипели, заплакали. Медленно пробуждаясь ото
сна, утро поднимало с земли молочные веки предрас-
светного тумана. С ветвей густо капала холодная роса.
Варлаам с игуменом Федором прямо на ходу настав-
ляли напоследок любимых чад:

— Заповеди Господни и заветы прадедов исполняй-
те неукоснительно и стойте за них неколебимо, во
веки веков. Всё делайте сообща, помирно, без пере-
коров. Кого в нужде встретите — помогите: вера без
дел мертва! Чем больше благих дел сотворите, тем
больше щедрот вам воздается. Но со всяким скобле-
ным да табачным рылом не водитесь. Помогай вам Бог,
Аминь...

На прощание поликовались*.

Впереди обоза широко шагал статный красавец
Никодим. Он как-то враз преобразился. Стал собран-
ней, суровой. Казалось, что даже его курчавая юношес-
кая бороденка, подковой обрамлявшая прямоносое

* В старообрядческих общинах, как правило принято не
целоваться, а только «ликоваться» — то есть щекой прикла-
дываться к щеке другого.

лицо, загустела и стала жестче. Молодой годами, Никодим чрезвычайно гордился тем, что она у него окладистой и гуще, чем у сверстников: старообрядцы очень дорожат бородой и ни один из них добровольно с ней не расстанется.

Долго ещё стояли у дороги старец и игумен Федор в армячках, накинутах на плечи, беспрестанно шевеля губами, творили напутственные молитвы. Они неотрывно глядели в сторону, где скрылся обоз с девятнадцатью лучшими послушниками... Оба понимали, что никогда уже больше не увидят этих, столь дорогих им, людей. Лишь моления и беспокойство за судьбы ушедших остались на их долю...

В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Путь до Байкальских гор предстоял долгий, трудный, по глухим чащобам и буеракам. Раскольники встречали в дороге и беглых варнаков, и вольных промысловиков, и обиженный рабочий люд; видели и горе людское, и радость нечаянную. Двигались медленно. Через единоверцев разведывали безопасные обходные тропы, проходящие вдали от тракта и царских застав к Камню*.

Никодим, с малолетства привычный к тяготам странствий, научил сотоварищей перед сном держать ступни стертых до крови ног в отваре из дубовой коры. Через несколько дней кожа у всех настолько продубилась, что путники забыли про мозоли.

Наконец к середине августа показались оплывшие от старости мягкие предгорья, а за ними и вершины Уральского хребта, окутанные голубоватой дымкой, отчего те казались седеющими великанами. Караван незаметно углубился в невиданное доселе царство вздыбленной тверди, покрытой тёмнохвойным лесом, захламленным упавшими деревьями, одряхлевшими пнями, рытвинами, прикрытыми ажурным папоротником. Время изрубцевало склоны гор шрамами, осыпями, промоинами. Ущелье, унизанное, словно пасть

* *Камень* — старинное название Уральского хребта.

хищного зверя, потрескавшимися скальными зубьями, как бы предупреждало путников об опасностях и лишениях, ожидавших их впереди. Из-за хмурой глубины хребтов на караван надвигалась непогода. Тайга глухо зарокотала, промеж скал завыл ветер...

Достигнув староверческого скита, затерявшегося в горах, ветлужцы перед штурмом главного хребта задержались у братьев по вере на неделю: чинили одежду, обувь, приводили в порядок снаряжение.

Вместо телег, непригодных для движения по горам, соорудили из березовых жердей узкие волокуши и, перегрузив поклажу на них, в сопровождении местного схимника двинулись к рубежу, отделяющему Европу от Азии.

Разлом, по которому поднимались на перевал, загибаясь вверх, ветвился на более тесные и короткие распадки. Их крутые склоны покрывали островерхие ели и выветрившиеся руины серых камней. Почти достигнув перевальной седловины, обоз уперся в непроходимый для лошадей свежий многоярусный ветровал из множества лежащих в перехлест сучковатых стволов. Пришлось возвращаться обратно и повторять подъем по сопредельному ущелью. Одолев крутой каменный подъём, наконец вышли на перевал.

Водораздельная седловина оказалась гладкой, словно вылизанной переползавшими через нее облаками. Лишь посередке, вокруг разрушенных временем скальных пальцев, высоким обручем лежали обломки угловатых глыб. Плавно опускавшееся в невидимую опочивальню солнце висело ещё достаточно высоко, чтобы оглядеть открывшиеся дали.

На востоке, вплотную подступая к предгорьям, насколько хватало глаз, волновался зеленокудрый океан, кое-где рассеченный витиеватыми прожилками рек и щедро украшенный перламутровыми блестками больших и малых озер. По его изумрудной ряби неспеша плыли тени облаков. Торжественное величие и бескрайность открывшегося простора внушали благоговение. Какое приволье! Сибирь!!! И тянется эта заповедная таёжная страна сплошняком от Урала на восток до самого Тихого океана на шесть тысяч вёрст!!! На южной и северной окраинах сибирская тайга редет, а средний, весьма кстати широкий пояс в одну-две тысячи верст — это натуральные дебри, заселенные людьми только по берегам великих сибирских рек и, отчасти, по их притокам. Русский люд живет там, отрезанный от всего мира. Лишь одна постоянная ниточка соединяет эти огромные пространства Российской империи с Москвой и Санкт-Петербургом — Сибирский тракт.

Взобравшись на скалу, Никодим сел на обомшелый выступ. Камень, несмотря на приближение вечера, был довольно теплым, и путник невольно погладил ладонью шершавый, местами покрытый лишайником, бок. Простиравшиеся дали действовали завораживающе. Душевное волнение, охватившее Никодима, усиливалось. Сердце переполняло желание воспарить в бездонную синеву неба и лететь вслед за плывущими по ветру рваными клочьями облаков, и бесконечно долго созерцать горные вершины, изъеденные грани отрогов, распадки с бурливыми ключами, зеленую равнину, уходящую за горизонт. Состояние, в котором он

находился, было ни с чем несравнимо. Ему даже чудилось, что он стал ощущать самые неуловимые земные запахи: бодрящую свежесть ручья и волнующий аромат скалистых вершин. Впервые оказавшись так высоко в горах, Никодим упивался всей этой красотой и своими новыми ощущениями словно ключевой водой в жаркий день и как-то сразу, на всю жизнь, страстно полюбил эти вздыбленные нагромождения каменных исполинов — самое потрясающее и величественное творение Создателя.

Обнаружив за скалой озерцо с хрустальной водой, братия решила остаться ночевать прямо на его берегу. Солнце к этому времени уже застряло в зубах соседнего хребта. Закатный свет алыми волнами разливался по небесному раздолью, окрашивая грани отрогов нежным пурпуром. И такая библейская тишина воцарилась в округе, будто не существовало здесь ни птиц, ни зверей, ни деревьев. И казалось, что слышно, как перешёптываются между собой горы- великаны...

Возбужденным путникам не спалось. Все лежали молча в ожидании чего-то сверхъестественного и потустороннего: ведь отсюда, из поднебесья, до царства Творца, как им казалось, рукой подать. Однако всё текло, как обычно. Своим чередом высыпали те же звезды с Большой Медведицей во главе. Та же медовая луна, недолго поскитавшись между ними, скрылась за горой. Стало темно — хоть глаз выколи, зато над головой сразу зажглась уйма новых звёзд. Молодые ребята, не мигая, всматривались в густое

узорчатое сито, в надежде узреть светящийся контур хотя бы одного ангела, но отмечали лишь разрозненные чёточки огненных стрел, разящих сверху грешную землю.

Под утро край неба на востоке, еще не начав светлеть, стал как бы подмокать густком крови, хотя солнце еще долго не покидало своих покоев. Наконец проклюнулась пунцовая капля и брызнули лучи. Капля на глазах наливалась слепящим свечением и в какое-то неуловимое мгновение она оторвалась от обугленной кромки горизонта и, на ходу раскаляясь добела, поплыла, пробуждая землю, погруженную в томную тишину. Только гнусавый крик высоко пролетавшего ворона нарушал царящий в горах покой.

Отстоявшийся и процеженный густой хвоей воздух за ночь стал настолько прозрачным, что утратил густеющую вдали сизую дымчатость и путникам удалось обозреть восточные земли на много верст дальше, чем давеча. Но и там простиралась все та же зеленая равнина без конца и края, без края и конца.

Сознание того, что до самого Тихого океана многие тысячи верст дикой, почти безлюдной тайги, будоражило и волновало воображение ребят. Они понимали — здесь граница, черта, отделяющая их от прежней жизни. На западе от нее хоть и привычный, но враждебный мир, на востоке же — неведомая, пугающе бескрайняя, страна Сибирская, в которой не мудрено и сгинуть...

Перед обязательной утренней молитвой Маркел достал аккуратно завернутую в холстину икону Семистрельной Божьей Матери, которая оберегала их в

дороге, и водрузил её на камень. После окончания службы путники еще долго оставались на коленях: глядя на святой образ, каждый просил защиты и покровительства.

Когда спустились с гор, обтрепавшаяся и притомившаяся братия единодушно поддержала предложение Маркела остановиться на зимовку на высоком берегу излучины безвестного притока Сосьвы у подножья далеко вклинившегося в равнину отрога. На речном перекате тихонько постукивала по дну мелкая галька, трепетно играли, скользили по воде солнечные блики, между которыми сновали бойкие пеструшки*. Небольшие волны мягкими кулачками то и дело окатывали песчаную косу. Это место, защищенное от северных ветров, идеально подходило для зимовки.

У самого подола горы путники вырыли под землянкой обширные ямы. Покрыли их накатником, завалили сухой травой и листвой, а сверху уложили пласты дерна. Земляные стены, чтобы не осыпались, укрепили толстыми жердями. У дверей с обеих сторон оставили маленькие оконца. В центре из камня и глины сложили печи.

Подоспела хрустальная пора начала осени. Всё окрест заиграло яркими, броскими красками. Воздух стал прозрачен и чист. Отроги покорённых гор виднелись так рельефно и чётко, что чудилось, будто они подступили к становищу на расстояние вытянутой руки. Смолкли птицы. Природа, казалось, оцепенела

* *Пеструшка* — речная форель.

от своей красоты, хотя, вместе с этим, всё было пропитано грустью — скоро студёная зима, и тогда земля с небом сольются в белом одеянии.

Завершилась же осень, напротив, совершенно уныло: дождь, хмарь, заморозки. Но успевшая наладить свой быт братия не тужила и занималась последними приготовлениями к зиме.

В один из промозглых вечеров их всполошил нарастающий гул. Встревоженные люди повыскакивали из землянок. На них с гребня отрога, с грохотом прыгая по скальным уступам и разрушаясь при ударах на части, летели громадные глыбы.

— Всем на косу! — скомандовал Маркел.

Когда камнепад стих, братия с опаской вернулась к лагерю. На их счастье, краем осыпи завалило лишь навес из корья, под которым вялилась рыба. Разглядывая широкое полукружье скатившихся камней, люди невольно содрогнулись: выкопай они землянки на сажень десять ближе к горе, вряд ли бы их жилища уцелели.

— Бес нас страшает, но Господь хранит и призывает к осторожности, — истолковал происшедшее Маркел.

Впоследствии даже перед кратким привалом ребята всегда придирчиво посматривали на кручи, стараясь располагаться на безопасном удалении от них.

За Камнем, конечно, имелись разрозненные обители раскольников, но Маркел, исполняя наказ князя, должен был вести братию еще несколько тысяч верст, за озеро Байкал. И потому весной староверы вновь тронулись в путь, через чащобы немереные, через

топи, мхами покрытые, через реки полноводные, рыбой богатые.

Провидение и непрестанные охранные молитвы святого старца Варлаама помогли им в пути, а местные жители подсказывали верную дорогу.

Сколько уж поколений русского люда входит в эту Сибирскую страну, а все пустынна она — до того необъятны и велики ее пределы. Но как дружны, добры люди, ее населяющие!

Сибирская отзывчивость и взаимовыручка хорошо известны! Терпишь бедствие — все бросятся спасать тебя. Голоден — разделят с тобой последний ломоть хлеба. Взаимовыручка — непреложный закон этих суровых таежных мест — иначе не выжить! И неудивительно, что в душах сибиряков столько сострадания и сердечности.

Пользовались их гостеприимством и останавливающиеся на зимовки у единоверцев ветлужцы. С приходом весны, как только подсыхала земля, братия снова трогалась, продвигаясь все дальше и дальше на восток, навстречу солнцу, начинающему новый день с неведомых пока им окраин великого Российского государства.

Местные староверческие общины принимали пришлых как своих и делились всем, что сами имели, а ветлужцы в ответ усердно помогали хозяевам: справляли конскую упряжь, плели чуни — сибирские лапти, гнули сани, мастерили телеги, бочонки, валили лес. Осенью били кедровые орехи — в Сибири мелкосемянная сосна сменяется кедром, родящим шишки с вкусными, питательными семенами.

В Чулымском поселении два брата — Глеб и Прокл за зиму так крепко сдружились с ветлужцами и особенно с Никодимом, что весной, немало огорчив и удивив родню, пошли вместе с ними, не убоившись неизвестности и тягот дальнего перехода. В их глазах отважные странники с Ветлуги были подвижниками, Богом отмеченными хранителями первоисточного православия.

Следуя уставу, на каждой зимовке один, а то двое или трое обзаводились семьями. И что любопытно, первым женился самый молодой — Никодим. Женился он на полногрудой, с милоовальным лицом девице Пелагее — дочери Феофана, настоятеля беспоповской общины, приютившей их в зиму 1871 года на берегу Убинского озера. Благословляя дочь крестным знаменем, Феофан отечески наставлял:

— Мужа почитай, как крест на главе часовни. Муж во всём верховодит. Твоё дело рожать да детишек воспитывать.

Послушная Пелагея еще в дороге принесла Никодиму двойню: сына Елисея и дочку Анастасию.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ СКИТ

Путникам не единожды довелось сменить изъезженных коней и избитые волокуши, прежде чем добрались они, наконец, к исходу четвертого лета до стрельчатых гор Байкальского края, с давних пор облюбованного раскольниками. Стремясь сюда по воле преподобного Константина, одолели они по утомительному бездорожью многие сотни верст монотонности равнинного пространства, переплыли на плотах немало могучих рек, кипящих водоворотами так, словно в их глубинах беспрестанно ворочаются гигантские чудища.

Натерпелась братия в дороге лишений с избытком. Те, кто послабже, остались лежать под могильными холмиками с деревянным срубом и кровлей на два ската поверх, согласно старого обряда. К счастью, не померла в пути ни одна из тринадцати супружниц переселенцев и ни одно народившееся в дороге дитё. Видно, сам Господь заботился о преумножении их общины. Из коренных ветлужцев достигло цели пятнадцать самых крепких духом и телом.

Место для поселения нашлось как-то само собой. Пройдя между нагромождений исполинских валунов и обломков скал, закрывавших вход в широкое лесистое ущелье, люди увидели среди насупленного ельника чистый пригожий березняк. На ветвях мелово-

го цвета там и сям чинно восседали тетерева. Путники, придавленные угрюмостью байкальской тайги, невольно заулыбались, оживились. Тут же текла речушка с прозрачной водой. Вдоль берега тянулись поля янтарно-пламенной морошки, едва ли не самой вкусной и сочной, просто тающей во рту, ягоды, совмещающей в себе вкус спелой дыни с тонким привкусом земляники.

Только достигнув цели, путники осознали, сколь рискованное и тяжелое странствие они завершили. Ведь на немереных и нетронутых сибирских просторах могут разместиться десятки иноземных государств!! Но раскольники с Божьей помощью одолели таки это невообразимое пространство.

Новопоселенцам предстояла большая и тяжелая работа по устройству поселения, но никто не роптал — все понимали, что как на голом камне трава не растет, так и без труда жизнь не налаживается.

Выбрав для строительства скита-деревни пологий увал, неподалёку от речушки, Маркел объявил: «Не гоже нам, православным, ютиться в сырых землянках. Избы будем ставить добротные, дабы потомство наше вольное крепчало. Зимы здешние суровой расейских, потому и готовиться надобно основательно. Рыбы в достатке ловить, мясо вялить, орехи колотить, дрова готовить, коренья копать. Хорошо потрудимся — выживем, послабу себе дадим — пропадем!»

Освятили облюбованное место, отслужили молебен и споро взялись за дело. С расчищенного от леса увала с утра до вечера несли дробный перестук топо-

ров, звон пил. Через три недели, когда мягкую хвою лиственниц окропили рыжими пятнами первые утренники, на увале поднялось несколько желтостенных, слезящихся янтарной смолой построек. Среди них и просторный, с расчетом на подрастающее пополнение, молельный дом.

Все постройки освятили нанесением на стены изображения восьмиконечного креста и окроплением жилища святой водой. Теперь можно было жить и служить по чину. Места под избы выбирали так — раскладывали на земле куски толстой коры и через три дня смотрели — если под корой пауки да муравьи — плохое место, если дождевые черви — подходящее.

Но раньше всех у студеного ключа, впадавшего в речушку, выросла курная баня с каменкой для томления в жарком пару — первейшая отрада русского человека. После ее посещения, исхлеставши тело духмяным березовым веником, всякий молодец, светлел: морщины разглаживались, хворь отступала. Недаром на Руси говорят: «Кто парится — тот не старится». Можно только удивиться тому, что, по заветам византийских монахов, мытье с обнажением тела считалось грехом. Слава Богу, этот неразумный для северной страны посыл русским православием не был принят, и вековые обычаи мыться в бане с веником не только держатся, но и укрепляются, несмотря на греческие проклятия.

Время пролетало в каждодневных хлопотах: труды до седьмого пота и молитвы, молитвы и снова труд. На

трапезу уходили считанные минуты. Отдохновение? О нем и не думали — приближалась зима!

С Божьей помощью успели засушить грибов, изрядно навялить рыбы, собрать брусники, клюквы, набить орехов. Потом, уже по снегу, готовили дрова, строили для оставшихся лошадей и четырех коров, купленных у усть-ордынских бурятов, бревенчатый сарай. И даже соорудили из врытых стоймя в землю и заостренных сверху бревен ограду. Получился настоящий скит.

Однако наипервейшим делом поселян всегда было служить Господу и угождать Господу. Служить и угождать не столько словами, сколько делами, ибо в Соборном Послании святого Апостола Иакова сказано: «Вера без дела мертва есть». В двенадцатые праздники богослужение свершали особенно усердно: вплоть до восхода солнца.

Духовную брань про меж собой не допускали. Жили единым уставом, Варлаамом писанным, дружно помогая друг дружке. И никакие происки и соблазны дьявола не могли повредить устройство этой общины, ибо сама их благочестивая жизнь отстраняла от всего лукавого.

Зима явилась в одну ночь. Вчера еще было довольно тепло, сухо шелестели под ногами опавшие листья, и — на тебе! — за ночь тайга и горы покрылись глубоким саваном, загнавшим в теплые норы и дупла все живое.

Через пару недель ударил лютый мороз. Лёд на речушке от вцепившейся стужи трескался, а ненадолго

выглядывавшее солнце, еле пробиваясь сквозь изморозь, не грело.

Первая зимовка на новом месте протекала тяжело. Хлеба не хватило даже на просфоры*.

Маловато заготовили и сена для скотины: зима оказалась длиннее и студенее, чем предполагали. К весне люди стали страдать ещё и от нехватки соли. Слава Богу, хоть дров было с избытком — не мёрзли.

После крещенских морозов не выпадало и пары дней без пурги. Ветер, сгоняя с гор густые заряды снега, сутками бился о бревенчатые стены, заматывая всё, что возвышалось над белым покровом. В его рёве слышалась затаённая глухая угроза. Забравшись в трубу, ветер завывал особенно противно и тревожно. Двери в домах пришлось перевесить, чтобы они отворялись внутрь избы. Иной раз за ночь так наметало, что их заваливало до самого верха. Скитники, попервости пытавшиеся прокапывать между постройками траншеи, бросили это бессмысленное занятие и стали ходить за дровами и к хлеву кормить коров и лошадей чуть ли не по крышам.

Спасала поселенцев охота. На лосей и зайцев в основном. Мясной бульон и строганина из лосятины с лишковой возмещали нехватку других продуктов. Так, благодаря терпеливости, усердному труду и приобретенному в пути опыту, студеную снежную пору пережили с Божьей помощью без потерь.

* *Просфора* — хлебец круглой формы, употребляемый для совершения таинства.

* * *

Весна! Ее живительный натиск разбудил ручьи. Оттаявшая земля источала густой дух прелых листьев. На ветвях набухали смолистые почки. Вербы у реки покрылись нежным, жёлто-серым пухом. Молодая травка, с трудом пробивая сплошную коросту прошлогодней листвы, торчала изумрудной щетиной, особенно яркой среди белых наледей. Над разлившейся речкой и старицами буйствовали на утренней и вечерней зорьках перелетные птицы. Треск крыльев, свистящий шум прилетающих и улетающих стай, плеск воды заполняли воздух. После многомесячной тишины и спячки это было подобно извержению жизненной лавы.

Новоселы радовались, как дети, обилию птиц, сочным побегам дикого чеснока, первым желтеньким цветкам мать-и-мачехи, расцветшим на южных склонах распадков. Еще бы: только что закончился строгий пост, и они все изрядно исхудали. С Божьей помощью охотник Игнатий разыскал глухариный ток и с дозволения наставника Маркела наладился промышленять слетавшихся на любовные утехи грузных краснобровых таежных красавцев. Для их поимки он соорудил между кустами невысокие загородки с воротцами и настораживал ловушки. А при охоте на оленей и коз его выручала неказистая, но с отменным боем кремневка.

За лето внутри скитской ограды выросло еще девять крепко рубленных изб, с широкими крылечками под навесом. Теперь все семьи имели отдельные жилища. В каждой избе три окна на лицо и по одному сбоку. Лицевые окна и карнизы украсили резными узо-

рами. Их рисунок ни на одном доме не повторялся. Наученные горьким опытом миновавшей зимы поселенцы соорудили между всеми постройками для защиты от снежных заносов крытые переходы.

Сами дома покоились на высоких подклетьях. Неподалеку летники, амбары. У крайних изб торчали смотровые вышки. Посреди поселения красовался молельный дом с иконостасом внутри и деревянным «билом»*, подвешенным над крыльцом: для призыва на службу или сход. На задах устроили огородные грядки под капусту, лук да морковь с репой.

Приверженцы старых порядков обрели, наконец, желанное убежище.

За частоколом, опоясывавшим скит, сразу, как сошёл снег, начали валить деревья. Корчевали, вырубали толстые ползучие корни: очищали под пашню первые лоскуты «поля». Потом каждый год его всем миром расширяли, защищая от набегов диких зверей лесными засеками.

Самый возвышенный увал отделили от пашни. На нем содержались в загоне, под охраной собак, лошади и коровы. Возле дома Маркела под приглядом петуха рылись в земле три курицы. Хоть и немного лошадей и коров было в скиту, но всё равно не один стог надо было сметать на лесных полянках, чтобы дотянуть до следующей косовицы.

* В староверческих часовнях колоколов, как правило, не вешали. Для призыва на службу запрещенные колокола заменили «биллом» — то есть подвешенными досками, в которые колотили деревянными молотками.

Как только прогревалась, отходила от стужи земля, начиналась полевая страда. Трудились в эту пору все. Бабы на огородах сажали овощи. Мужики на отвоеванных у тайги землях пахали, разваливая сохой с железными присошниками бурые, влажные комья густо пахнущей земли, потом боронили и приступали к севу. Тут уж и подрастающей детворе приходилось поработать — бегать по пашне и гонять стаи птиц, чтобы те не успели склевать зерна ржи, ячменя до того, как борона не прикроет их землёй. Одну деляну оставляли под драгоценную картошку. Удавалась она здесь на славу.

Из-за малости пашни, в первые годы в ржаную муку для выпечки хлеба добавляли размолотые в ступе высушенные корневища белой кувшинки. Пока создавали запасы зерна, питались, в основном, похлебкой из мяса да ягодами с орехами.

Трудно давался хлеб в этих краях. Одна только корчёвка сколько сил отнимала! Но как благостно было видеть среди дикой хвойной чащобы небольшую, колышущуюся волнами золотой ржи деляну — летом или сложенные крестцами снопы — осенью. Все это живо напоминало родимый край. Уже в первую жатву новопоселенцы были изумлены результатом: хлеба здесь не только вызревали, но и давали завидный, гораздо лучший, чем на Ветлуге, урожай.

Боголюбивые скитники, строго блюли посты. Свободное от молитв время они, кроме заготовки съестных припасов, занимались тем, что ладили домашнюю утварь, выделывали кожи, кроили и шили из них одежды, сидя за пяльцами, вышивали пелену, занимались рукоделием, кололи дрова, корчевали деревья.

Детей с малых лет учили и воспитывали в беспрекословном послушании, без своенравия, в смиренной любви ко всему живому. Занимался с ними в молельном доме сам Маркел. Обучал грамоте и Слову Божьему. После занятий детвора летом играла в городки*, лапту; зимой они катались на салазках, рыли в глубоких сугробах ходы и пещеры.

В пору редких посещений уездного городка, находившегося в двухстах вёрстах от них, старообрядцы с грустью и сожалением отмечали там блуд, пьянство, слышали речь, обильно испоганенную словами постыдными. Виденное только укрепляло их веру в то, что обособленность разумна, а соблюдаемое ими вероисповедание единственно праведное.

Так прожили ветлужцы без малого тринадцать лет и полюбили угрюмую байкальскую тайгу и окружающие их горы, как отчий дом. Щедро поливаемая потом земля в ответ благодарно кормила их.

Правда, однажды случилось бедствие, наделавшее немало убытку и беспокойства. В горах прошли обильные дожди, и по реке прокатился паводок невиданной силы. Ревущий поток, несший на себе коряги, валежины, камни, быстро подмывал цепляющиеся изо всех сил за берег плетями корней деревьев. Корни от натуги лопались и зелёные великаны, склоняясь все ниже и ниже, в конце концов, с плеском рушились в объятую непонятым гневом воду.

* *Городки* — игра, в которой деревянные фигуры из круглых чурочек сбивают издали длинными палками (битами).

Наводнение унесло баню, но больше всего скитников расстраивало то, что смыло треть пашни с уже туго налившимися колосьями ржи и ячменя. Однако эти потери, в сравнении с последовавшими через два года, как оказалось, были пустячными.

Налетела та беда на скит неожиданно-негаданно. Удалой люд разведаль в окрестных горах на галечных косах студёных речушек богатые россыпи золота, и тихий, благодатный край в однолетье охватила золотая лихорадка*.

Потянулся сюда разношерстный народ. Кто мыть золото, кто скупать, кто, собравшись в ватаги, грабить и тех и других. По ручьям росли, как грибы после дождя, стихийные поселения. Следом для проведения описи и сбора налогов пришли и государевы чины. Неспкойно стало в дремавшей прежде округе.

Добрались казаки в начале апреля по прелому снегу перед Пасхой и до староверческого скита.

— Отворяй ворота, ревизия, по приказу генерал-губернатора, — зычно проревел подъехавший на санях в новехоньком мундире, перетянутом скрипучими ремнями, молодой есаул.

За ограду вышли Маркел, Никодим и трое из братии.

— Ты уж прости, чуж-человек. К нам в скит не можно. Мы с миром дел не имеем. Живём потихоньку, никого не трогаем, своих уставов не навязываем, — степенно и твердо заявил Маркел.

— Я тебе покажу, чертова образина, «не можно»! — заорал разъярившийся чин и приставил остро зато-

* Описываемые события относятся к концу XIX века.

ценную саблю к шее ослушника, — Бунтовать вздумал? Прочь с дороги! На каторгу в раз упеку!

Стоявший сбоку Колода, детина медвежьей силы, не стерпев прилюдного оскорбления наставника, так хватил пудовым кулаком обидчика по голове, что свернул тому шею. Есаул рухнул на снег замертво. Перепуганные казаки подхватили тело начальника и спешно развернули сани обратно.

— Еще пожалеете, двоеперстцы треклятые, отродье недобитое, — прокричал один из них, отъезжая.

Маркел, осознав весь ужас и страшную нелепость происшедшего, наградил Колоду полновесным подзатыльником.

— Кроткостью и смирением надобно. Каждый удар вызывает новый удар, а кроткость, наоборот, гасит.

Верзила воспринял внушение как должное, не посмев даже рта открыть.

Никто не заметил, как во время этой стычки с дальних грузовых саней скатился на снег и заполз под разлапистую ель связанный мужик. Когда ржание коней и гиканье казаков стихли, беглец несмело подал голос.

— Эй! Почтенные!

Все еще топтавшиеся у ворот скитники невольно вздрогнули.

— Спаси Иисус* и помилуй! Кто здесь! — прогудел Колода.

* *Иисус* — по первоначальным книгам имя Христа пишется с одним «и», а не с двумя, как повелел впоследствии Никон.

— Лешак я — казачий пленник. Развяжите, благодетели!

Колода с Никодимом опасливо приблизились и, прекрестившись, сняли путы с рук лежащего.

Со снега поднялся крепкотелый, простоватый с виду мужик, в вонючем коричневом зипуне, в грязных чунях и онучах.* Весь квадратный с короткими, словно обрубленными, руками, с торчащими, черными от въевшейся грязи, пальцами. На загорелый лоб из-под плотно надетой шапки выбивались немытые вихры густых темно-рыжих волос. Взъерошенная бородища, медно поблескивая в лучах заходящего солнца, укрывала широкую грудь. Из-под мохнатых бровей хитровато буравили скитников прищуренные глазки. Судя по повадкам, человек бывалый и ухватистый.

— Воистину лешак! Кто таков и откель будешь?

— Вольный я человек, без роду и племени. В старателях удачу пытаю, — дробной скороговоркой отпортовал арестант.

— И давно промышляешь?

— Да где уж! Мне от роду-то всего двадцать три.

Скитники изумленно переглянулись: на вид бродяге было за тридцать.

— За что ж повязали?

— Дак золотишка чуток намыл. Хозяин питейного заведения прознал про то. Не погнушался, пройдоха, чирей ему в ухо, и по бражному делу обобрал, а утром, шельма, сам же и указал на меня, яко на беглого колодника с Ангары реки, холера ему в дышло. Правды-то в

* *Онучи* — обмотка на ногу под чуни (лапти).

этих чашобах не сыщешь — поди дятлу жалуйся. Но Господь милостив — вас, спасителей, послал Благодарствую вам, люди добрые! — Лешак отвесил обступившей его братии низкий земной поклон. — А есаула ты, дядя, крепко огрел! Силен! Чирей тебе в ухо, — уважительно добавил он, обращаясь к Колоде, — только вот что я скажу: теперича оне от вас не отвяжутся. Одно слово — бунт. Как пить дать вышлют карательную команду. Иха власть велика! Надоть уходить вам отсель, пока не поздно. Иначе не миновать смертной казни зачинщикам, да и остальных в кандалы и на каторгу. А дома ваши в разор пустят.

— Спору нет, грех свершен великий, да ведь ненароком, не по злому умыслу — не впускать же шепотников в обитель. Молитвами и покаянием искупим его. А казаки вряд ли скоро явятся: через пять-шесть дней пути не станет — распутица, до уезда же только в один конец неделя ходу. Но что верно, то верно: оставаться нам здесь не след — житья проклятые кукишники теперь тем паче не дадут, — рассудил Маркел.

На сходе решено было по речке выйти на Лену, а там, забравшись подальше в глухомань, искать своих.

По распоряжению наставника братия, не мешкая, отправилась готовить лес для лодок. Никодим, выбирая подходящие для роспуска на доски стволы, заметил Лешака, кружившего неподалеку.

— Дозволь, почтенный, слово молвить, — вместо приветствия выпалил старатель, поспешно стянув с головы шапку. — Может, негоже мне в чужие дела соваться, дак помочь ведь могу. Прибился ещё осенью к нашему прииску схимник, вашего старOVERческого роду-

племени, человек души ангельской. Так вот, сказывал он мне однажды, что ведом ему на севере скит потаенный, Господом хранимый... Я что подумал: ежели пожелаете, могу доставить того схимника к вам для расспроса, тока с условием, что коли столкнетесь, то и меня прихватите. Авось золота самородного там сыщу. Мне тамошние места слегка знакомы: с казаками из Алдана в острог ходил, а скит тот заповедный где-то в тех краях.

— Надо с братией обсудить, — сдержанно ответил Никодим.

Вечером скитники долго ломали головы над предложением Лешака, взвешивая все «за» и «против». Сошлись на том, что встреча с монахом будет не лишней: вдруг и вправду узнаем что дельное.

Поутру вышли к уже стоявшему у ворот Лешаку:

— Вези своего знакомца, послушаем его самого. Только вот как ты его доставишь? Снег-то поплыл, того и гляди — вода верхом хлынет!

— Пустячное дело! До нашего прииска напрямки недалеко. Коли дадите коня и хлеба, то мигом обернусь.

Через день Лешак действительно привез худого высокого человека неопределенного возраста с голубыми, прямо-таки лучащимися добротой и любопытством глазами на прозрачном, кротком, точно у херувима, лице, в драной рясе из мешковины и длиннополой домотканой сибирке.

Сотворив уставные метания* и обменявшись приветствиями, мужики зашли к Маркелу и долго, дотошно пытали монаха:

* *Метание* — малый земной поклон, особо соблюдаемый старообрядцами.

— Верно ли, что есть на севере потаенный староверческий скит? Бывал ли ты сам в нем? Далеко ли до него? Крепко ли то место? И правда ли, что беспоповцы там живут?

— Доподлинно знаю, есть такой беспоповский скит. Сам жывал в нём — я ведь тоже беспоповец, только бегунского толка*. Сторона та гожая. Отселя верст, поди, девятьсот будет. Дорогу я вам обскажу в подробностях, но прежде хотел бы потолковать очи на очи, — при этом схимник указал на Никодима и вышел из избы.

Отсутствовали они не очень долго. О чем беседовали — неведомо. Вернувшись, схимник принялся рисовать карту, давая по ходу подробные пояснения.

— А сам скит-то где будет?

— Вот здесь, во впадине... Только нет к нему иного пути акромья водного. Поторапливайтесь. Даже до прииска слух докатился, что, как вода спадет, так к вам карательную команду из уезда вышлют.

Монах отвесил поясной поклон и со словами «Храни вас Бог, братушки» уехал обратно на подаренной скитниками лошади.

Покамест мужики мастерили лодки-дощанки, конопатили, смолили бока, крепили мачты, женщины паковали скарб, шивали для парусов куски полотна, собирали провиант в дорогу. Лошадей и коров пусти-

* *Бегунский толк* — течение в беспоповском старообрядчестве, возникшее в XVIII веке. «Спасение души» для бегунов — это «вечное странствие».

ли под нож, а нарезанное тонкими ремнями мясо коп-
тили, вялили в дорогу.

Как только проплыли крупные льдины, снесли при-
готовленное к речке. Дружно по каткам стянули к ней
и суденышки.

Наконец все было готово к отплытию. Уже и бабы с
тепло одетой ребятней собрались на покрытом галь-
кой берегу.

Никодим с Маркелом покидали скит последними.
Они окинули прощальным взглядом скит, смурно пере-
глянулись:

— Эх, сколько годов здесь прожили: и горести и
радости познали, к каждому дереву, к каждой тропке
привыкли. Огорчительно предавать огню ухоженное
хозяйство, но не оставлять же его хриstopродавцам на
поругание!

Тяжко вздыхая, запалили избы и скрылись в лесной
чаще...

СНОВА В ПУТИ

Караван плоскодонок, подхваченный весенним половодьем, лихо несся по стремнине реки. Волны, разбиваясь о дощаные борта, то и дело захлестывали в лодки, орошали беглецов ледяными брызгами. Женщины и детвора зябко ежились, а мужики не обращали на брызги внимания: они едва успевали отталкиваться шестами от угловатых глыб, нороящих своими мокрыми выступами опрокинуть углые суденышки и отправить путников с грузом в бурлящую утробу хозяйки — реки.

Позади разрасталось жуткое зарево с клубами черного дыма. Оглядываясь время от времени в сторону горящего поселения, суровые старообрядцы смущенно сморкались, иные не скрывали своих слез, а бабы и вовсе ревели как белуги: великих трудов и обильных потов стоило общине укорениться, обустроиться в этих диких местах.

Поутру, обгоняя караван, вдоль берега пронеслась белой метелицей, оглашая округу трубными криками, стая лебедей. Вслед ей ринул холодный ветер — предвестник ненастья. По воде побежала кольчужная рябь. Отражения берегов покоробились, закачались. Вскоре зашептал частый мелкий дождь. Река потемнела, нахмурилась. Мохнатые тучи, слившись в сплошную череду, беспрерывно сыпали студеную влагу на уны-

люю пойму рассеченную извилами русла. Временами дождь, словно очнувшись, начинал хлестать напрапо- лую, ниспадая на землю колышущимися завесами.

Все промокли и замерзли. Опасаясь за здоровье ребятни, Маркел распорядился причалить к берегу и разбить на взгорке лагерь. Спешно соорудили из жер- дей шалаши, покрыли их снятыми с лодок парусами и залегли в ожидании конца ненастья. Прошли сутки, а дождь все лил и лил.

К исходу следующего дня вода в реке стала резко прибывать. Берега раздвигались прямо на глазах. Бы- стрый подъём воды был связан ещё и с тем, что вечная мерзлота не давала возможности уходить дождевой воде глубоко в землю и она почти сразу скатывалась в русло. Поэтому здешние реки в паводок представляют собой неукротимую стихию с бешеным, непредсказу- емым норовом: неожиданно выходящие из берегов потоки в слепой ярости все смывают на своем пути, громоздя на излучинах огромные завалы, перекрыва- ющие путь реке. Отчего она вынуждена пробивать но- вое русло прямо через вековой лес, оставляя старому, забитому стволами ложу реки удел тихой и мелковод- ной протоки, зарастающей со временем.

Стан староверов располагался на вытянутом мысу, покрытом сплоченными рядами лиственниц. Кроме них вдоль берега росли береза, рябина, шиповник. Ка- залось бы, здесь, на лесистом возвышении ничто не могло угрожать путникам. Каково же было их удивле- ние, когда, проснувшись утром, они обнаружили, что со всех сторон окружены водой: своенравная река за ночь промыла перешеек излучины.

К счастью, дождь, медленно ослабевая, отшумел и удалился. Сквозь вороха туч ударили истомившиеся в заточении лучистые столбы. Лес, залитый живительным светом, загорелся празднично, весело.

Караван, не мешкая, покинул новорожденный остров. Замутившаяся вода, грозно поблескивая золотистой чешуей, увлекла, понесла дощанки мимо вздрагивающих под напором воды подтопленных деревьев. Искусство кормчего теперь состояло лишь в том, чтобы не сойти с основного стрежня.

Беспрестанно собирая притоки, река раздавалась вширь. Да и местность изменилась. Горы расступились, смягчились их очертания. Появилась возможность поднять паруса. Хлебнув попутного ветра, они повлекли суденышки на север, мимо крупноствольных лесов, чередующихся разводящими унылых марей, укрытых пружинистыми мхами, куртинами низкорослой голубики и чахлыми лиственницами.

Сколь жалко выглядели эти корявые, сутулые упрямы, вступившие в схватку с безжизненной заболоченной почвой: вершины засохшие, стволы хилые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом держась разлапистыми корнями за мягкую моховую подушку. Некоторые, словно намереваясь искупаться, вошли в воду и остановились. Иные же упали, и только растопыренные широким веером корни высовываются из воды, как руки тонущих.

Проплывали и обрывистые берега с льдистыми выходами вечной мерзлоты. С их края прямо в воду свисали лохмотьями огромные куски дерна.

Побережья безлюдны. Только однажды раскольники увидели три коптящих небо остроконечных берестяных чума коренных обитателей — эвенков. Чуткие глазастые собаки кочевников первыми высыпали на берег разношерстной стаей и дружным лаем подняли переполох в стойбище. Из чумов вышли пестро одетые круглолицые эвенкийки и детвора. Увидев караван больших лодок с белыми полотнищами на длинных жердях, они застыли, будто припаянные морозом.

Чтобы не заполучить лишних свидетелей, предусмотрительные старообрядцы не стали останавливаться. На ночлег устроились далеко за полночь верст через семнадцать.

Шел двадцать третий день пути, когда в речном просвете вновь замаячили острозубые гребни хребтов. Люди сразу оживились из дорожных наставлений схимника следовало, что скоро сворачивать вправо в приток, вливающийся в основное русло сквозь узкое, словно прорубленное мечом, ущелье.

Все сошлось. К полудню следующего дня подплыли к островерхому камню, одиноко торчащему посреди реки. Сразу за ним завернули вправо и зашли в каменную теснину, начинающуюся «воротами» из громадных скал, похожих на лица каменных богатырей, грозно и угрюмо вззирающих на незваных гостей. На карте эти «ворота» были подписаны, как Чёртова пасть. В скором времени путникам довелось убедиться в меткости названия.

Саженой через семьсот стены теснины расступились, по берегам появились косы и отмели, но вскоре межгорная долина, сжимаемая отрогами, вновь сузи-

лась. Отсюда вверх по течению только на шестах можно было подниматься. Вот уж где попотеть пришлось! Мужиков выручала отработанная слаженность в движениях: все, кто стоял с шестом, одновременно, по команде кормчего, отталкивались, сколь доставало силы, от галечного дна. Лодка, под надсадный крик людей, рывком шла вперед и за этот миг мужикам следовало без промедления вновь перебросить шесты под себя, и опять дружно, что есть мочи, оттолкнуться. И так тысячи раз!

Утром четвертого дня, с начала подъема, обогнули отвесный отрог, за которым речка разделялась на два рукава. Неукоснительно следуя дорожным наставлениям, «флотилия» дощанок вошла в более полноводный рукав, с прозрачной, изумрудистого отлива, водой. Слепящие блики солнца красиво метались на её высоко подпрыгивающих бурунах.

По берегу, вдоль самой кромки воды, давя пеструю цветную гальку, навстречу им брел медведь. Заметив караван, подслеповатый зверь встал на задние лапы и, приложив переднюю козырьком к глазам, пытался разглядеть, кто же вторгся в его владения. Сослепу приняв лодки за плывущие коряги, он успокоился и продолжил прерванное занятие — ворочать валуны, слизывая с их влажных боков любимое лакомство — личинки ручейника. Следом показался второй косолапый. Тоже уставился на караван и для острастки заревел, возвещая: я, мол, тут хозяин.

Дальше на отмели стояла, нахохлившись и нацелив вниз клюв, цапля. Она с подозрением покосила желтым глазом и на всякий случай отлетела в глубь заво-

ди, обрамленной осинами с городищем гнезд, по три-четыре на каждой.

Лодки меж тем упрямо продвигались к громадам пепельных хребтов, изрезанных лабиринтами ущелий. В глубоких разломах и нишах виднелись белые отметины снега. Горная, неприступная страна! Все здесь было необычно. Дико, очень дико и голо кругом. На скалах выживали одни желто-серые лишайники.

Там, где русло рассекало нагорье, берега вздымались ввысь на сто сажен и были так близки друг к другу, что солнце в эти каменные теснины заглядывало лишь в середине дня. Сверху искристым бисером беззвучно ниспадали белобородые водопадики. Попав в столь мрачное, неприятное царство, люди даже оробели от обступившего их холодного, бесстрастного величия.

Отвесные стены были испещрены ломаными слоями разноцветных пород: то серых, то желтых, то красноватых. Перед путниками как бы раскрыли летопись в камне, запечатлевшей несчетное число лет жизни на земле. Но люди не задумывались об этом. Они видели просто мрачную теснину, которую надо как можно быстрее проскочить.

На каждой стоянке шибутной Лешак бегал по ключам мыть, в поисках знаков золота, песок. Но ничего путного в пробах не находил: в лучшем случае, выпадали один-два знака.

Сжимаемая хребтами река становилась все напористей и бурунистее. Кипя и пенясь, без усталости гнала она свои воды по извивам каменистого ложа. Сила течения местами была столь велика, что сквозь шум по-

тока доносились глухие удары перекачиваемых водой валунов.

С утра шлось легче. К полудню же оживал дремавший в верховьях речки ветер, который, разгоняясь по узкой трубе ущелья, в союзе с бегущей вниз водой, старался повернуть лодки вспять. Вероятно, другие впади бы от бесконечных препятствий в отчаяние, но непреклонные старообрядцы, невзирая ни на что, упорно продвигались вперед. Было в этих людях нечто сильнее мускулов. Это «нечто» — сила ДУХА, позволяющая совершать невозможное. Дружно наваливаясь на шесты, они рывком, раз за разом проталкивали лодки вперед. Соленый пот заливал глаза, рубахи липли к спинам, а гружёные дощанки вершок за вершком ползли к цели.

В местах, где течение было особенно стремительным, за шесты брались и бабы. Ловко орудовала им супружница Прокла — дородная Марфа. Несмотря на солидный вес и неповоротливость она не уступала иным мужикам. Когда все изнемогали от усталости, Маркел объявлял остановку для отдыха.

На одном из порогов лодку, в которой плыл Никодим, развернуло поперек русла и мощным течением разбило о скалистый прижим. Слава Богу, никто не утонул. Однако водоверть унесла немало полезной утвари. Больше всего расстроила утрата двух топоров и пилы.

Чем ближе к истокам, тем строптивее, норовистее становилась речка. Вскоре она превратилась в череду водопадов. Упругие, лоснящиеся потоки, низвергаясь со ступенчатых уступов, ударились о скальное

дно и исступленно бушевали в выбитых за многие столетия каменных котлах, сотрясая своим ревом округу.

Над всем этим многоголосием висело белесое облако водяной пыли, орошавшее скалистые склоны гор. Путникам повезло. Выпал как раз тот редкий час, когда солнце заглянуло в ущелье и над каждым водопадом зажглась лучезарная радуга —ворота в сказочный, но труднодоступный мир, из которого то и дело выпрыгивали хариусы, с цветистыми, словно отражения этих радуг, спинными плавниками. Всю эту картину обрамляла рама из отвесных скал, контуры которых терялись во влажной дымке.

— Неужто все, дальше не пройти?!

Братия пригорюнилась Дёргаясь от толчков шестами, подползла последняя, седьмая, лодка, с Маркелом. Осмотревшись, он, стараясь пересилить шум воды, прокричал:

— Будем искать волок. Я и Колода пойдем вон к той расщелине, а Никодим с Тихоном переплывайте речку и осмотрите противоположный берег. Потом решим, где сподручней обходить. Остальным пока отдыхать.

Разведчики вернулись только к вечеру. По правому берегу, который обследовали Никодим с Тихоном, обход оказался неудобным — расщелины слишком кругые. Решили пробиваться волоком по левому. Из стволов, застрявших во время паводков на береговых уступах, напилели катки. К днищам лодок для большей сохранности подвязали полозья — обтесанные плахи. Подъем планировали начать с утра, но почти до полу-

дня не могли тронуться— плотный туман затопил ущелье точно невесомый снег.

Чтобы выбраться на пологий волок, пришлось до вечера затягивать лодки в верховья ключа, стекавшего по расщелине, а потом уже с утра следующего дня покатали их по каменному плато до обширного снежника, образовавшегося в котле между скальными грядами. Ближняя скала напоминала циклопическую голову плосколицего идола, со злорадной ухмылкой.

На его плешивой макушке стояли грациозные бараны-крутороги. Залюбовавшись ими, путники невольно остановились. Табунок насторожился и бросился вниз. Самый лихой баран, забежав на наледь, покрывавшую северную «щеку» идола, вдруг сел на круп и лихо покатился вниз. Люди были уверены, что рогач неминуемо разобьется о камни, лежащие у подножья скалы, но в самый последний момент животное ловко вскочило на ноги и, оказавшись уже впереди всех, как ни в чем не бывало, скрылось за грядой.

От оледенелого снега, годами копившегося и пресовавшегося здесь, веяло холодом и сыростью. Люди из лета как бы угодили в зиму. Зато плоскодонки скользили по природному «катку», длинным языком сползавшему к берегу выше водопадного места, как по маслу.

Речка приняла их приветливо. Кипучей толчеи волн здесь не было. Лешак, не мешкая, промыл в лотке песок. В шлихе собралось около семидесяти крупных зерен пластинчатой формы. Сгрудившись в головку, они, как угли гаснущего костра, испускали тускло-жел-

тый свет. Глаза старателя лихорадочно заблестели. А когда он обнаружил в прибрежной гальке угловатый самородок размером с картофелину, то он и вовсе в раж впал: принялся плясать, подняв в невообразимом восторге руки, запрокинув голову и вопя на все ущелье. Наконец Лешак утихомирился и, шмыгая мясистым носом, объявил:

— Благодарствую, братушки, что уговор соблюли. Я здесь остаюсь. Место баское. Не на один сезон хватит. Вам же желаю обрести то, чего ищете!

— Ну что ж, вольному — воля, а спасенному — рай, — дивясь, и в то же время тихо радуясь, отвечивал Маркел. — Может еще и свидимся когда... Отдели ему, Марфа, снеди без обиды.

На следующий день на шестах отмахали сразу четырнадцать верст. Но радость была недолгой: речка вошла в очередной горный узел. Горы! Горы! Горы! Кругом горы! И справа и слева горы, горы, горы, вершины которых теряются в клубах то-ли тумана, то-ли облаков. На мрачных скатах угрожающе торчат зубья скал. С неровных каменистых выступов слетают жемчужными струями ручьи. А по дну тесного ущелья мчит, беснуется обезумевший поток, супротив которого медленно ползут лодки.

Вскоре речку перегородили пороги: гряды базальтовых «сундуков», выставивших из воды мокрые, отполированные крышки. Упругая вода неслась между них так быстро, словно торопилась согреться. Мужики, одолевшие уже столько преград, зароптали:

— Может, тот схимник со злым умыслом нас сюда спровадил?

— Да и Лешак, похоже, неспроста отстал!

Уловив перемену в настрое общины, Маркел воскликнул:

— Терпите, братцы. Господь нас испытует. Не гневайте нашего Владыку и Благодетеля унынием. Будем веровать в Его милость. Прежде здесь люди проходили? Проходили. Так неужто мы не сдюжим, отступимся? Мы ведь почти у цели!

Уверенность наставника благотворно подействовала на путников. Все сразу приободрились, усталые лица посветлели, в глазах вновь загорелся огонь надежды.

На шестах по порогам подниматься было немислимо. Поэтому потянули лодки по-бурлацки, на веревках, привязанных к носу и корме. Бородачей выручало то, что речка за лето обмелела и вдоль одного из берегов всегда можно было идти вброд. Но продвигались медленно, так как приходилось то и дело проводить лодки меж камней, преодолевая мощные сливы.

СКИТ «КЕДРОВАЯ ПАДЬ»

Наконец на третий день бичевания* речка неожиданно круто повернула, и измученные путники увидели перед собой обширную лесистую впадину, защищенную с севера и юга мощными острозубыми хребтами. Более высокий, северный, венчался цепью снежных шапок, вокруг которых разбрелись отары кучерявых облаков. Над самой же падью небо было чистое, нежно-синее.

Норовистая речка, получившая уже название. Глухоманка, брала начало с ледника, на дальнем, невидимом отсюда стыке хребтов. Сбегая по ступеням предгорий, здесь во впадине она успокаивалась, и дальше лодки пошли на шестах играючи. Мужики не заметили, как отмахали несколько верст. Перед двугорбым холмом спохватились и зашли в длинную заводь, окаймленную на всем протяжении полосой кремowego песка. С него нехотя взлетел жирный, лоснящийся глухарь, клевавший мелкие камушки.

На светлом, как русская горница, склоне холма, покрытом могучими кедрами, подступавшими прямо к речной косе, было покойно и уютно. Вокруг разлита такая вселенская тишина, что у изнурённых путников

* *Бичевание* — протягивание судна по реке бичевой (веревками).

неволью возникло ощущение, будто мир сотворен здесь только что, перед самым их прибытием.

— Братушки, лепота-то какая! Прямо земля обетованная, — восторженно выдохнул Глеб. — Сдается мне, что это та самая впадина, о которой сказывал схимник!

— По всему выходит, что так оно и есть. Передо-хнем, а там обсудим, как далее быть, — распорядился Маркел, вынимая топор, заткнутый за пояс.

Надорванная небывало тяжелым переходом братия с нескрываемой радостью повалилась на теплый, крупнозернистый песок. Женщины принялись кто разжигать огонь, кто готовить стряпню из остатков ржаной муки и ячменя. А детвора, истомившаяся в тесных лодках, натаскав сперва для костра кучу хвороста, пустилась играть в догонялки. Голосистое эхо разнесло по долине речки звонкий смех развеселившейся ребятни.

Самые нетерпеливые мужики, не мешкая, отправились обследовать окрестные леса. Места им открылись богатые. Изумляло обилие следов и помета дикого зверя. Как выразился охотник Игнат:

— Дичи тута — что мошкары!

— Всех пород звери есть — не оголодаем! — согласился Прокл.

Сдеревьев то и дело слетали стаи непуганной дичи: спесивые тетерева, грузные глухари, бестолковые рябчики. Тараня кусты, с шумом разбегались олени. Спасаясь от их копыт, с тугим треском от хлопков крыльев, выпархивали из травы куропатки. По ветвям кедров сновали жизнерадостные белки. Время от времени порывы верхового ветра срывали увесистые смоли-

тые шишки. Они глухо шлепались о землю, расцветченную солнечными пятнами. Ноги мягко пружинили на толстом ковре из длинной рыжей хвои. За холмом, в низинке, на прогалинах, окруженных елями, взор обрадовали заросли голубики, усыпанной матово-синими ягодами, красные россыпи поспевающей клюквы, брусники.

Разумея, что искомый скит где-то поблизости, очарованный не менее других, Маркел обратился к Никодиму:

— Каково благолепие! Здесь бы и обосноваться, да своих братьев сначала найти надобно.

Несколько растерявшийся Никодим сразу напрягся, помрачнел. Собираясь с духом, он тяжело вздыхал, мял пальцами пучок кедровой хвои.

— Не гневайся Маркел. Взял я на себя грех, утаил, по уговору со схимником, что община та поголовно вымерла. С ярмарки к ним холеру занесли, а тут, как на грех — пурга приключилась. Люди, в пещерах безвылазно сидеючи, так и перемерли один за другим. Только монаха того благочестивого Бог и уберег: он в ту пору на месячное моление в лес удалился, а когда воротился, узрел ужасную картину. Ладно сообразил — сразу утек. Обитатели их вон на той горе были, — Никодим указал рукой на каменистую плешину, видневшуюся на склоне северного хребта верстах в шести-семи от них. На ней можно было различить ряд черных точек, — это и есть их пещерный скит. Впадина велика и зело скрыта, а пещеры, сам видишь, далеко, для нас не опасны. Только ходить нам туда не след — потому как зараза та, схимник сказывал, шибко живуча.

В этот момент с небес полились торжественные, трубные, берущие за самое сокровенное в сердце, звуки. Они заполнили собой все пространство над впадиной. Собеседники запрокинули головы и увидели журавлиный клин.

— Всевидящий Господь благословляет! — благоговейно произнес Маркел.

Собравшись у костра, братия, то и дело с надеждой поглядывая на наставника, взахлеб восхваляла прелести и достоинства Кедрового урочища.

— Краше и скрытней пристанища не сыскать, — изрёк Колода.

— Место и впрямь отменное, благостно будет жить здесь, — поддержал Никодим.

— Ну что ж, братушки, решено: скит здесь будем ставить, — подытожил Маркел.

— А как же искомый скит?

— Чужой скит — он и есть чужой.

— Сами как-нибудь обживемся, нам не привыкать, — согласился колебавшийся до того Пахом.

— Слава Богу! Наконец-то! А то ведь, того и гляди, по земле ходить разучимся — все по воде, да по воде, — встряла повязанная до бровей черным платком словоохотливая Агафья, жена Глеба.

По этому случаю на ужин сготовили ячневую кашу с вяленным мясом и съели всю без остатка, облизав, как всегда, начисто чашки и ложки.

Когда последний человек вылизал ложку и убрал её в котомку, сидевший на валёжине Маркел поднялся:

— Братья и сестры, помолимся и спать. С утра за дело. Да благословит нас Господь. Аминь.

Путники наконец уразумели, что ставшая привычной бесконечная и изнурительная дорога закончилась, и даже несколько растерялись от того, что утром никуда не надо плыть. Вместе с тем сердца староверов постепенно наполнялись радостью от сознания, что они достигли цели и в этой тяжелой дороге не потеряли ни единого человека. Значит, и вправду шли Богом ведомые.

Истомленная продолжительным переходом община быстро угомонилась. Над становищем воцарилась тишина, прерываемая лишь всхрапыванием мужиков. Луна, разворошив тучи, осветила стан. Только два человека, охраняя покой спящих, не сомкнули глаз: Маркел и Никодим.

Летом ночи коротки. Как не устали новопоселенцы, а привычка вставать с первыми лучами солнца взяла верх. Отслужили благодарственный молебен Господу за милостивое соизволение на обживание земли новой. Продолжался он несколько часов. Мужики стояли на коленях отдельно от женщин. По завершении благодарений все дружно принялись за работу.

Подходящее для скита место выбрали саженьях в ста от берега, на взгорке, где кедры стояли пореже. Поскольку до снега оставалось всего полтора месяца, а путники были вымотаны тяжелым переходом, решили ограничиться пока устройством курных землянок со стенами из сухостоин, сосредоточившись в первую очередь на заготовке припасов для зимовки.

Бабы и дети разбрелись по лесу собирать в берестяные кузова и лукошки ягоды, грибы, орехи. Ребята постарше ловили рыбу. Когда завершился Петров пост, Маркел дозволил охотникам заклать диких зверей. Из кишков оленей, заполненных молотым орехом и залитых кровью, делали вкусные и питательные колбаски. Мужики, кто поздоровее, рыли землянки, вмуровывали в печи котлы для варки пищи.

На счастье поселенцев, урожай в тот год выдался редкостным. Особенно уродилась любимая всеми брусёна. Ее красные глянцевые ягоды обладают замечательным свойством: моченые, они не портятся годами. Поэтому хранят их прямо в кадках с водой, подслащенной медом.

Белая кувшинка с крахмалистыми корневищами здесь не росла, и для выпечки хлеба копали рогоз, заросли которого опоясывали все заводы. Нарезанные, высушенные, затем измельченные в ступе, корни рогоза давали питательную муку. Пух из его коричневых, как бы обгорелых початков добавляли для тепла в подклад зипунов. Длинные листья тоже употребляли в дело: из них плели рогожи и легкие корзинки. Привезённые два пуда ржи не трогали — берегли на посев весной.

Первая зима прошла для скитников в тяжких трудах: наряду с будничными хлопотами с утра до вечера готовили лес для будущих построек. Материал для срубов подбирали бревно к бревну. Волочили их издалека, так как вокруг места, выбранного под скит, росли лишь громадные кедровые свечи в полтора-два обхвата. Иные такими вымахали, что

задерешь голову на вершину поглядеть — шапка валится. Вот и приходилось искать стволы потоньше по закраинам бора. Спилев подходящее дерево, одни обрубали сучья, другие шкурили, третьи по снегу веревками волочили розоватые стволы к месту поселения.

Зима в этих краях хотя и богата солнечными днями, долга, утомительна, а главное — необычайно студёна. Что бы не заморозить детишек, землянки топили часто. Одна из них от огня, перекинувшегося с очага на обложенную сухостоинами стену, выгорела дотла. Слава Богу, никто не погиб. Укутавшегося в уцелевшее тряпье Прокла с супружницей и четырьмя детьми забрал жить к себе наставник: его землянка была самой просторной — с расчётом на ведение службы.

В ожидании тепла и Святой Пасхи скитники все чаще посматривали на наливающееся жаром солнце, сосульки, свисающие с крыш, вслушивались в повеселевшие голоса синиц. Вот и вокруг стволов крупных деревьев появились воронки. С каждым днем они углублялись и расширялись, обнажая лесную подстилку.

На березах из образовавшихся за зиму морозобин начался «плач». Под ближайшими к скиту деревьями расставили кадки. В них, особенно когда припекало, обильной струйкой стекал сладкий березовый сок. Все с удовольствием пили его, а женщины, воюя с морщинами, даже умывались им.

Как только сошел снег, первым делом раскопали небольшой прибрежный взгорок и засеяли делянку

рожью. Спускавшийся к реке остаток пашни пустили под огород: благо, что Марфа, умница, когда покидали забайкальский скит, захватила с собой в мешочках семена моркови, лука и репы.

После посадки и стройка закипела. Посреди двора воздвигли ладный молельный дом. Установили старинный иконостас, привезенный в ольховом кованом железом сундуке. В центре — икона Святой Троицы в серебряной ризе. Рядом поставили особо чтимую икону Семистрельной Божьей Матери, оберегавшей их общину от бед аж от самого Ветлужского монастыря.

Четверым бобылям поставили ладный дом с украшением в виде конской головы на охлупе*. Семейным дома рубили отдельные. Избы ставили к ограде глухим задом, лицом с оконцами к центру — «круговое поселение» в традициях общинной жизни. Срубы мастерили из кедра, только молельню и обитель наставника из стволов лиственницы. Внутри жилищ стояла такая свежесть — не надышишься.

Потолки из тесаных плах глиной промазали, а позднее, осенью, засыпали еще и толстым слоем сухой листвы. Венцы проконопатили мхом. Оконца с крепкими рамами, затянули тайменевыми пузырями. В передней половине выложили из дикого камня большие печи. Вокруг них подвесили к потолку ошкуренные жерди-перекладины для сушки одежды и обуви. А под потолком, за печью, соорудили полати — помост для сна.

* *Охлуп* — конек крыши.

В красном углу киот с образами, под ним широкие лавки вдоль продолговатого стола. По стенам деревянные гвозди для одежды, домашней утвари, пучков травы, полки для чашек больших и малых, блюд, жбанов, повыше полочки для хранения мелких предметов. Возле домов ледники, сушильные навесы. Скитники давно приноровились под их защитой сушить рыбу и нарезанное тонкими ломтями мясо. Все поселение обнесли временной оградой из жердей, которую через год заменили частоколом из заострённых стволов лиственницы.

После работ и служб по Часослову* скитники, следуя правилам Варлаамова устава, собирались в избе Маркела. Вели душеполезные беседы. Вслух читали священное писание, жития святых, пели духовные песни и псалмы во славу Господа, милостивого к ним каждодневно. Порой под настроение или по случаю праздника слушали игру на свирели или рожка доморощенного музыканта Онуфрия, заводили старинные песнопения. Их знатоками и непревзойденными исполнителями были Марфа и Ксения — жена Онуфрия. Остальные душевно подпевали им. Онуфрий из обычного рожка извлекал переливы таких созвучий, что у суровых скитников невольно выступали слезы. Столько заветных воспоминаний и желаний пробуждали звучащие мелодии. Кто-то слышал в них колокольный звон, запомнившийся с детства, кто-то колы-

* *Часослов* — богослужебная книга, содержащая псалмы, молитвы, песнопения и другие тексты суточного обслуживания.

бельную матери, кто-то торжественные службы в Ветлужском монастыре, кто-то помимо воли заглянул в укромный уголок своей души...

Трудолюбивые скитники без работы не сидели.

Выдывали шкуры добытых зверей, сучили волокно и на самодельных станках ткали из него полотно, шили одежды, ладили всевозможную утварь, выращивали за короткое, но жаркое лето корнеплоды и рожь.

Ржи, из-за нехватки пашен, сеяли понемногу, больше для просфоры* и для выпечки в дни двенадцатых праздников. Повседневно же использовали муку из корня рогоза. Интересно, что на протяжении многих лет наблюдалась любопытная закономерность: как завершали сев ржи, так в первую же ночь поле кропило дождём.

Несколько дуплистых деревьев, заселенных пчелиными семьями, развели еще в прошлый год. В разгар лета, когда цвели главные медоносы, Никодим взбирался на помеченные деревья и, оберегаясь дымарем, осторожно вынимал часть заполненных янтарным медом сот для лакомства в праздники и приготовления лекарственных снадобий.

Так и зажили поселенцы, в трудах и моленьях, радуясь вновь обретенному убежищу, неустанно воздавая Господу Богу благодарения.

* *Просфора* — небольшие круглые хлеба, употребляемые для причащения, при совершении таинств.

ПОСЕЩЕНИЕ ЯРМАРКИ

Громада безлюдного пространства и непроходимые горы надежно укрывали новорожденный скит от мира. Раскольники прочно укоренились в щедром кедровом урочище, постепенно расширяя для себя границы приютившей их Впадины.

Четыре года они не покидали ее пределов. Но на пятый, в аккурат во время Великого Поста, все же пришлось снарядить ватагу из четверых мужиков в острог* на весеннюю ярмарку за мануфактурой, инструментом, порохом и свинцом. Помянули добрым словом схимника, который не поленился изобразить, как из Впадины пройти к нему. К счастью, острог находился не на западе, а на востоке, и не надо было повторять страшный путь до Чертовой пасти через пороги Глухоманки.

Чтобы иметь возможность менять товар, скитники еще с лета собирали самородки, мыли, наученные Лешаком, золотиносный песок. Осенью начали промышлять пушнину в основном ценного соболя и крепкую, носкую выдру.

Путь к острогу пролегал через восточный стык Южного и Северного хребтов. Ходоки шли на снегос-

* *Острог* — казенная деревянная крепость, обнесенная крепким бревенчатым частоколом.

тупах вдоль глубокой тропы-борозды, набитой горными баранами. Местами встречались их лежки, клочья шерсти, старый и свежий помет. Похоже, животные обитали здесь давно, добывая корм на малоснежных, прогреваемых солнцем террасах.

Тропа вилась по отвесным кручам, узким карнизам, нередко зависала над жуткими безднами: вниз глянешь — невольно озноб пробегает до пят.

Наконец головокружительные участки остались позади: скитники выбрались на перевальную седловину и, перейдя на восточный склон, нашли безветренное место. Вырыли в снегу яму. Расстелили мягкие оленьи шкуры, поужинали и легли спать, прижавшись друг к дружке. Сквозь меховые одежды холод не проникал, спалось крепко. С восходом солнца, надев снегоступы, начали спуск.

Появились первые ели. По противоположному склону ущелья цепочкой, изящно прыгая с уступа на уступ, не обращая внимания на людей, поднимались хозяева здешних мест — бараны.

Сойдя на пойму незнакомой реки, путники соорудили на ветвях старой березы лабаз. Сложили на него припасы для обратной дороги: лепешки, вяленое мясо, а сверху все это укрыли корьем, придавили обломками сухостоин. От лабаза двинулись на север по белой ленте реки, на которой четко выделялись многочисленные нартовые следы — оленьные эвенки на ярмарку проехали. Воспользовавшись накатанной полозьями нарт колеёй, ходоки сумели одолеть оставшийся путь до острога в два дня.

Располагался острог на высоком береговом куполе у подножья, изъеденного дождями и ветрами кряжа. В начале XVII века здесь был заложен казачий пост, выросший со временем до деревянной крепости с двумя сторожевыми башнями: «воротной» — с выходом к реке и «тынной» — с бойницей и пушкой направленной в сторону леса. Орудия служили больше для устрашения, чем для огненного боя.

В этих диких и безлюдных местах острог был важным опорным пунктом для продвижения промышленного люда на север и на восток к Алдану, и дальше, на Колыму. Он издавна был известен во всей округе. В обязанность служивых также входил сбор податей и ясака с местного населения. Сюда, в начале каждой весны, по снегу, съезжались на оленьих упряжках все окрестные кочевники-эвенки и хитроглазые купцы-молодцы с Алдана. Шумное многодневное торжище проходило прямо у реки, перед крепостью.

В такие дни к десятку столбов печного дыма острога, подпиравших остекленевший от мороза небесный свод волнистыми расширяющимися вверх колоннами, прибавлялось до двух сотен дымовых столбов из чумов понаехавших кочевников и промысловиков. Дым, поднявшись до вершин горных гряд, обрамлявших острог, потоком воздуха смешивался в одну белесую крышу, высоко и неподвижно зависшую над ярмаркой, словно специально для защиты многоликого торжища от стужи.

Пространство перед острогом заполняли нарты с товаром. Кругом лежали пухлые связки мягкой рухля-

ди*, туеса с мороженой клюквой, мешки с орехами, мороженой дичью, тюки с чаем и табаком, мешки с сахаром и солью, топорами и ножами, ящички с гвоздями и скобами, рулоны сукна и холста, горы всякой посуды. Отдельно, под присмотром казака, продавались ружья, боеприпасы: свинец, порох, патроны.

Тут же ходили поп с дьячком. Читали проповеди, беседы вели, увещевали потомков многочисленного когда-то эвенкийского племени креститься в православие.

Торговый люд тоже времени даром не терял. Поил «сердитой водой» доверчивых инородцев и скупал у захмелевших за бесценок таежные дары. С особым усердием выманивали соболей. Видя такой грабеж, скитники брезгливо отворачивались:

— Экая срамота! Не по совести поступают, а еще православные!

— Ровно басурмане какие. В прежние времена такого нечестия и в мыслях не допускалось.

А эвенки, дивясь пристрастию русских купцов к соболю, наоборот ещё посмеивались над ними промеж собой:

— Лучи** — глупый люди. Соболя любят, а оленя — нет. Соболя — какой толк? Меха слабый, мясо вонючий. Олень — мяса много, мех крепкий.

Непривычные к обилию народа, многоголосому гаму и пестроте скитники, чтобы побыстрее покинуть шумное скопище, не торгуясь, поменяли самородное

* *Ружлядь* — пушной товар, меха.

** *Лучи* (эвенк.) — русские.

золото и пушнину на искомый товар и ушли из острога кругами — следы путали.

Вернувшись с ярмарки, «опоганенные», не заходя в избы, долго мылись в бане, стирали облачение — скверну смывали. Доставленный товар для изгнания вражьих сил осеняли крестным знамением.

Того, что принесли первые ходоки, хватило общине на два года. В очередной поход в острог определили Изота — старшего сына Глеба, повзрослевшего сына Никодима — Елисея и Колоду, назначенного у них старшим.

На обратном пути, утром второго дня, когда скитники переходили замерзшую реку неподалеку от устья впадавшего в нее ключа, Елисей заметил, что впереди вроде парит, и предложил обойти опасное место.

— И то верно, прямо только вороны летают, — поддержал Изот. Но Колода, не любивший долго размышлять и осторожничать, в ответ прогудел:

— Коли давеча здесь прошли, стало быть, и нынче пройдем.

Истончившийся под покровом снега лед все-таки не выдержал тяжело груженных ходоков, и они разом оказались по грудь в воде. Течение оттеснило их к краю промоины. Мужики без лишних слов мигом перебросали на снег тяжелую поклажу, затем освободились от снегоступов. Теперь надо было как-то выбираться самим. Первым вытолкнули на лед самого молодого — Изота. Следом Колода подсобил Елисею.

— Живо поклажу подальше и веревку мне. Она к торбе приторочена, — скомандовал Колода.

Исполнив все в точности, Изот с Елисеем принялись вытягивать из промоины старшего. Когда тот был уже по пояс на льду, закраина не выдержала скитского богатыря, скололась, а веревка, к несчастью, выскользнула из его оковеневших рук. Тот час подхватив добычу, чёрная вода затянула ее под лед.

Мокрые Изот с Елисеем бухнули на колени и принялись истово молить Бога за товарища. Правда, крепкий мороз принудил их вскоре подняться.

Поскольку до дома было еще далече, заковеневшие скитники решили бежать по следу эвенкийских упряжек, проехавших накануне, в надежде достигнуть стойбища, расположенного где-то неподалеку у подножья Южного хребта. Перетащив всю поклажу к приметному своей расщепленной вершиной дереву, зарыли ее в снег.

В тех местах, где нартовая колея проходила по безветренным участкам леса, она была непрочной и то и дело проваливалась под ногами бредущих к стойбищу парней. Оледеневшая одежда хрустела и затрудняла движение. Путники, похоже, чем-то сильно прогневили Господа: откуда ни возьмись налетела густеющая на глазах поземка —поднимала голову пурга.

— Сил нет. Остановимся! — прокричал, захлебываясь ветром и колючими снежинками, Изот.

Чтобы окончательно не застыть, парни повалили поперек нартовой колеи ель и забрались под ее густые лапы. Дерево быстро замело. Внутри, под пухлым одеялом, стало тихо и тепло. Чтобы быстрее согреться, ребята обнялись. Над ними со свистом и воем неистовствовала разыгравшаяся стихия...

Припозднившаяся оленья упряжка, ехавшая с ярмарки, уперлась в высокий сугроб. Лайки, что-то почуяв, принялись рыться в нем. Эвенк Агирча с дочерью Осиктокан* разглядели в прокопанной собаками норе меховой сапог, торчащий из хвои. Раскидав снег и раздвинув ветви, они обнаружили двоих русских бородачей. Вид их был ужасен: безучастные лица, заиндевшие волосы. Но люди, похоже, были живы. Переложив их на шкуры, покрывавшие нарты, эвенки развернули застывшие коробом зипуны, распорол рубахи и принялись растирать замерзшие тела мехом вывернутых наизнанку рукавиц, затем драгоценным спиртом. Грудь Елисея постепенно краснела, и вскоре он застонал от боли. А бедняга Изот так и не отошел. В чум привезли только Елисея.

Глядя на покрытое водянистыми пузырями, багровое тело обмороженного, в стойбище решили, что лучи не жилец. Но крепкая, с щеками брусничного цвета Осиктокан продолжала упорно выхаживать Елисея: смазывала омертвевшую кожу барсучьим жиром, влила в рот живительные отвары. И выходила-таки парня! И даже когда лучи совершенно оправился, она старалась не отходить от него ни на шаг. Её румяное смуглое лицо, обрамлённое чёрными, с воронным отливом волосами, не выделялось красотой, но чудные карие глаза заставляли сердце невольно сжиматься от сладостного беспокойства.

Елисей, живя в стойбище, сделал для себя неожиданное и, вместе с тем, приятное открытие: эвенкий-

* *Осиктокан* (эвенк.) — звездочка.

ки, вопреки бытовавшему в их скиту представлению, одевались красиво и опрятно. Все в длинных шароварах Юбки широченные, на шее непременно ожерелье из серебряных монет. На ногах легкие олочи, сшитые из оленьей замши и украшенные изящным орнаментом. На первый взгляд женщины кажутся необщительными и даже замкнутыми. На самом деле они, впрочем, как и мужчины, веселые, добрые люди, доверчивые и преданные друзья.

Пролетели месяц-другой. Елисею давно следовало вернуться в скит, но молодые никак не могли расстаться. Агирча уж стал лелеять надежду породниться с высоким, статным богатырем. Но Елисей, воспитанный в правилах строгого послушания, не смел, не получив дозволения, привести в скит хоть и крещеную, но не их благочестивой веры, девицу. Поэтому он попросил Агирчу подвезти его до места, где осталась лежать его поклажа.

Агирча тотчас пошёл арканить оленей для упряжки. Набрал мелкими кругами ременный маут. По рисунку ветвистых рогов опознал своего любимого жоака и метнул аркан. Кожаное кольцо зависло над насторожившейся головой быка и успело накрыть ее, не зацепив острых отростков, до того, как тот рванулся в сторону. Все. Теперь главное — удерживать дико скачущего и раздувающего ноздри оленя. Почувствовав крепкую руку, бык смирился, и почти не сопротивляясь, дал запрячь себя. Собрав таким манером в упряжку шесть оленей, тронулись в путь. Агирча затянул свою протяжную песню-

разговор и за полдня довез Елисея до приметного дерева.

Раскопав поклажу и отобрав самое необходимое, парень пешком на снегоступах отправился в скит.

Уже и нечаявшая увидеть его живым братия вместе с радостью прониклась особым сочувствием к чудом уцелевшему ходоку. Погоревали о погибших, отслужили по ним панихиду.

— Выходит, Господь так и не простил Колоде убиенную душу, на суд призвал. Плохо видать мы тот грех отмаливали, Божий гнев не сменили на милость, — сделал вывод наставник.

Просьба Елисея дозволить жениться на эвенкийке вызвала в общине возмущение:

— Окотись! Да как ты мог удумать такое! Не по уставу то!

Тосковавший по раскосой красавице юноша совсем потерял голову. Карие, словно удивленные, глаза звали, не давали покоя даже во сне.

Через несколько дней Елисей попытался вновь заговорить о женитьбе с отцом и матушкой, чтобы заручиться пониманием и поддержкой хотя бы с их стороны, но получил еще более резкий отказ. Закручинился парень. Хмурой тучей ходил по двору. Будучи не в силах терпеть разлуки с любимой, он решился на крайний шаг: тайно ушел к эвенкам и остался жить там с Осиктокан вопреки не только воле родителей, но и воле всей общины.

Что удивительно, Елисей, несмотря на страсть, оберегая свою возлюбленную от грехопадения перед Богом, берег ее девственность.

На очередном скитском сходе братия единодушно прокляла Елисея за самовластье и непочтение к уставному порядку.

Прошло еще два года. Когда снаряжали очередную ватагу в острог, Никодим, крепко переживавший за сына, обратился к Маркелу:

— Не гневайся, хочу об Елисее поговорить. Понимаю, нет ему прощения, но все мы человеки, все во грехах як в болоте валяемся. Един Бог без греха. По уставу оно, конечно, не положено в супружницы чужих, но где девок-то брать! Сам посуди, своих мало — все больше ребята рождаются, а эвенки все же чистый народ, Никоновой церковью не порченый. Добры, отзывчивы, не вороваты — чем не Божьи дети?

— Размышлял и я о том. Книги старые перечитал. Эвенкийка, спору нет, молодец — нашего брата спасла. Думаю так: ежели решится она пройти таинство переправы* и креститься по старому обряду с трёх погружительным омовением в ключе святом, а oprичь того, даст пожизненный обет не покидать пределы Впадины, то, пожалуй, и повенчаем. Бог то един над всеми нами, — согласился наставник.

Собрали сход. Долго обсуждали сей вопрос. Много было высказываний «за», не меньше «против». Но тут встал отец погибшего Изота — Глеб:

— Братья, вдумайтесь, когда с нашими чадами случилось несчастье, эвенки не посмотрели, что они другого рода-племени — старались спасти. Теперь случилось счастье, двое возлюбили друг друга — мы

* *Переправа* — переход в староверство (смена веры).

же препятствуем им. Не по-христиански это. Одна головня и та гаснет, а две положи рядком — закурятся, огонь дадут.

После таких слов сердца и противников смягчились.

Ватага, отправленная в острог, на обратном пути разыскала по следам перекочевавшее остроглавое стойбище. Одарив Агирчу многими полезными в хозяйстве вещами, староверы увезли счастливого Елисея и его пригожую суженую в скит. Совершив все установленные обряды и повенчав по старому обычаю, молодых определили жить в поставленный накануне пристрой под крышей родительского дома. В положенный срок Бог дал новокрещенной Ольге и прощенному Елисею премилую дочку.

БОЖЬЯ КАРА

Появление молодой эвенкийки привнесло в быт скитников немало полезных новин. Она научила баб делать сухари из высушенной крови, на-тапливать впрок жир, выпекать хлеба из муки сусака.* Он оказался питательней, а главное-вкусней, чем из корневищ рогоза, и называли его в скиту «Ольгин хлеб» Еще вкусней оказались ломтики корня сусака, поджаренные на светло-желтом масле кедровых орешков.

Ольга также обучила русских баб шить из шкур совсем молодых оленей превосходные двойные дохи и так называемые парки: особый вид зимней одежды, имеющей покрои обыкновенной рубашки, без разреза, так что их надевают через голову. Эти парки были чрезвычайно теплы и сразу полюбились скитникам. Из осенней шкуры лося по ее примеру стали шить торбасы.** Они были настолько крепкие, что служили до пяти зим без починки. На подошву употребляли кожу с шеи лося — наиболее толстую и прочную.

* *Сусак* — растение до полутора метров высотой с белозонтиками цветов, с толстыми крахмальными корневищами.

** *Торбасы* — мягкие олени сапоги.

Как повелось, через два года вновь снарядили троих ходоков в острог. Маркел по-отечески наставлял перед дорогой.

— Смотрите, поаккуратней на ярмарке. Не забывайте своевольно в речах. Что надобно взяли на обмен и сразу — обратно. А то чуть обмолвитесь, разом к ответу привлекут острожники.

Запомятав про наказ наставника, один из ходоков, по имени Тихон, впервые попавший на торжище, неосмотрительно пробурчал в бороду в адрес священника, склонявшего эвенков принять христианскую веру.

— Кукишем молится, а Божьего Помазанника поминает.

Эти слова, сказанные мимоходом, вполголоса, казалось, никто не мог услышать, а получилось, что не только услышали, но и мстительно донесли. Казаки тут же взяли голубчиков под стражу и повели в крепость.

— Сколь можно с этими упрямыми возиться. Нечай им потачки давать. Давно надоть кончать, чтоб честному люду глаза не мозолили.

— Оне все одно выживут Така порода.

— А мне, братцы, все едино хоть христь, хоть нехристь. Лишь бы человек уважительный был, по правде жить старался.

— Ты, паря, язык-то попридержи, еще припишут нам крамолу. Мало ли что ты думаешь. Служим-то государю, — одернул говорившего служивый в годах.

Сколь ни пытались казаки на допросе выведать у старообрядцев, откуда они явились и много ли их, те молчали, как истуканы. Один Тихон сквозь зубы процедил «Не в силе правда».

— Бросьте мужики упрямничать. Оставьте свою обомшленную веру. Переходите в государеву церковь. Покайтесь и прощение вам будет. Чего в тайниках маетесь? Себя и детей без общества изводите?! — принялся ласково увещевать многоопытный старшина.

— Соль горькая, а люди не могут без неё. Может, и тяжела наша ноша, но с ней умрём, а не поступимся, ибо наша вера непорочна, со Христа не правлена. Мы с ней родились, с ней и на суд Господний взойдём, — смело глядя на казака, сказал, как отрезал, Тихон.

Изъяв по описи золото и мягкую рухлядь в казну, ослушников до приезда казачьего атамана заперли в холодной, темной клетки.

Бесстрашные кряжистые бородачи в ней сразу как-то оробели.

— Ох и погано тут, — произнес после долгого молчания Тихон.

— Что в скиту скажем? Товару-то теперича взять не на что. Одно слово — ротозеи! — откликнулся Мирон.

— Не о том горюешь. Сперва придумать надо, как отсель выбраться.

— А может, нам действительно покаяться: якобы отрекаемся от веры нашей, а как отпустят — так и чесать домой? — предложил Филимон.

— Типун тебе на язык. Укрепи дух молитвой! Не можно так даже мыслить, великий то грех перед Богом! — возмутился Тихон.

Вечером следующего дня казаки бражничали по случаю именин старшины. В клеть через дверную щель потянуло сивушным смрадом.

— Неужто такую гадость пить можно? Даже от запаха рвать тянет.

— Одно слово — поганцы!

Гуляли казаки долго, но к середине ночи, вконец одурманенные, все же уснули. Оставленным без надзора арестантам удалось, накинув кожаный поясок на дверную чеку, сдвинуть ее и бежать.

До скита оставалось два дня пути, когда Мирон с Филимоном захворали, да так, что не могли даже идти. Тихон, запалив под выворотнем костер, уложил товарищей на лапник.

Больные всю ночь бредили от сильного жара. У обоих перехватило горло. К утру, от удушья, помер Филимон. Тихон топором вытесал из отщепы лопату, отгрёб с кострища угли и, выкопав могилу, похоронил товарища. Мирону же немного полегчало, и они решили двигаться дальше. С трудом одолев двенадцать верст до лабаза с припасами, ходоки остановились на ночевку. Впервые со дня заточения поели.

Тихон соорудил из сухостоин жаркую нодью*, из снежных кирпичей — защитную стенку и лег рядом с Мироном. В тепле сон сморил обоих. Благо нодья горит долго и жарко. Когда Тихон проснулся, его спутник был уже мертв.

К скиту Тихон подходил в поздних сумерках. В густом кедраче было темно, но над небольшими лоскута-

* *Нодья* — костер для ночлега: промеж кольев кладут два достаточно толстых сухих ствола; жар и скорость горения регулируют приподниманием или опусканием верхнего ствола.

ми пашен, укрытых осевшим крупнозернистым снегом, еще держался бледно-серый свет. У тропы, в незамерзающем роднике, как всегда услужливо качался берестяной ковш. Пахнуло терпким дымом родных очагов. Между кедровых стволов проступили знакомые очертания скитских построек, над которыми, предвещая хорошую погоду, поднимался прямыми столбами дым.

Тихон прошел вдоль зубчатого частокола к воротам. Отодвинул потаенный засов. Собаки признали и голос не возвысили. Из молельного дома неслось красивое пение: «Аллилуйя! Аллилуйя! Слава тебе. Боже! Аминь!» Взволнованный путник отворил дверь, но до того враз обессилел, что еле вволок ноги во внутрь.

Скитники тут же обступили исхудавшего, обтрепанного собрата:

— Остальные-то где?

— Бог прибрал, — едва прошептал Тихон и, словно стыдясь того, что вернулся живым, виновато склонил голову, перекошил плечи. В изнеможении опустившись на лавку, он коротко рассказал о постигших бедах.

— Господи, да за что же наказание нам такое?!

Все истово закрестились, ожидая, что скажет наставник.

— Сие недобрый знак. Не стоит нам боле в острог ходить, — заключил Маркел.

— И то правда, в остроге том одна нечисть, — поддержал Никодим.

Но нашлись среди братии несогласные.

— Крот и тот на свет Божий выбирается, а мы все от мира хоронимся. Опостылела такая жизнь, — с жаром выпалил младший брат Филимона — Лука.

Глава общины, всегда спокойный и чинный, вспыхнул от негодования. Он устремил на охальника взор, от которого тому вмиг стало жарко.

— Поразмысли, человече, что из твоих крамольных речей проистекает?! От истинного православия отойти возжелал! С нечистью спознаться надумал? Забыл — один грех не прощает Создатель: отступничество от веры отцов благочестивых. Нет тому прощения ни в какие времена.

Перепуганный Лука покаянно пал ниц:

— Прости, отец родной, бес попутал, прости Христа ради!

— В яму нечестивца! Для вразумления! Пусть остудится, грех свой замолит. В нашем скиту ереси сроду не бывало!

Праведник хотел еще что-то сказать, однако от сильного волнения запнулся, а, овладев собой, воскликнул:

— Прости Господи раба неразумного. Не ведает, что говорит!

Братия одобрительно загудела, закивала:

— Житие у нас, конечно, строгое, но иначе не можно. Одному послабу дай, другому — дак соблазнам уступят, про веру, про Бога забудут, а там и к диаволу пряма дорога.

— И то верно. Со смирением надобно принимать то, что уготовано Господом во испытание наших душ.

Притихший народ разошелся по избам, а наставник меж тем долго еще отбивал земные поклоны!

— Много в нас, человеках, гордыни и своенравия. Помогите, Господи, единую крепость держать! Дай сил

нам веру в чистоте сохранить. Убереги рабов неразумных от греховных мыслей. Аминь.

Из глубокой земляной ямы весь день неслись причитания объятого ужасом Луки:

— Простите, братья! Нечистый попутал Христом-Богом молю простите! Пожалейте, околею ведь на холоде!

Сострадая, сбросили еретику охапку кедровых лап и широкую рогожу. На следующий день к нему втихара пришла сердобольная Прасковья, жена Тихона. Спустила в корзине еду и воду. Но на второй и на третий день она не появлялась. Опечаленный, Лука не ведал, что пророчества Маркела сбывались. В скиту начался лютый мор и Прасковья, несмотря на старания Никодима, преставилась одной из первых.

Уловив на четвертый день отголоски псалма за упокой души, Лука уже не сомневался в том, что это его богохульство навлекло гнев Господа на обитателей скита. Дрожа всем телом, он истово зашептал синими губами покаянные молитвы. Расслышав и назавтра обрывки отпевания, Лука и вовсе перепугался. Он понял, что в скиту происходит нечто ужасное и общине не до него. Чтобы не умереть от холода и голода, отступник решил выбираться из ямы самостоятельно. С упорством обреченного он принялся выковыривать в стенке обломками веток углубления, поднимаясь по ним все выше и выше. Когда до кромки ямы оставалось четверть сажени, несчастный сорвался и упал, и столь неудачно, что повредил позвоночник.

Крестов на погосте прибавлялось. Умирали все больше дети. У Никодима, вместе со сведущими в ле-

карском деле супружницей Пелагеей, дочерью Анастасией и невесткой Ольгой, в эти дни не было времени даже поесть. Они дотошно вчитывались в лечебники, пытаясь составить подходящее снадобье от косившей братьев и сестер болезни. Зараза не пощадила и самих врачей: свалила и в несколько дней скрутила Пелагею.

Здоровые обитатели скита денно и ночью молились.

— Владыка вседержитель, Святой Царь, наказуя не умервщляй, поднимай низ падших, телесные человечьи скорби исправляй Молимся Тебе, Боже наш, рабов Твоих немоществующих посети милостью Твоей, прости им всякое согрешение вольное и невольное. Боже наш, Тебе славу воссылаем ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

После мора, изрядно опустошившего скит, Маркел собрал всех излеченных чудодейственным снадобьем, составленным-таки Никодимом, и объявил:

— Боле Впадину не покидать! Запрещаю даже думать о том! Кто ослушается — тому кара смертная!

Когда, наконец, вспомнили о посаженном в яму вероотступнике Луке и вытащили его, посиневшего и грязного, он уже чуть дышал. Овдовевший Никодим, схоронивший во время мора ещё и внучку, из сострадания забрал увечного к себе и выхаживал его как малое дитя, ежечасно растирая и разминая бесчувственные ноги, отпаивая целебными настоями и питательным молочком из кедровых орешков. Несчастный поправлялся медленно, а ходить начал и вовсе лишь

через год. Но поврежденную спину согнуло-перекорезило так, что Лука при ходьбе перстами касался земли. От перенесенного потрясения в его душе свершилась сильная перемена и за долгие месяцы неподвижности, обличаемый совестью, он укрепился в вере необыкновенно. Теперь он ни единым помыслом не допускал сомнения в заповедях старчества. Выучил на память многие своды Библии, составляющие священное писание христианства. Особенно близки ему стали божественные откровения первой части Ветхого Завета. Сей библейский текст был для болящего образцом абсолютной и непогрешимой истины. Перечитав все имевшиеся в скиту книги, иные по несколько раз, он многое осмыслил и глубоко прочувствовал, сделавшись одним из самых глубоких знатоков и ревностных поборников первоисточного православия.

Господь, видя столь глубокое покаяние Луки, великодушно вознаградил за усердие, осветив его разум способностью понимать самые мудрёные тексты. Даже наставник Маркел стал советоваться с ним по затруднительным разделам в рукописях проповедников старообрядства. Особенно часто приходилось разбирать спорные места в письмах протопопа Аввакума.

РОЖДЕНИЕ КОРНЕЯ

Шел 1900 год. Как раз в ту пору, когда обезноженный Лука появился в доме Никодима, у Елисея родился сын — головастый крепкий мальчуган. Покончив с родовыми хлопотами и уложив младенца на теплую лежанку, домочадцы помолились за здоровье новоявленного раба Божьего и матери его Ольги.

Малыш оживил жизнь Никодимова семейства. Привнес в нее радость и отвлек от горечи недавних утрат. Нарекли новорожденного Корнеем. Малец не доставлял родителям особых хлопот. Никогда не плакал. Даже когда хотел есть, он лишь недовольно сопел и ворочался. Подрастая, никого не беспокоил и всегда сам находил себе занятие: пыхтя, ползал по дому, что-то доставал, поднимал, передвигал по полу, а устав, засыпал где придется. У Корнея была ещё одна особенность, выделявшая его среди других обитателей скита — он не боялся холода. Уже на второй год бегал босиком по снегу. Став постарше, на удивление всем, нередко купался зимой прямо в промоинах Глухоманки.

Это был удивительный ребенок. От него исходили волны тепла и доброты. Не только дети, но и взрослые тянулись к нему. Их лица при виде Корнейки озарялись улыбкой: как будто перед ними был не ребенок, а маленький ангел. Даже когда набедокурит, он погля-

дывал на старших искрящимися глазёнками так ласково и лукаво, что у тех пропадало всякое желание ругать. Рос Корней не по годам сообразительным и понятливым. Внешне мальчуган сильно походил на деда. Лишь прямые, жесткие и черные, как смоль, волосы выдавали текущую в нем эвенкийскую кровь. Несмотря на то, что через два года у Елисея родилась премилая дочка Любаша, а следом ещё три пацана-погодка, для Никодима Корней на всю жизнь остался любимцем.

Прижившийся в их доме бездетный Лука тоже с удовольствием возился с любознательными и лёгким на подъём мальчонкой. Калека так живо описывал Корнейке Жития Святых и подвиги великих пустыльников, что тот, несмотря на непоседливый нрав, слушал эти, пока, правда, мало понятные для детского разума истории, затаив дыхание, не сводя замороженного взгляда с выставленных словно на показ, длинных зубов горбуна.

Как-то летом Лука неожиданно исчез. Первые дни его усердно искали, но потом решили, что калека сорвался в Глухоманку, на берегу которой он сиживал часами, и его, немощного, унесло течением. Пожалели бедолагу, помолились за него, но жизнь не терпит долгой остановки: повседневные хлопоты отодвинули это трагическое событие на второй план, и скитники постепенно забыли о несчастном.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Весна 1914 года пронеслась быстро и неудержимо. Щедро одарив Впадину теплом, она умчалась на крыльях нескончаемых птичьих стай на Север. Таежный край на глазах оживал, гостеприимно зеленел молодой травой и листвой, наполнился ликующим гомоном птиц, дурманящими ароматами сиреневых клубов багульника и белых облаков черемухи. Вдыхая пьянящие запахи, даже суровые скитники ощущали волнение и радость в сердце: начинался новый круг жизни.

Ожило и унылое моховое болото, поросшее чахлыми елками, березками, а по окраинам — черемушником. Сюда, на небольшие гривки, по зову любви, с первыми намеками на рассвет, слетались, нарушая тишину тугим треском крыльев, глухари и глухарки. Сюда же медленно тянулись с пологого холма, пощипывая на ходу лакомые кудри ягеля, олени. В следовавшем за ними звериной поступью пареньке без труда можно было признать Никодимова внука — Корнея.

От деда он взял и рост, и силу, и сноровку, и покладистый нрав, а от лесом возвращенной матери-эвенки — врожденное чувство ориентировки, выносливость и способность легко переносить стужу. Все это помогало Корнею чувствовать себя в тайге уверенно и свободно — как дома.

Сегодня первая в его жизни настоящая охота, благословленная Маркелом. Паренек, конечно, волновался — вдруг промахнётся и осрамится в глазах взрослых, а сверстников — тем паче. Он страстно жаждал добычи, чтобы заслужить похвалу, признание наставника и получить, наконец, право величаться кормильцем.

В руках у него тугой лук, а ноги облачены в мягкие кожаные торбасы, скрадывающие звуки шагов.

Бесшумно, пригнувшейся тенью переходя под прикрытием кустов можжевельника от дерева к дереву. Корней затаился у полусгнившего пня, обвешанного мхами. Табун был совсем близко. Отчетливо слышалось мягкое потрескивание отрываемого оленями ягеля, чавканье влажной почвы под копытами.

Сейчас главное не дать обнаружить себя. Все движения охотника сделались замедленными, плавными, едва уловимыми. Стадо все ближе. Вот лишь несколько суковатых деревьев, в беспорядке поваленных друг на друга, отделяют Корнея от ближайшего к нему оленя, но полоса нехстати наплывшего тумана мешала делиться. Мускулы вибрировали от напряжения, сердце билось мощно, часто. И в эту самую минуту неподалеку с треском повалилась сухостоина. Табунок всполошился. Олени отбежали, к счастью недалеко. Охотник замер с занесенной для шага ногой в неудобной позе.

Выручил союзник ветер — зашуршал прошлогодней листвой. Наступило решительное мгновение. Человек змеей проскользнул сквозь завал и сблизился с молодым рогачом на расстояние верного выстрела. Как только бычок стал поднимать голову. Корней от-

пустил стрелу с туго натянутой тетивой. Олень рухнул, не сделал и шагу — железный наконечник угодил в самое сердце.

Табун в течение какого-то времени в недоумении стоял неподвижно, насторожив уши и осматриваясь. Потом вдруг, словно подхваченный внезапным порывом ветра, лавиной понесся прочь, а за спиной охотника в это же мгновение раздался хриплый рев. Корней резко обернулся. Над кустами мелькнули бурые мохнатые уши. Ветви раздвинулись, и показалась огромная клинообразная морда. Зло блеснули налитые кровью глазки. Обнажив желтоватые клыки, медведь двинулся прямо на него: косолапый тоже скрадывал оленей и был разъярен тем, что двуногий сорвал охоту.

Давая понять, кто здесь хозяин, медведь на ходу устрашающе рычал. Корней, хорошо зная, что звери способны чувствовать настроение и мысли на расстоянии, держался уверенно и не отводил взгляда от приближающегося хищника. Это несколько остудило косолапого: стоит ли нападать на могущественное существо, свалившее быка, даже не прикасаясь к нему и без страха смотрящее ему в глаза.

Хозяин тайги в замешательстве затоптался и, рывнув для острастки, повернул обратно. Но, удаляясь, он то и дело оглядывался, угрожающе ворчал, надеясь, видимо, что соперник оробеет и уступит добычу.

Торжествуя двойную победу, Корней осмотрел оленя. Рогач оказался довольно упитанным для этого времени года. Его широко раскрытые глаза выражали, как показалось Корнею, немой упрек: «Я не сделал тебе ничего плохого. Зачем ты лишил меня жизни?»

Смущенный этим укоризненным взглядом, охотник поспешно закинул выпотрошенную добычу на спину и зашагал в скит.

Несмотря на некоторое душевное смятение, ему все-таки не терпелось похвалиться знатным трофеем: добытого мяса обитателям скита теперь вполне хватит на три дня. И только по истечении этого срока Маркел даст очереднику благословение на следующую охоту.

В дороге парнишке все чудилось, что кто-то следит за ним. Но сколько ни осматривался он, прощупывая цепким взглядом кусты и деревья, ничего подозрительного не обнаружил. И все же ощущение, что за ним наблюдают, не покидало его: «Неужто медведь идет следом? Вряд ли — он свой выбор сделал».

Корней уже достаточно глубоко изучил повадки обитателей тайги и был убеждён, что никто из зверей по своей воле не станет обострять отношения с человеком, признавая его особое превосходство, и не в силе даже, а в чем-то им самим недоступном и непонятном, дарованном свыше. Но ведь кто-то все же следит за ним! Он это чувствовал!

До самого скита Корней так и шёл, ощущая взгляд таинственного существа-невидимки. Его мысли все чаще возвращались к той минуте, когда он прочел мягкий укор в глазах оленя: «Может это его душа теперь следует за нами? Тятя ж говорил, что у зверей, как и у людей, она бессмертна. Что гибнет только телесная оболочка, а душа продолжает жить. Наверное ей сразу тяжело расстаться с телом, вот и провожает нас».

ЛЮТЫЙ

Лето выдалось знойным. Особенно томил июль. Алая земляника, разогретая солнцем, расточала аромат, растекавшийся по лесу. Ласковый ветерок едва покачивал сонные от жары вершины кедров. Исполнив все родительские поручения, Корней скользкой рысцой побежал к восточному стыку хребтов на каскад водопадов поплавать в быстрой воде. Хотя до него было верст девять, легкий на ногу парнишка одолел путь всего за час с небольшим.

Обнаружил этот каскад Корней давно, еще лет пять назад, и влекло его к нему не столько желание искупаться (было много удобных мест и ближе), сколько желание в который раз полюбоваться на завораживающую красоту череды белопенных жемчужных сливов.

Уже за версту от них можно было слышать волнующий сердце гул. По мере приближения он нарастал, и вскоре воздух начинал вибрировать от утробного рева воды. Сквозь деревья проглядывал крутой склон, широкими уступами спускавшийся во Впадину. По ним и низвергалась с заснеженных вершин речка Глухоманка, пролетавшая местами одним скачком по двадцать пять саженей.

Над самым мощным, четвертым по счету, сливом, к которому и направлялся Корней, всегда колыхались

завесы водяной пыли. В солнечные дни в них трепетала живая многоцветная радуга. Верхняя часть более высокого, противоположного от Корнея, берега утыкана круглыми дырочками стрижиных гнезд. Обитавшие в них птицы стремительно носились в воздухе, охотясь за насекомыми. Из-за рева воды их стрекочущих криков не было слышно, отчего казалось, что это и не птицы вовсе, а черные молнии, разрезают радужную арку на бесчисленные ломтики.

Низкий каменистый берег, на котором стоял Корней, никогда не просыхал. Налетавшие порывы ветра обдавали его волнами мороси, от которой прозрачнокрылые стрекозы, висевшие над травой, испуганно вздрагивали и отлетали на безопасное расстояние.

Скинув одежду. Корней нырнул в быструю, прозрачную воду с открытыми глазами и, соперничая со стайкой пеструшек, поплыл к следующему сливу. Саженой за десять до него вынырнул из воды и взобрался на теплый плоский камень. Лежа на его шершавой спине, не слыша ничего, кроме утробного рева водопадов, он бездумно наблюдал за хариусами, сновавшими в глубокой яме за валуном.

Подошло время возвращаться домой. Поднимаясь к тропе, Корней чуть было не наступил на что-то светлое, пушистое. Отдернув ногу, увидел в траве маленького рысенка. Его мамаша лежала поодаль, в двух шагах.

Парнишку удивило то, что она не только не бросилась на защиту детеныша, но даже не подняла головы. Такое безразличие было более чем странным. Приблизившись, Корней понял, в чем дело, — рысь была мер-

тва. «Что же делать с котенком? Пропадет ведь! Может, еще второй где затаился?».

Парнишка пошарил в траве, но никого больше не обнаружил. Протянул руку к малышу — тот смешно зафыркал, зашипел и вонзил острые, как иглы, зубки в палец.

— Ишь ты, какой лютый!

Прижатый теплой ладонью к груди, пушистый комочек, пахнувший молоком и травой, поняв, что его уносят от матери, поначалу отчаянно пищал, но ласковые поглаживания по спине постепенно успокоили.

Вид симпатичного усатика привел сестру Любашу и братишек в неописуемый восторг. Они еще долго играли бы с ним, но малыша следовало покормить. Дети, не долго думая, подложили рысенка к недавно оценившейся собаке в тот момент, когда та, облепленная потомством, блаженно дремала. Полуслепые щенята приняли чужака за брата и не протестовали. Котенок быстро освоился и даже сердито шипел, если те пытались оттеснить его от полюбившегося соска.

Когда у детей выпадало свободное от работ и молитв время, они бежали на поветь* позабавиться потешным малышом. Особенно любила играть с Лютиком Любаша.

Поначалу поведение котенка мало чем отличалось от поведения молочных братьев, но к осени у него все явственней стали проявляться повадки дикой кошки.

Маленький разбойник частенько затаивался на крыше сарая или на нижней ветке дерева и спрыгивал

* *Поветь* — помещение под навесом.

на спину ничего не подозревавшего «брата», пропарывая иногда его шкуру до мяса. Бедные собачата стали ходить по двору с опаской, то и дело нервно поглядывая вверх.

За домом, под навесом, на жердях все лето вялились на ветру разрезанные на пласты вдоль хребта хариусы и пеструшки. Как-то неутомимая сорока, усевшись на конек крыши, воровато заозиралась по сторонам. И когда убедилась, что во дворе никого нет, слетела на конец жерди, потом, кося глазами, вприпрыжку, подергивая в такт длинным хвостом, бочком приблизилась к аппетитно пахнущим связкам. Вытянула шею — далеко! Скакнула еще раз, и в этот миг затаившийся Лютый совершил стремительный прыжок — воришка даже не успела взмахнуть крыльями. Кот слегка сжал челюсти и, удовлетворенный наказанием, выплюнул пакостницу.

В конце февраля, в один из тех первых дней, когда явно чувствуется, что весна уже не за горами, Корней обнаружил Лютого на подворье. Поначалу никто не придавал этому значения, полагая, что тот, как всегда, где-то затаился. Но кот не объявился ни на второй, ни на третий день. Мать успокаивала детей:

— Лютый не забыл и не предал вас. Просто люди живут среди людей, а звери — среди зверей. Лютый тоже хочет жить среди своих. Его место в тайге.

* * *

Молодая рысь, цепляясь острыми когтями, взобралась на склонившуюся над заячьей тропой лесину и распласталась на ней неприметным благодаря пе-

пельному с бурыми и рыжими отметинами окрасу суковатым наростом. Увидев скачущего по тропе косо-го, Лютый напрягся, точно натянутый лук. Глаза прикрыл — их блеск мог выдать его. Однако бывалый заяц в последний миг все же распознал затаившегося хищника и пулей метнулся в сторону. Силясь в отчаянном прыжке достать косо-го, кот влетел округлой головой в узкую развилку молодой березы, да так неудачно, что в итоге шея у него оказалась плотно зажатой в ней. Попытки развести упругую рогатину лапами лишь усугубили положение: шея, съехав под тяжестью тела еще глубже, уперлась в основание вилки. Горло сдавило и зверь, извиваясь, захрипел от удушья.

По воле Божьей Корней в это время собирал неподалёку березовый гриб чагу*. Привлеченный странными звуками, он бесшумно подкрался и... увидел застрявшего в развилке березы Лютого. Кот натуженно вдыхал воздух. Из пережатого горла неслись судорожные хрипы. Выхватив из-за пояса топор, парнишка, ловко подсек более тонкую ветвь развилки и, отломив её, вынул зверя из коварной ловушки.

Обессиленный кот, жадно дыша, распластался на земле, не сводя со спасителя полные благодарности желтые, с черными прорезями глаза. Корней присел на корточки рядом и погладил друга по пепельной спине, ласково попрекая:

* *Чага* — многолетний лекарственный гриб семейства тутовых. Развивается, как правило, на стволах березы в виде бугристого нароста черного цвета.

— Вот видишь, ушел от нас и чуть не погиб. А так бы жил, не зная забот.

Переведа дух. Лютый поднялся и, пытаясь выразить свою признательность, принялся, громко мурлыча, тереться о ноги спасителя.

— Ну вот, слава Богу, очухался. Пойдём, мне еще надобно добрать чаги для настоев.

Кот завилял хвостом-обрубком и побрел рядом. Когда котомка доверху наполнилась черными бугристыми кусками лекарственного гриба, Корней повернул к дому. Лютый проводил его до самого крыльца, но в скиту не остался, сразу ушел в лес.

Через несколько дней они вновь свиделись. Кот приветливо мякнул, и Корнею показалось, что Лютый в этот раз намеренно поджидал его у тропы.

С тех пор они стали видеться довольно часто. Скитник даже приучил рысь являться на свист. При встрече он старался побаловать приятеля свежениной, кормя прямо с ладони. Лютый, даже если был сыт, никогда не отказывался. Перед тем, как взять угощение, он, басовито мурлыча, обязательно терся щекой о руку, и только после этого начинал есть.

Кот оказался не только преданным другом, но и внимательным слушателем. Когда Корней рассказывал ему про новости в скиту, о сестре Любаше, о младших братишках, скитских друзьях, Лютый, подняв голову с ушами-кисточками, сосредоточенно внимал, правда, когда слушать надоедало, вставал рядом и толкал лобастой головой приятеля, мол, хватит трепаться, пойдем погуляем.

СНЕЖОК

Вечно угрюмый волк Бирюк процеживал воздух носом. Густо пахло прелью, разомлевшей хвоей, дурманяще кадил багульник. И вдруг сквозь этот густой дух очень знакомое, желанное ударило в ноздри. А может, это только почудилось с голода? Но запах становился все явственней. Волк присел. Сосредоточившись, он так глубоко вобрал в себя воздух, что шкура плотно обтянула ребра. Вожденный запах, перебивая все остальные, надолго застрял в ноздрах. Теперь волк мог точно определить, откуда он исходит. Припадая к земле, осторожно обходя завалы, лужи талой воды и сучья, зверь шел на запах.

Лосиха, покормив теленка, два дня назад явившегося на свет, дремала, а сытый несмышлениш затаился неподалеку в сухой траве между кустов.

Бирюк подкрался совсем близко. Он уже отчетливо, до волоска, видел гладкий лосиный бок. Волк, поджав под себя задние лапы и напружинив передние, приготовился к прыжку. Он даже не волновался — добыча была верной, но мамаша почувствовала неладное и, тревожась за теленка, подняла голову. В этот миг на нее обрушился тяжелый серый ком: клыкастая пасть мертвой хваткой вцепилась в горло.

Захлебываясь кровью, несчастная, стремясь отвести угрозу от детеныша, поднялась и, волоча вгрызше-

гося волка, побрела в чашу, стеляя, как человек. Сумев сделать несколько десятков шагов, она упала на колени, повалилась боком на землю. Волк, рыча от возбуждения, зарылся мордой в пульсирующей горячей кровью шею.

Насытившись, хищник поднялся на скалистый утес, где улегся в затишке, освещенном лучами солнца, по блаженствовать.

— Жизнь прекрасна, — сказал бы серый, будь он человеком.

На остатки лосихи, местонахождение которых разглашалось безостановочным треском сороки «Сколько мяса. Сколько мяса!», тем временем набрел Лютый. Он, конечно, не преминул полакомиться на дармовщину свежениной и, желая поделиться с другом найденным богатством, привел к мясу Корнея.

Обследовав место трагедии, парнишка сразу уразумел, что здесь поработал серый разбойник. Сажень в десяти в кустах кто-то шевельнулся. Раздвинув ветки, скитник обомлел — в траве лежал лосенок, рядом сидел, наблюдая за ним Лютый. Все лосята, виденные им прежде, были буровато-коричневые. Этот же имел совершенно иной окрас — его покрывала шерстка, белая как снег.

— Какой ты у меня умница, — похвалил паренек друга, — смикитил, что дите без матери пропадет, меня позвал. Неужто помнишь, что и тебя так же спасли?

Кот тем временем тщательно обнюхал малыша, лизнул в морду. Теленок, покачиваясь, с трудом встал на широко расставленные, вихляющиеся ножки-ходули и, вытаращив громадные глаза, потянулся к «роди-

телю». Лютый, как бы предлагая свое покровительство, принялся вылизывать его белую шерсть шершавой теркой языка.

В скиту отнеслись к появлению необычного лосенка по-разному. Кто-то настороженно, кто-то спокойно. А вот Любаша с радостью: она увидела в нем беспомощное дитё, нуждающееся в ее заботе.

Люди, живущие в тайге, волей-неволей относятся к ее обитателям почти как к домашним животным. И не удивительно, что время от времени то в одном, то в другом дворе нет-нет да появлялись осиротевшие барсучата, лисята, медвежата, зайчата или же покалеченные взрослые звери. И это было обыденно. Сама жизнь побуждала людей бережно относиться к обитателям тайги. Скитники и охотились-то только тогда, когда возникала необходимость в мясе, и то с дозволения Маркела. А в посты — а это не малый срок — зверей и дичь вообще не промышляли, поскольку ничего скромного, то есть животного, происхождения, употреблять в пищу в эту пору нельзя.

Окрепнув или залечив раны, питомцы уходили. На смену им в скиту с удивительным постоянством, как будто по чьей-то воле, появлялись новые зверушки. Но белых лосят досель не видывал никто даже из стариков.

— Выродок! Как бы беды не навлек, — ворчали некоторые из них.

Корней с Любашей этим высказываниям не придавали значения, полагая, что никакого греха в цвете шерсти нет — грешно бросать беспомощную тварь в тайге.

Дети с удовольствием нянчились с малышом, однако, когда на дворе появлялся Лютый, лосенок неизменно отдавал предпочтение коту. Снежок так и считал его своим родителем, и пока «папаша» был рядом, ни на кого не обращал внимания. Кот тоже любил лосенка и по-отечески опекал его.

В разгар лета, возвращаясь домой с полными туесами жимолости, притомившиеся Корней с братишками и соседским Матвейкой прилегли на полянке в тени березы. В ее вершине громко ворковал серо-сизый с зеленой шейкой вяхирь, в высокой траве без умолку стрекотали кузнечики, вдали беззаботно прокуковала кукушка, весело щебетали мелкие птахи, над пахучим донником и медуницей со счастливым гулом вились шмели, пчёлы. Снежок пасся рядом, пощипывая мягкими губами сочную траву. Мальчишки задремали, а Корней, лежа на спине, раскинул руки и жевал дикий чеснок, наблюдая за плывущими по голубому океану пухлявыми клубами облаков, парящим среди них беркутом.

Вот он, опускаясь, закружил над гарью, поросшей багульником. Круги стягивались все туже и туже. В решительный миг птица, сложив крылья, камнем упала в кусты и почти сразу взлетела. Мерно взмахивая крыльями, она набирала высоту, держа в когтях зайца.

Провожая пернатого налетчика взглядом, Корней приподнялся и от изумления раскрыл рот: возле их голенастого лосенка смиренно сидел здоровенный волчище. Хищник, встретившись с взглядом человека, не проявил ни тени беспокойства и продолжал с любопытством разглядывать теперь их обоих поочередно.

— Ну вот! Пророчили, что белый лосенок к беде, а он, наоборот, даже серого приручил.

От этой мысли Корней тихо засмеялся. Бесстрашный дуралей лосенок недоуменно закрутил большими ушами и простодушно глядел темно-синими глазами, окаймленными длинными ресницами, то на волка, то на человека. Серый, словно смутившись его доверчивой наивности, не спеша поднялся и, не оглядываясь, удалился.

На третье лето подкармливаемый всеми Снежок превратился в могучего великана. Горбоносая, украшенная лопатообразными рогами голова на мощной шее, широкая грудь, длинные мускулистые ноги с крупными и острыми копытами, белая шерсть, слегка сероватая в паху. Его благородный облик вызывал у всех восхищение.

Пасся лось обычно неподалеку от скита, а зимой в сильные морозы и вовсе приходил ночевать в клеть, где специально для него держали душистое сено. Даже старики пообвыклись и больше не ворчали на бело-снежного красавца. А после того, как Снежок, используя свою недюжинную силу, перетаскал на волокуше изрядное число ошкуренных брёвен для постройки дома оженившемуся Матвейке, в скиту и вовсе зауважали его.

Исподволь Снежок стал незаменимым помощником в семье Никодима. Любаша возила на нем стирать корзины белья. Ольга, обнаружившая в дальних заводах богатые заросли сусака, собирала там корни и, навьючив на лося полные торбы, доставляла их для нужд всей общины. Елисей на санях, запряженных

Снежком, возил из тайги дрова. А Корней вообще разъезжал на друге как на лошади. И, что любопытно, работы по хозяйству лось выполнял с явным удовольствием.

Когда одаренный превосходным слухом лось улавливал призывное улюлюканье или свист приятеля, он иноходью бросался на зов, не разбирая дороги, тараня грудью подлесок, с чудной легкостью перемахивая через завалы. Корней запрыгивал на спину непревзойденного таежного вездехода, и, разыскав Лютого, они все вместе бродяжничали по лесу, где заблагорассудится. Со стороны троица выглядела весьма колоритно: впереди — свирепого вида рысь, а за ней — огромный белый лось с черноголовым наездником!

Иногда Корней ласково поглаживал шею горбоного великана и почесывал за ушами. В такие минуты Снежок замирал, и его мягкая губа расквашенно отвисала от удовольствия.

Летом, после полудня, когда одолевали и жара и оводы, друзья обычно спускались к глубокому плесу, где купались до изнеможения. Снежок научился плотно прижимать уши к голове и нырял не хуже Корнея. Один Лютый только делал вид, что купается: зайдет в воду по колено и бродит потихоньку вдоль берега.

Постоянное общение с лесными приятелями развило у Корнея способность по выражению глаз, морды, движению ушей, хвоста, повороту головы, скрытому напряжению и еще чему-то трудно объяснимому, улавливать чувства и желания не только Лютого и Снежка, но и других зверей. В его голове все эти мелкие штришки складывались в понятные ему фразы.

Иной раз Корнею даже удавалось переговариваться со зверьём взглядами. Поглядели друг другу в глаза и всё поняли.

Каждый год, с наступлением темных августовских ночей, когда звездам на небосводе нет числа, по холмам Впадины то здесь, то там раздавался отрывистый, низкий рев рогачей, рыскающих по тайге в поисках невест, застенчиво прячущихся в глухомани и выдающих себя нежным пофыркиванием.

Как-то в эту пору молодой скитник, колотивший кедровые шишки, возвращался домой. День уже покинул Впадину и напоминал о себе лишь багровыми отсветами на западе. С лесистого склона соседнего холма то и дело несло страстное мычание-стон лося. Наконец на его вызов снизу откликнулся другой бык. Корней сразу признал его по голосу — Снежок!

Бесшумно ступая, скитник направился к месту предполагаемой встречи быков-соперников. Действительно, вскоре послышался стук рогов, яростное всхрапывание. Следом затрещали ветки. Треск приближался, и мимо Корнея по тропе пробежал, мотая серьгой*, взмыленный противник. Похоже, бились быки крепко: у посрамлённого бойца на месте правого рога-лопаты торчал лишь короткий пенек.

Подойдя поближе к месту побоища, Корней увидел стоящего на вытоптанной полянке Снежка. Он торжествующе взирал на мир и имел необычайно гордый вид от того, что есть свидетельница его триумфа —

* *Серьга* — кожистый вырост под горлом, с кулак величиной, встречается как у лосих, так и у лосей.

стройная важенка. Она тихонько приближалась к нему. Снежок нетерпеливо хоркнул. Важенка тут же отозвалась нежным мычанием. Прильнув друг к другу, они принялись миловаться: ласково покусывать друг друга за уши, за холку, тереться скулами и... улыбаться. От избытка чувств лось водрузил массивную голову на трепещущую от волнения шею подруги. Это были сладчайшие минуты! Снежок ощущал, как под бархатистой шкуркой пульсирует горячая кровь избранницы. Ее тепло переливалось в сердце кавалера, наполняя его блаженством. Они были счастливы и не замечали ничего вокруг..

Корней осторожно, чтобы не потревожить влюбленных, удалился.

БАРСУК

Пряный запах вянущих листьев и трав заполнил лес. Спокойные зеленые тона Впадины и склонов хребтов украсились разноцветной мозаикой, сочность которой подчеркивалась чистотой прозрачного воздуха. Заполыхали багрянцем рябины. Оранжевыми кострами запламенели лиственницы. Отливали золотом кроны берёз. Порывы ветра срывали отмирающие листья, укладывали их на мягкое ложе из опавшей листвы. Среди этой пестроты царили зеленокудрые кедры, наштигованные увесистыми связками смолистых шишек, а в горах по хитросплетениям ущелий темнели островерхие ели и пихты. Вся эта хвойная знать бесстрастно взирала на лесной карнавал, но сама в нем не принимала участия. Наверное, из-за своего колючего упрямства.

Урожай брусёны в этот год выдался небывалым. В один из погожих сентябрьских дней почти все обитатели скита разбрелись по Впадине собирать любимую ягоду, сплошь усыпавшую низенькие кустики с мелкими яйцевидными листочками. Сборщики, чтобы побыстрее наполнить корзины, доили веточки двумя руками.

Корней, имевший привычку забираться в самую глухомань, заметил затаившуюся в густой чаще под обрывом у барсучьей норы лису. Забыв о ягодах, пар-

нишка стал наблюдать за ней. Когда хозяин квартиры барсуку вылез и отошел справлять нужду, кумушка выпрыгнула из-за куста и юркнула в лаз. Побывала там немного и выскочила обратно. Вскоре из норы послышалось недовольное похрюкивание вернувшегося барсука. Опрятный хозяин, любящий чистоту и уединение, брезгливо щуря маленькие глазки, очищал квартиру от зловонных испражнений, оставленных лисой. Нахалка на этом не успокоилась: она взялась подбегать к норе и лаять, разрывать лапами отнорки.

Добродушный увалень, хотя и был крупнее и сильнее кумушки, терпеливо сносил все эти пакости. Но, похоже, что наглость и упорство рыжей бестии в конце концов принудят беднягу оставить просторное жилище и рыть новое. Корней сочувствовал барсуку, но вместе с тем и осуждал за то, что постоять за себя не может. Его же самого дома ожидал нагоняй от матери за полупустую корзину: Корней насобирав брусёны гораздо меньше, чем младшие сестра и братья...

ОТШЕЛЬНИК

Стареющий Никодим на девятое, после смерти жены, лето, когда Корнею шел восьмой год, а внучке Любаше шестой, уговорил-таки наставника Маркела благословить его на пустынножитие*, дабы отойти от мирских забот и сосредоточиться на писании истории общины, наставлений по лекарскому делу, молитвах за сбережение веры в первородной чистоте и за здравие скитожителей.

Со своей сударушкой Пелагеей они прожили душа в душу долгую жизнь и, оставшись без нее, несмотря на то, что был окружен любовью и заботой домашних, Никодим чувствовал себя сиротой. Старец еще тогда замыслил удалиться в пустынь. При каждой встрече с Маркелом он снова и снова заводил разговор об уединении. И наставник сдался, внял уговорам и благословил на отшельничество, тем более, что Никодим обещал не отгораживаться от братии и продолжать лечить и наставлять их при нужде.

За седмицу Никодим с Елисеем и соседом Проклом сладили лачугу с двумя окошками у подножья Северного хребта на горном ключе под серой, покрытой пятнами лишайника скалой. Переезд же затеяли в самое предзимье, когда злой ветер-листодер срывал с

* *Пустынь* — уединённая обитель, лачуга отшельника.

деревьев остатки ярких осенних нарядов. Место нового проживания называлось Верхи. Находилось оно не так уж и далеко — всего в трех верстах от скита.

Жилище свое Никодим держал в чистоте и опрятности. Половину стены его обители заняли полки с книгами старинного письма из библиотеки князя Константина, отобранные для общины еще старцем Варлаамом, а вторая половина была заставлена его собственными рукописями и черновыми набросками.

Здесь, в пустыни, Никодим, для пользы дела стал ещё больше внимания уделять наблюдениям за явлениями природы. Ничто не ускользало от его пристального взора и слуха, а великолепная память, подкреплённая записями в черновых бумагах, позволяла сопоставлять и осмысливать все виденное и слышанное, делать верные умозаключения о следствиях подмеченных природных явлений. Отшельник с каждым годом все точнее и безошибочнее определял, каким будет лето, осень, зима, что лучше сажать этой весной и в какую пору, куда откочуют олени, удачен ли будет сезон на пушнину, какие способы промысла будут уловистей.

Для усмирения плоти старец неделями воздерживался от пищи, ходил босым, зимой и летом в одном рубище. Со временем он так овладел собой, что, сидя на ледяном ветру, не мерз, а напротив, сосредоточившись, добивался такого состояния, при котором ему становилось жарко. В скиту, где его и без того изрядно почитали, стали поговаривать, что сие доступно только святым.

Скитожители беспрестанно хаживали к нему кто за советом, кто поплакаться, кто за снадобьями, а кто просто порассуждать о жизни.

Он привечал всякого с неизменной улыбкой и вниманием. Но самым желанным гостем для него был, конечно, внук Корнейка.

Никодим не жалел времени на его воспитание и просвещение, ибо давно пришел к твердому убеждению, что нет важнее дела, чем растить милых сердцу чад так, чтобы они, повзрослев, жили в любви, в согласии с совестью и заповедями Христа.

Корнейка относился к деду с детским обожанием, считая его самым добрым, самым мудрым человеком на земле.

Поначалу, пока внук был желторотым птенцом, дед подробно рассказывал ему об их великом переходе через всю Сибирь, о жизни в Байкальском скиту, читал вслух предания старины. Слушая, малыш любил трогать медные и серебряные пластины накладок дорогих книг и напрестольного Евангелия, разглядывать темные кожаные переплеты, вдыхать ни на что не похожий, особый запах пергамента.

Когда Корней немного подрос, Никодим и живший тогда еще у них Горбун, стали беседовать с мальчиком о Боге, рассказывать о мученической смерти Христа, его заповедях, о христопродавцах, поднявших руку на веками проверенную и богоугодную русскую обрядность, третье столетие гонимую и попираемую. Читали ему вслух книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, несшие в себе Слово Божье.

— Мир донельзя изалчился, сынок. Бога в людях не стало. О душе забыли. Совесть потеряли. Помни: все бренно — и плоть, и творения людские. Одна лишь душа бессмертна. Держи ее в чистоте, не пятнай, чтоб не гореть ей потом за грехи в аду, а вечно блаженствовать в Царствии Небесном, — поучал внука дед.

— Вот бы глянуть хоть одним глазком на то Царствие.

— Сие в земной жизни не исполнимо, но ежели твоё житие будет по совести, по Христовым заповедям, то Господь, по завершении тобой земного пути, может допустить в него.

— Деда, ты всё про совесть говоришь, а что это такое?

— Совесть — глас Божий, звучащий в каждом человеке. Поэтому прежде чем что-либо сделать или сказать, прислушайся к нему. Коли живёшь по совести, значит живёшь праведно, без греха в соответствии с Божьим помыслом.

Азбучке Никодим начал обучать внука сызмальства, когда тому едва стукнуло четыре года. Чтобы заслужить похвалу деда, мальчонка усердно водил пальцем по страничкам, пытаясь сложить из букв слова. Но не только кровные узы, а и простота, сердечность отношений, взаимная потребность друг в друге способствовали их необыкновенной привязанности.

Когда Никодим удалился в пустынь, Корней частенько хаживал к нему помочь по хозяйству. Вместе с дедом готовил на зиму дрова, собирал орехи, ягоды, коренья, попутно познавая лекарскую науку. Зимой он, бывало, жил в дедовой хижине, заваленной снегом

седьмицами. Что это за чудные дни были! Сколько полезного и интересного узнавал он, общаясь со старцем!

В одно из посещений Корней принес резвого щенка по имени Простак. Дед радовался подарку как малое дитя.

— Спаси тебя Бог, Корнюша, угодил старику. Давно хотел собаку у себя поселить. Да всё недосуг было щенка в скиту взять. Собака ведь самое преданное существо и даром бескорыстной любви к человеку наделено щедро. Теперь мне повеселей будет вечера коротать.

Они тут же соорудили у входа в лачугу теплую конуру и покормили собачонка свежей рыбой, принесённой предусмотрительным Корнеем.

* * *

Осень. Выныривая из-за Северного хребта, неслись пласты сизых туч. Старец сидел на пороге хижины, выдвинув плечи вперед, что придавало его позе схожесть с орлом. Ветер трепал седую бороду и волосы. Простак, свернувшись на коленях, сладко дремал. Время от времени он вздрагивал от глухого стука шлепающихся на землю созревших кедровых шишек.

По лежащему на земле стволу громадной листовницы к Никодиму деловито подбежал коричневый, с черными полосками на спине, симпатия бундучок — земляная белка. Встав на задние лапки и вытянув вверх тонкое тельце с прижатыми к груди передними, он, жалобно посвистывая, принялся кланчить угощение.

Старец насыпал горку орешков и с детским любопытством наблюдал, как бурундук торопливо запикивает их в защечные мешки. Вскоре он набил желтоватых семян так много, что уже с усилием поднимал голову. Тем не менее, продолжал лихорадочно заталкивать в рот остатки угощения: зима долгая, запас не повредит. И только после того, как орешки стали буквально вываливаться изо рта, он, потешно покачиваясь, понес драгоценный груз к норке.

Вечерело. Прибежавший из скита внук-сорванец сбило метким броском камня сидящего на березе рябчика. Мигом снял с него шкурку с опереньем и, насадив тушку на заостренную палку, завертел ее над жаркими углями.

— Скоро будет готово, — произнес он, наблюдая, как запекается белое мясо. Старец в ответ с укоризной глянул на внука. Пожевал губы, но от внушения воздержался.

— Чего-то не так, деда?

— Огорчил ты меня, Корнюша. Почто тварь Божью без нужды сгубил?

— Так поесть ведь...

— Ежели проголодался, орехов или меду в кадке возьми. Не по нраву — масла лещинного с лепешками отведай, сливок из кедровых орешков попей. Рябцы ведь мне как братья. Целыми днями летают, по-свистывают, взор радуют, а ты удаль тут никчемную кажешь. Запомни: «сам себя губит, кто живое не любит»! — наставлял старик. — Все сущее жить рождено. Даже дерево рубишь, помолись, дозволения испроси, по крайней нужде, мол, позволь, Создатель, восполь-

зоваться, а потом в три раза больше семян посеи и непременно поблагодари Создателя за дары. То рачительно, по-хозяйски будет, без убытку, по любви и согласию.

Погладив в задумчивости бороду, дед продолжил:

— По молодости, эдак лет пятьдесят назад, я тоже, бывало, для монастырских нужд промышлял... Помню, сидел как-то на зорьке в шалашике на берегу Ветлуги — в матёрой Расеи то еще было. Смотрю, опустилась на воду парочка крякв: селезень с уточкой. И так они нежно стали обхаживать друг дружку, такая радость и любовь, такое счастье сквозило от них, что внутри у меня все перевернулось. Кремневку подниму, прицелюсь — а стрелять не могу... И так несколько раз. С тех пор охоту и бросил... Лучше уж погляжу, полюбуюсь на живых. До чего все они красивые и ладные! И ведь у каждого свой характер, свой порядок, свои привычки...

Я так думаю — не стоящее это дело — под живот жизнь подлаживать! Лучше добрые дела творить. Больных, к примеру, на ноги ставить. От того благодать в душе поселится, а с голоду и так не помрем...

БЕРКУТ *

Тчетливо видимые в синеве неба орлы то скользили кругами друг за другом, то поднимались так высоко, что превращались в две черные точки; то зависали на одном месте, то пикировали и вновь взмывали в лазоревую высь.

Посреди Впадины, над тем местом, где кружили орлы, возвышалась скалистая гряда, напоминающая сгорбленного медведя. На одну из ее голых зазубрин, наконец, и опустились величественные птицы, замерев, как гранитные изваяния.

Лет десять назад тогда еще молодой паре беркутов приглянулась эта одинокая скала, и они устроили на ней гнездо. Оно являло собой огромную кучу веток, перемежшку с перьями и костями. Подстилкой служил мох и верхушки пахучих веточек багульника. Располагалось гнездо весьма удачно: орлы отсюда могли спокойно обозревать окрестности. Их же убежище снизу не видно, да и взобраться к нему никакой возможности.

Как обычно в конце мая в гнезде появилось яйцо, через неделю — второе. Теперь орел улетал добывать пищу один. Высмотрев жертву, он камнем падал вниз, тут же поднимался, как правило, с поживой в когтях и устремлялся к сидящей на яйцах подруге.

* *Беркут* — самый крупный орел, обитающий в России.

Иногда орлица сходила с гнезда, и тогда на ее место спешил присесть супруг. А она разворачивала огромные крылья, потягивалась и взмывала в небеса размяться.

Настал момент, когда одно из яиц треснуло и в щелочке показался клювик. Он жалобно пискнул. Заботливая мать, отламывая крючковатым клювом скорлупу, помогла первенцу выбраться на свет.

Боже! До чего он был жалок и безобразен! Как дрожало покрытое белым мокрым пухом тельце! Но мать с гордостью и нежностью глядела на свое дитё. Правда недолго: вместительный, малиновый внутри, клюв-пропасть уже раскрыт и требует пищи. Отрыгнув птенцу мяса, орлица прикрыла его теплой грудью. Вскоре вылупился и второй.

Птенцы были необычайно прожорливыми и непрерывно требовали новых порций. Чтобы заполнить их бездонные утробы, одному из родителей приходилось без усталости промышлять леммингов, тетеревов, зайцев и прочую живность. Зато и росли малыши не по дням, а по часам, постепенно покрываясь бурыми перышками.

Чем старше они становились, тем бесцеремонней требовали пищу. Вконец измотанные родители пытались не обращать внимания на их раскрытые кульки, но, не в силах слушать настойчивые душераздирающие вопли, опять отправлялись на поиски корма уже вдвоем.

Когда солнце пекло особенно сильно, кто-нибудь из взрослых вынужден был оставаться на скале, чтобы, расправив зонтом крылья, создавать для птенцов тень. Таким же способом укрывали и от дождя.

В тот памятный тихий, безветренный день уставшая от бесконечных поисков корма орлица парила над Впадиной в восходящих потоках, поджидая возвращения неутомимого супруга.

Тем временем беркутята, взобравшись на камень, беспрестанно хлопали крыльями и, подражая взрослым, пытались издавать грозный клекот. Старший, считавший пронырливого братишку главным виновником голода, вероломно подскочил и грудью столкнул его с уступа. Бедняга, то планируя, то беспорядочно кувыркаясь, полетел вниз.

Семья волков, пригнув головы к земле, рыскала в окрестностях горы Медведь. Они внюхивались в попадавшиеся следы, выживая свежие запахи.

Остромордый волчонок, по примеру отца, гонял в кустах туда-сюда, туда-сюда, неотвратно приближаясь к затаившемуся в кустах беркутёнку. Пролетавшая в это время над скальной грядой орлица обратила внимание на то, что в гнезде копошится всего один малыш. Зорко оглядев окрестности, она заметила рыскающих у подножья гряды волков. Опустившись пониже, обнаружила и пропавшего птенца. Волчонок шел прямо на него. Мать, не раздумывая, спикировала, но кусты помешали с лету прикончить молодого хищника. Орлица опустила в стороне и, отвлекая внимание на себя, предостерегающе защелкала клювом. Волчонок оскалил клыки и визгливо затыврал, призывая старших на помощь. Родители примчались тотчас. Они с двух сторон набросились на не успевшую взлететь грозную птицу, и волк, изловчившись, точным ударом клыков ополовинил её крыло.

Забив, что было силы целым крылом, орлица попыталась подняться, но лишь неуклюже завалилась на кровоточащую кулдыжку. Воодушевленные звери вновь ринулись в атаку. Чувствуя, что в небо ей уже не подняться, птица опрокинулась через хвост на спину и, грозно клекоча, выставила смертоносные когти-крючья. Столь устрашающая поза остановила атакующих. Не расстерявшись, звери оббежали орлицу, чтобы напасть с тыла.

Услышав призыв подруги, с неба на спину волка черным вихрем обрушился беркут. Восемь когтей-кинжалов вонзились в загривок и, приподняв, опрокинули зверя. Мощный удар стального клюва оглушил его. Бесстрашный орел рвал когтями живот серого, когда ринувшаяся на выручку волчица, сомкнув челюсти, обезглавила пернатого рыцаря. Добив и раненую орлицу, она подозвала перепуганных волчат.

Скорее от царственных птиц остались лишь две груды перьев.

Порыскав вокруг, волчица обнаружила и затаившегося птенца. Не помогли тому ни хранимое им молчание, ни полная недвижимость. Слегка придушив орлика клыками, мать отнесла еще живую добычу выводку для забавы.

Израненный же волк заполз под выворотень, чтобы никто не видел его последних мучений.

Ольга, ходившая с бабами по грибы, сообщила сыну о кучах бурых перьев у подножья горы Медведь. Когда Корней вскарабкался на орлиную скалу, то обнаружил в гнезде уже совсем сникшего от жажды и

голода птенца. Увидев человека, малыш с надеждой раскрыл клюв.

Через неделю орленок встал на крыло, но Корней еще долго подкармливал нового питомца — Рыжика, подзывая его к себе особым пересвистом. Орлёнок так привязался к парню, что безбоязненно ел с его рук. Впоследствии, завидев с высоты благодетеля, он трепещущей тучей налетал на него и, довольный произведенным эффектом, с трудом размещаясь на плече, складывал крылья, демонстрируя темно-коричневую с рыжинкой грудь. Собрав золотистые заостренные перья на голове в великолепный хохолок, птица заглядывала в лицо Корнея и, поблескивая желтыми глазами, щелкала клювом. Парень ласково гладил приятеля и угощал чем-нибудь вкусненьким: рыбой или дичью. Со временем Рыжик так избаловался, что, если ему не находилось лакомство, сердито подергав друга за волосы, обиженный улетал. Пристыженный Корней шел к речке, вынимал из ближней морды* пару рыбин и свистом возвращал любимца. Мир восстанавливался.

* *Морда* — ловушка для рыбы, сплетенная из гибких прутьев ивы или тальника.

СВОРА

В один из долгих июльских вечеров волки, обитавшие в окрестностях Водопада, томилась на каменистом утесе в ожидании сигнала разведчика. Над ними клубилась туча безжалостной, надоедливо звенящей мошкары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец от подножья Южного хребта донесся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим — «чую добычу». Спустя некоторое время вой вновь поплыл над тайгой, наводя на все живое безотчетную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса вострепёнувшихся хищников: «Слышим, жди!».

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь таежные заросли, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Стая приближалась к подножью хребта. Вел её матерый волчище — Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Волки, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах добычи, перешли в намет. Густой лес нисколько не замедлял их бега: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов.

Горбоносый лось, дремавший в нише обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество хорошо заметных в темноте приближающихся огоньков, он понял, что схватки не избежать. Встав задом к выворотню и опустив голову, вооруженную рогами, бык приготовился к смертной схватке.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше все должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгоряченный бегом и предвкушением горячей крови, Дед совершил ошибку: прыгнул на быка с ходу, угодив под сокрушительный встречный удар — острое копыто пробило его грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали четко: лось повалился на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник Смельчак первым сомкнул мощные челюсти на горле быка и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смельчак смекнул, что тот уже не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Смельчак, выделяясь смелостью и силой, несомненно, являлся достойным приемником. Он был на-

столько ловок, что умудрялся прямо на ходу отрывать куски мяса от бегущей жертвы. А главное, обладал способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарив, он стал действовать по закону — «как хочу, так и ворочу», поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда. И, что удивительно, волки безоговорочно подчинились Смелычаку. Это доставляло новому вожаку особое, ранее не веданное, удовольствие.

Уступчивость стаи была вызвана еще и тем, что в первые годы правления Смелычака сложились очень благоприятные условия для сытой жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная и лёгкая добыча упрочили владычество Смелычака и нескольких приближенных к нему угодников: вокруг него постепенно образовалась как бы стая в стае.

Власть и заметное превосходство над всеми в силе, к сожалению, довольно быстро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смелычак со свитой приближённых выходили из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымила кровью. Поначалу они отнимали ее силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону, в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота предвиделась особенно легкой, шайка Смелычака, чтобы размяться, тоже участвовала в налёте.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, отчего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смелычака давали воз-

возможность успешно завершать все налёты, отличающиеся, как правило, жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки, втянулись в этот дикий разбой. Стая возомнила себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле скита: затравленные олени, ища защиту, жались к поселению.

Скитники стали то и дело наткаться в лесу на зарезанных, но не тронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушенная потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она, горестно поскуливая, раскачивалась из стороны в сторону, как человек. Мужики, хотя и проклинали серых, в то же время полагали, что «на все воля Божья».

Однажды олений табунок, в надежде, что волки не посмеют подойти вплотную к скиту, расположился на ночь прямо под бревенчатым частоколом. Не успели олени задремать, как встревоженно захоркал вожак. Олени испуганно вскочили, прижались друг к другу. Один из них, ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, они не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем олень, взвизываясь на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом крови.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из мрака со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные вставали на

дыбы, падали, хрипели, захлебываясь кровью. Вся эта резня продолжалось не дольше пяти минут. Когда поднятые лаем собак скитники уяснили, что происходит и пальнули для остратки в чёрное небо, все было закончено.

Утром при виде множества истерзанных туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясенные скитники окаменели. Казалось, что даже белоголовые горы и те с немим укором взирали на столь бессмысленное зверство.

— Сие — проделки дьявола в волчьем облиии! Пора дать ему укорот! — возгласил Маркел.

Еще до этого события, время от времени, изучая по следам жизнь стаи, Корней уяснил, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Скитник был уверен, что если ему удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, он не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак, умная bestия, всегда уводил стаю раньше, чем он мог сделать верный выстрел.

Сам же Смелычак скрытно наблюдал за скитником довольно часто. Корней чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружье, зверь успевал исчезнуть — словно таял в воздухе. Просто дьявольщина какая-то!

Зверства стаи давно вызывали негодование у молодого скитника и он, не колеблясь, первым присоединился к святому делу восстановления справедливости и покоя в их Впадине, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Зная зону обитания стаи и наиболее часто посещаемые ею места, скитники устроили с вечера засады на всех возможных проходах. Елисею с сыном досталось место возле ключа, отделявшего кедрач от осинника.

Натеревшись хвоей, они сидели в кустах, не смыкая глаз и держа ружье наготове. При свете луны вслушивались в ночные шорохи, редкие крики птиц. Вот серым привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался по косогору упитанный барсук. Забавлялись в осиннике зайцы. И только волков не было видно, хотя стая все это время бродила неподалеку, искусно минуя засады.

Среди ночи у Корнея на несколько минут возникало знакомое ощущение чьего-то взгляда, испытанное им еще во время первой охоты, но он так и не заметил Смельчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увел стаю в недоступную глухомань.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с четверть версты бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами выгнать стрелу, но рана была смертельной и он вскоре окошел. Скитники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивлялся Тихон.

— Они ж слуги дьявола, — пояснил Корней.

После этого случая стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о ее существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой резней оленей на льду Глухоманки. Но и в этот раз волки бесследно затерялись в путаной сети отрогов и распадков. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Видимо, предыдущий урок не пропал даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших его блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смельчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору. Смельчак разжал зубы.

А однажды зимой волки, обежав в поисках оленей все распадки и отроги, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: бдительные животные не позволяли приближаться, догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной, да по насту!

Инстинкт подсказывал Смельчаку, что стаю выдает резкий волчий запах. И тогда перед налетом звери, следуя примеру вожака, долго терлись о снег, политый мочой оленей и их свежий помёт. Эта немудреная процедура позволила подойти к табуну настолько близко,

что удалось резать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшись на место трапезы охотники вспугнули зверей. Обьевшиися волки убежали поначалу не торопясь, грузно прыгая, но, когда меткий выстрел уложил одного из них, они тут же изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла замыкавшего цепочку волка. Раненый зверь зашатался. Промокшая от крови и снега шерсть слиплась клочьями. Изнемогая, волк повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти. Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда скитники никогда не заходили.

Корней, хорошо изучивший повадки Смельчака, давно уверовал, что вожак стаи — приспешник дьявола. Не мог же Творец наделить столь выдающимися способностями такое чудовище!

Но и Смельчак тоже хорошо изучил своих соседей, а особенно Корнея, чуя в нем сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и пронизательного взгляда. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого парня горел особый огонь, а взор был неустрашимым. Он бесил Смельчака, но вместе с тем и непостижимо притягивал, порождая желание вновь схлестнуться, помериться силой... взгляда.

Осмотрительно избегая прямой стычки с Корнеем, Смельчак, дабы доказать свое превосходство, задумал

прикончить его верного товарища – Лютого. Да и сама стая давно точила клыки на слишком независимого и оборотистого кота. Но ушлый Лютый спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменениям в следе Лютого волки поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь, та сильно хромала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь побежала по склону крутого отрога, заметно припадая на переднюю лапу. Бежала она с трудом, а спотыкнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрыленная доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый Лютый успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде стоял Корней с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого, хитроумный замысел Корнея удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли, подошел к другу. На дне пропасти грудой лежали разбившиеся о камни разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смельчак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Корнея, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторож-

но поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата верной шайки была для Смельчака сильным ударом. Лишь на следующий день, оправившись от потрясения, он вернулся в основную стаю, отдохавшую в глухом распадке. Волки дремали, лениво развалившись в самых немыслимых позах, в тени деревьев. Заметив Смельчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряженно, даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и подчеркнуто демонстрировал свое непочтение.

— Ну что, хочешь помериться силой? Давай! — говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен, во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошел даром: он растерял былую мощь и ловкость. Однако, даже отдавая отчет, что скорее всего уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно сдать власть: гордыня не позволяла.

Склонив набок голову, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешенный Смельчак подскочил к нему. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, демонстрируя решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала за схваткой.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, а

они все стояли, не двигаясь с места. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смелычака пойти на сближение и сделать бросок. Широколобый только и ждал этого, отпрыгнув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил противника с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смелычак вырвался, но сильно ударился головой о сук дерева и, метнувшись в чащу, помчался прочь. Никогда еще он не чувствовал себя таким бесславно опозоренным.

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смелычак все бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли темные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьем, а следы пребывания людей здесь вообще отсутствовали.

Постепенно Смелычак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, на него наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, случайно столкнулась со Смелычаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смелычак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к верховенству, жаждой превзойти других, видеть та-

кое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда. Та не отходила от смертельно раненого супруга ни на шаг, а когда тот околел, еще долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, когда тот хвалился тем, что нашел падаль, и, услышав подсказку, не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам выносливостью ходить за добычей часами, а порой и сутками. Безостановочно шел и шел, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно ноги тяжелели, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх близкой смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. А Смельчака же близость добычи, наоборот, возбуждала, прибавляла резвости. Наконец наступал момент, когда вконец загнанная жертва, чуя неминуемую гибель, смирялась и останавливалась, уже равнодушная ко всему. И, когда Смельчак подходил к ней, как

правило, даже не пыталась сопротивляться — покорно и безучастно расставалась с жизнью.

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось увернуться от его клыков.

В один из знойных полудней, дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав налетные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Точно она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поестъ свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смельчак выверенным прыжком оседлал ее и вонзил клыки в шею. Очумевшая от неожиданного нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по волку. Тот, разжав челюсти, чуть живой отполз к воде, а потрясенная мамаша удалилась в лесную чашу.

Выполняя просьбу деда-травозная, Корней, после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шел по высокому берегу речки, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихвор-

* Период рождения телят у лосей растянут. Отел, порой, случается в июне и даже в июле.

нувшему Проклу. Приседая на корточки, скитник с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Корней ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж озноб пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и внизу у воды увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее один приоткрытый глаз, сразу выдал его. Точно, Смельчак!

— Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается, жив! — воскликнул Корней.

Зверь вздрогнул, еще сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в речную гальку. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности, не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились— то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что тяжело мириться с бесславной участью обреченной жертвы.

Корней глядел на старого, сильно поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смельчак отвел глаза, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Корнея вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворенность. Смельчак, словно почуяв перемену в настрое человека, тут же едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Но просьба волка о пощаде и помощи была столь открыто выраженной, что скитник даже смутился. Он спрыгнул с обрыва на прибрежную галечную полосу

и направился к Смелчаку. Тот в ужасе сжался, дернул грязным, как дворовая метелка, хвостом. И как будто всхлипнул. Шумно вздохнул еще раза два и замер.

— Не робей, лежачих не бьют, — Корней склонился над зверем и наткнулся на угасающий взгляд: волк был мертв..

Набрав травы, Корней вернулся в хижину и рассказал деду о неожиданной встрече.

— Все как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил отшельник, — Кто затевает раскол, от него сам же и гибнет.

ЗЛАТОГРУДКА

Чуткий Лютый, трусивший, как всегда впереди, похоже услышал что-то занятное: остановился, покрутил ушами и направился к подножью вытянувшейся длинным языком серой осыпи. Подошедший следом Корней разглядел под камнями лисью мордочку.

Освободив заваленную кумушку, он положил ее на траву, ободряюще погладил по спине:

— Ну, беги, рыжая!

Та попыталась встать, но, сморщив нос, сразу легла очевидно боль была нестерпимой (лисы, как и волки, переносят ее молча).

Корней, взял покалеченного зверя на руки и принес в скит.

Златогрудка поправлялась чрезвычайно быстро Кормили ее прямо с хозяйского стола, но для лисы любимым лакомством оставались все-таки мыши, которых специально для нее Корней добывал ловушками.

Прошла неделя или немногим более. Поврежденные кости перестали болеть, и лиса уже могла сама подстергать юркие бурые шарики. Вскоре она переловила почти всех мышей сначала в сарае, а потом и на подворье. Делала она это ловко и изобретательно. У лис вообще есть талант обращать любые обстоятель-

ства в свою пользу. Там, где волки берут добычу за счет своей неутомимости, лисы — хитростью и сметливостью.

Как-то Златогрудка увидела у ограды ежа. Когда она приблизилась к нему, он тотчас свернулся в клубок, растопырив колкую щетину. Лиса долго катала сердито фыркающий шар по земле, надеясь, что еж раскроется, но упрямец не сдавался. Будь поблизости вода, лиса сразу решила бы эту проблему, но до ближайшего ручья четверть версты и всё лесом. Пришлось прибегнуть к иному способу: став над ежом, лиса подняла заднюю лапу с тем, чтобы обдать его вонючей мочой, однако выжала из себя лишь несколько капель. Расстроенная Златогрудка ушла, а недоверчивый ёж ещё долго не расправлял колючую спину.

Скитские собаки не очень жаловали кумушку и Корней, как только она перестала хромать, выпустил ее за ограду.

Зимой в один из ясных, студеных дней, возвращаясь от деда, парнишка увидел, что прямо на него, не таясь, бежит лиса.

Медно-рыжее пышное веретено, сияя на солнце, эффектно плыло над белоснежной пеленой среди елочек. Пушистый хвост кокетливо стелился следом.

— Ух ты! Какая красавица! Уж не Златогрудка ли?

От слепящего солнца Корней так резко и оглушительно чихнул, что с верхушки ближней ёлочки свалился снег. Но лиса, ничуть не испугавшись, подбежала к нему и встала рядом.

— Признала! — просиял скитник — Эх, как хорошо, что не дали сгинуть такой дивной красе!

А Златогрудка, выражая радость от встречи, лизнула Корнею руку и заюлила между ног Потом еще с полверсты неторопливо трусила рядом, ставя задние лапы так аккуратно, что они попадали в след передних с точностью до коготков. Дойдя до белой ленты Глухоманки, она повернула и, с чудной легкостью прыгая по заснеженным валежинам, умчалась обратно к той жизни, для которой и была рождена.

— До встречи! — крикнул ей вдогонку Корней.

Лиса в ответ звонко пролаяла.

ГОРНОЕ ОЗЕРО

Впадину, приютившую скит, обрамляли два в вытянутых с востока на запад хребта. Южный — более низкий, пологий и Северный — величественный, в бесчисленных изломах и трещинах, с чередой снежных пиков по гребню.

Излазивший Впадину вдоль и поперек Корней великолепно ориентировался среди холмов, ключей, чащоб и болотин, покрывавших межгорное пространство. Никто лучше его не знал где нынче уродилась малина, где слаще морошка, а где пошли грибы. Зверье настолько привыкло к нему, что без опаски продолжало заниматься своими делами, даже когда он проходил совсем близко. Скитник иногда останавливался, ласково разговаривал с ними, и ему казалось, что они понимают его.

К шестнадцати годам Корней столь подробно изучил все окрестности, что ему стало тесно во Впадине. Он все чаще обращал свой взор на горные пики Северного хребта, манящие своей мощью и неприступностью. Больше всего молодой скитник любил созерцать, как заходящее солнце красит его скалистые грани, то в пурпурно-алые, то лилово-зеленые, а чаще всего в золотисто-желтые цвета. Это занятие доставляло ему неизъяснимое удовольствие, схожее с удовольствием, испытываемым им от полетов, совершаемых во снах.

Корней с малых лет видел себя, парящим над макушками деревьев, покрывавших Впадину. Во время таких полетов он терял ощущение веса.

С годами скитник стал замечать, что если мысленно поднапрячься, то высота полёта начинает расти. Иногда ему удавалось воспарить до самых облаков, но как только Корней пытался дотронуться до них, так начинал камнем падать вниз. Неимоверными усилиями гася скорость, он благополучно приземлялся, причём каждый раз на одну и ту же лесную полянку, и просыпался.

Став постарше, скитник загорелся мечтой научиться летать наяву так же свободно, как и во сне. Стремясь развить эту способность, он часами представлял себя расслабленно парящим то над речкой, то над рокочущим водопадом, то над горными вершинами. Полёт возникавших в голове грёз порой уносил его далеко за пределы Впадины. Богатое воображение, подпитываемое рассказами деда, как-то увлекло через бескрайнюю Сибирь, за Камень, в Ветлужский монастырь. То, что монастырь именно Ветлужский, Корней не сомневался — по рассказам деда он представлял его также явственно, как и родной скит.

Святая обитель была пустынна, со следами больших разрушений. Пролетая над монастырским погостом. Корней, будто направляемый чьей-то волей, опустился у покосившегося креста одной из могил. Очистил её от нападавшей и спрессованной временем листвы и на освобождённом от мусора надгробном камне прочел:

*«Раб Божий Константин.
Он жил во славу Божию.
Кто добром помянет —
того Бог не забудет».*

Корней проснулся с ощущением, что ему удалось, перенесясь на огромное расстояние, прикоснуться к таинству канувшего в лету Времени...

После этого видения парнишка окончательно уверовал в то, что сумел пробудить в себе скрытую способность к полётам души. С той поры Корнея потянуло на неприступные снежные пики с ещё большей силой, он чувствовал, что там эта способность обострится.

Он поделился с дедом своей мечтой взобраться на самую высокую вершину, расположенную как раз между Верхами и пещерным скитом, но старик страшно рассердился на внука и запретил даже помышлять о том.

— Деда, объясни — почему мне нельзя в горы? — настырничал Корней.

Поняв, что одними запретами не обойтись, Никодим вынужден был, взяв с внука обет пожизненного молчания, рассказать ему историю про благочестивого монаха и про страшный мор, выкосивший живших в пещерном скиту старообрядцев:

— Помни: ведаем о том только я да Маркел. Ты третий, кому сия тайна доверена. Так что не отпускай ее далее себя. Нарушишь обет, болтнёшь ненароком — не видать тебе Царствие Небесное. Человеки, известно,

зело любопытны, а последствия этого свойства для нас всех могут быть ужасными: найдется непоседа-ослушник навроде тебя, заберется в прокажённый скит, и тогда всем нам смерть. Потому и наложили мы с Маркелом строгий запрет на посещение тех мест, — Никодим внимательно оглядел внука, словно видел впервые. — А ты и впрямь вырос, шалопай этакий, возмужал. Пожалуй, дозволю тебе подняться в горы. Но уговор, поднимайся вправо от Верхов — тех пещер сторонись, за версту обходи.

Перед восхождением Корней несколько раз взбирался на скалу, торчащую неподалеку от Верхов и с её высоты намечал удобную дорогу к вершинам, подолгу разглядывая широкий предгорный уступ, упирившийся в крутые скаты хребта, отроги, иссечённые лабиринтами ущелий и трещин, гребни, утыканные стрельчатыми шпильями. В конце концов в его голове сложилось ясное представление о том, где легче подняться на террасу и по какому маршруту быстрее всего можно будет взойти на трёхглавый снежный пик.

* * *

На уступ-террасу Корней взобрался без затруднений. Она была много шире, чем представлялась снизу и устлана тучной, по пояс, травой, среди которой крупными, мясистыми листьями выделялся медвежий лук — черемша. Трава разваливалась под ногами на обе стороны, оставляя за путником глубокую траншею. От окружавшей безмятежности и раздолья Корнею даже

захотелось повалиться с разбегу на перекатываемые ветром изумрудные волны и бесконечно долго лежать на них, внимая голосу ветра и щебету птиц.

Дальше за террасой дыбились твердь высоченных гольцов с каменными проплешинами, покрытыми кое-где пятнами разноцветного лишайника и зелеными заплатками кедрового стланика. Над всем этим великолепием господствовал трехглавый пик, от которого веяло прохладой и свежестью.

Там, где терраса упиралась в горы, взору путника неожиданно открылась почерневшая от долгих годов небольшая часовня. Северный скат её кровли и нижние венцы поросли мхами. Неподалёку от часовни, из высокой груды камней торчал на сажени две, а может, и более, потрескавшийся лиственный крест. Подойдя ближе, Корней увидел, что его поперечины покрыты резьбой со скорбными словами из Евангелия. На камнях, подле креста, лежал свежий букетик луговых цветов.

«Господи, помилуй! Неужто из пещерного скита еще кто жив?» — со страхом и благоговением подумал путник.

Помолясь на потускневшую, изрядно облупившуюся икону Божьей Матери, висящую над входом и поклонившись Ей до земли, Корней с опаской заглянул в обомшелое святилище. Темное снаружи, внутри оно излучало теплый медовый свет обтесанного дерева. В часовне было пусто. Лишь в углу резное распятие, да на полке несколько почерневших образов. Выйдя наружу и еще раз сотворив молитву, скитник направил-

ся дальше. Через шагов восемьдесят он подошел к озерку с неподвижной, чёрной водой в каменной оправе. Разморенный нараставшим зноем, парнишка, не раздумывая, скинул одежду и, хотя в глубине души у него шевельнулось какое-то нехорошее предчувствие, нырнул с высокого берега прямо в слепящее отражение солнца.

Холодная вода обожгла, наполнила тело бодрящей свежестью. От плеска волн между береговых стен заметалось гулкое эхо. Переплыв озерку туда и обратно, Корней стал высматривать место, по которому можно было бы вскарабкаться наверх. Но безобидные сверху берега снизу выглядели совершенно по-иному: они, склонившись к центру, буквально нависали над Корнеем.

Проклиная себя за неуместную прихоть, из-за которой оказался в каменной западне, Корней лег на спину и, чуть шевеля ногами, тихонько поплыл. Глядя в голубой овал неба, он страстно просил у Господа милости и помощи, но в ответ, с небосвода, словно унося с собой последнюю надежду, уплыло даже одно-единственное облачко-перышко.

Вода в озере была такой студеной, что даже закаленный парнишка вскоре стал ощущать неприятный озноб, проникающий все глубже и глубже. Холод подбирался к костям, достиг вен, заскреб сердце. В голове застучало, — Это конец! Это конец!

Другой, на месте Корнея, закрыл бы глаза, выдохнул воздух и погрузился в многометровую толщу, дабы без долгих мучений обрести вечный покой, но Корней был не из тех, кто сдаётся без борьбы. Он упорно пла-

вал вдоль берегов, высматривая площадку или уступ, на который можно было бы взобраться, чтобы погреться, но тщетно...

Вдруг спину что-то царапнуло. Перевернувшись, Корней увидел в прозрачной воде, прямо под собой, гряду камней. Она тянулась несколько саженей и, резко обрываясь, терялась в глубине. Приободрившись, пловец стал нырять и переносить, перекатывать легкие в воде глыбы на самое высокое место. Когда из озера вырос островок, парнишка выбрался на него погреться, но прежде преклонил колени, творя молитву:

— Господи Всемогущий! Не отведи милость Свою от раба Твоего неразумного. Отче наш, вразуми меня грешного, спаси и сохрани. Во всем полагаюсь на волю и милость Твою. Аминь!

Вот уже и солнце скатилось за кромку проема. Воздух сразу охладел. Подкрадывалась ночь. Промозглая стылость вновь смыкала свои леденящие объятия. Чтобы не замерзнуть Корней принялся перекаладывать с места на место камни, приседать, размахивать руками, хлопать ими по бокам, бёдрам.

Стремясь поддержать спокойствие духа, молодой скитник не переставал страстно молиться, веря, что Господь не даст сгинуть. Ведь он уже дал надежду — островок.

Утром солнце хотя и рано выглянуло из-за отрога, сам островок осветило только к полудню.

И сразу будто чья-то теплая, ласковая рука согрела съезжившегося на угловатых камнях человека. Уняв дрожь, Корней еще раз с надеждой прощупал цепким

взглядом отвесные берега озерца и, в очередной раз убедился, что самостоятельно отсюда не выбраться.

Перед его мысленным взором неожиданно возник скромный букетик у креста. Ведь кто-то же положил его! И совсем недавно! Корней принялся еще истовей просить Бога ниспослать ему в помощь того ангела или человека, который оставил цветы, но мир оставался безучастным к его мольбам.

Все требовательней заявлял о себе голод. Его когти раздирали пустой желудок на части. Темно-спинные рыбины, как бы дразня скитника, то и дело подплывали к островку, и сноровистому Корнею удалось-таки камнем оглушить одну из них. Сырая рыба чувство голода притупила, но не на долго. К тому же к вечеру зарядил дождь. Он лил то ослабевая, то набирая силу почти сутки. Корней продрог настолько, что уже не был в состоянии не только бросить, но и поднять камень — судорожная дрожь сотрясала скрюченное на островке тело.

* * *

Властелин неба — громадный золотистый беркут, широко распластав крылья, парил в промытом дождями лучезарном поднебесье, наслаждаясь своей способностью подниматься выше самых высоких пиков, не прилагая тому видимых усилий. Рыжик обожал эти полеты в последние погожие дни скоротечного лета.

В овальном зеркале озерца рядом со своим отражением беркут увидел островок, которого прежде не было, и лежащего на нем человека. Острое зрение по-

зволило орлу даже с высоты признать в нем своего спасителя и друга — Корнея.

Рыжик радостно заклекотал и, камнем спикировав, сел рядом. Как всегда, подергал клювом за волосы. Человек приоткрыл глаза, но и это усилие оказалось для него чрезмерным: воспалённые веки тут же сомкнулись. Подождав немного, беркут повторил попытку разбудить приятеля, но ответом был едва различимый стон.

Сообразив, что друг в беде и ему необходима помощь, добропамятливый орел решительно расправил крылья и одним великолепным взмахом поднялся в воздух. Расстояние до скита он одолел за несколько минут.

Шумно опустившись перед Ольгой, занятой выделкой оленьих шкур, птица ухватила клювом подол её юбки и потянула на себя.

— Что, Рыжик? Проголодался? — Ольга вынесла с ледника мяса, но беркут, не обращая на угощение внимания, тревожно клекоча, потянул еще требовательней. Отлетая и вновь возвращаясь обратно, он как бы звал за собой. Такое необычное поведение встревожило женщину.

— Неужто с сыном что стряслось? — подумала она и кликнула мужа. Рыжик сразу переключил своё внимание на вышедшего из избы Елисея и стал тянуть за штанину его. Было очевидно, что Рыжик просит следовать за ним. Сердца родителей сдавил обруч недоброго предчувствия.

Позвав соседа Прокла с сыном Матвейкой, Елисей, спешно побросал в котомку еду, связку веревок, спле-

тенных из сыромятины, сунул за кушак топор. Когда мужики смекнули, что беркут ведет их в сторону запретных пещер, они несколько оробели и замедлили шаг. Но птица настойчивым клёкотом требовала продолжать путь.

С опаской поднявшись на уступ-террасу в двух верстах правее пещер, люди увидели, что беркут сидит на шпиле невесть откуда взявшейся часовни у самого подножья вздыбленных гор. Потрясенные скитники, не сговариваясь, бухнулись на колени и принялись истово креститься, класть поклоны.

Рыжик тем временем слетел с часовни и скрылся в траве.

Мужики, осеняя себя крестным знаменем, переглянулись, и, пересиливая страх, двинулись к тому месту, где исчез беркут. Вскоре они наткнулись на лежащие в траве вещи Корнея. За травой их взору открылся провал, заполненный водой. Посреди недвижимой глади на камнях лежал, сжавшись калачиком, человек. С берега казалось, что он спит, положив ладошки под щеку. Рядом сидел Рыжик.

Елисей скинул одежду, взял моток верёвки и, передав один конец Проклу, прыгнул в воду. Добравшись до островка, он обвязал сына и, поддерживая его, поплыл, обратно. Стоящие наготове Прокл с Матвейкой вытянули наверх сначала Корнея, а следом и самого Елисея.

Влив в рот горе-путешественника живительный настой золотого корня, скитники долго растирали ооченевшее тело. Наконец на лбу парнишки выступила испарина. Он задышал глубже и приоткрыл глаза.

— Слава Богу! Ожил!

— Тятенька, Матвейка?! Откуда вы?

— Помолчи, родимый! — произнес Елисей и в приливе нежности крепко прижал к груди сияющего улыбку сына, порывисто поцеловал. Елисей безмерно любил сына, но внешне чувств никогда не проявлял. А тут прорвало. Скупые слезы катились по его загорелым щекам в густую бороду, — Доброе сердце у тебя, вот и послал Господь за нами твоего спасителя — Рыжика. Кабы не он, не свиделись бы мы, пожалуй, боле на этом свете.

Покормив Корнея и беркута, счастливые скитники долго возносили Царю Небесному молитвы за чудодеяние, не стесняясь изливать благодарность и любовь к Нему.

— Корнюша, а что это за чело* в бреге? Мне поблазнилось даже, что там лестница лежит, — вспомнил Елисей, когда они уже спускались во Впадину.

— Какое чело, тятенька? Я ничего такого не приметил.

— И то, правда, его с воды, пожалуй, и не видно... Похоже, озерцо-то не простое, — задумчиво пробормотал себе под нос отец.

Корней хотел было рассказать отцу про букетик свежих цветов у деревянного креста, но, вспомнив про обет, данный деду, промолчал.

* Чело — отверстие, лаз.

ГОРБУН

В скиту было много пересудов о случившемся. Каждый на свой лад толковал происхождение часовни, креста возле неё. Долго обсуждали и удивительные обстоятельства спасения Корнея.

— Смотри-ка, птица, а и та с понятием! Добро помнит! — говорили они про Рыжика.

Братия справедливо полагала, что после столь сурового урока непоседа Корней наконец уgomонится. Некоторое время он и впрямь далеко не отлучался, а работы по хозяйству исполнял с особым усердием и рвением. Но душа кочевника не могла долго терпеть однообразия. Да тут еще слова отца о приблизившемся лазе разбередили воображение. Остроконечные горные пики пуще прежнего манили к себе.

Природа обильно рассыпала по склонам отрогов свои самоцветы — яркие костры увядания, последний дар щедрого бабьего лета перед зимним сном. В эту благодатную пору у Корнея, как и у перелетных птиц, усиливалось неодолимое желание к перемене мест, и он отпросился у отца на несколько дней к деду в гости, а на самом деле с тайным намерением осуществить давно вынашиваемый план восхождения на самый высокий пик Северного хребта.

К хижине отшельника молодой скитник подходил в темноте. Из оконца приветливо струился мягкий зо-

лотистый свет. И таким уютным и желанным показалось ему дедово пристанище! Сколько счастливых воспоминаний таилось там, за мутным пузырьём, натянутым на крепкую раму.

«Сейчас дедушка наверное заносит глухариным пером свои памятки в лежащие на коленях* листы», — прикинул Корней и не ошибся. Все было именно так, как он представлял.

— Здравствуй, радость моя, — встретил его дед, поднимаясь с топчана с пером в руках, — Ты как будто мысли мои прочел. Помощь твоя нужна. В «Травознаях» вычитал про одно замечательное растение. Судя по описанию, в наших горах оно тоже должно расти. Посмотри, вот она эта травка изображена. Сможешь сыскать ее?

Корней остолбенел. Всю дорогу он изобретал убедительный повод для отлучки, а тут на тебе — дед сам отправляет в горы! И уже на второе утро, спозаранку, несмотря на то, что весь гребень Северного хребта за ночь покрыл снег, отправился в путь. Солнце в этот день взошло в плохом настроении: кроваво-красное, словно сердитое на то, что так рано подняли из опочевальни.

Достигнув злополучного провала, скитник обошел его и, взглядевшись в неровные стены, обнаружил на одной линии с часовней и крестом зияющую дыру. Но как ни напрягал Корней глаза, так и не разглядел в ней ничего похожего на привидевшуюся отцу лестницу. Зато обратил внимание на то, что трава над её челом

* У старообрядцев писать на столе — большой грех.

почему-то редкая, как бы вытоптанная. Корнея так и подмывало тщательно обследовать это место, но он понимал, что сегодня дорога каждая минута, и сразу начал подъем к далеким белоснежным пикам, сгрудившимся на головокружительной высоте. Узловатые, низкорослые, перекрученные ветрами и морозами ели, отважно карабкавшиеся вместе с ним по камням, вскорости отстали. Дальше путь пролегал по обнаженным скалистым склонам с небольшими вкраплениями кедрового стланика. Корней поднимался медленно, осторожно обходя опасные участки, чтобы не сорваться в расщелины и к вечеру достиг лишь кромки снежного покрова.

Дно котловины, закрытое от солнца горами, уже лежало в тени, и его заливали сгущающиеся сумерки. Пора было позаботиться о ночлеге, но дивная красота расцветавшего в горах заката отвлекла. Завороженный, Корней смотрел, как вершины и склоны гор воспламеняются нежнейшими переливами алого и багряного цветов, темнеющих с течением времени. Купол неба при этом излучал роскошное, медленно гаснущие, зеленоватое свечение. Унося последние отголоски дня, по небу проплыл запоздалый клин красных от лучей невидимого уже солнца лебедей. В сгущающейся тьме растворялось, исчезало неисчерпаемое богатство форм пиков, ущелий, отрогов. Зеленоватое небо, неуловимым образом меняясь, стало темно-фиолетовым, а вскоре и вовсе почернело. Вызрели первые звезды. Такого многообразия дивных и сочных красок Корнею прежде не доводилось видеть. Снизу, со дна Впадины закаты всё же выглядят побледнее и потусклее.

Душа и сердце скитника ещё долго не могли успокоиться от восхищения перед этой неземной красотой. Мысленно отметив место, где скрылось солнце, скитник с трепетной надеждой подумал:

«Может, завтра с вершины удастся глянуть на опочивальню светила».

Вместе с рассветом на горы сплошным войлоком наплзли низкие тучи, но путник не повернул обратно, а принялся упрямо карабкаться к невидимым горным пикам. Поднимаясь все выше и выше, он с волнением ожидал момента, когда сможет дотронуться до серых туч: вдруг они такие плотные, что сквозь них невозможно будет идти?

Достигнув, наконец, облачного покрова, Корней с чувством облегчения и разочарования одновременно, открыл для себя, что облака — это обычный туман, только очень густой.

Осторожно на ощупь, одолев влажную муть, он, наконец, увидел посвежевшее и необыкновенно синее небо, слепящий диск солнца. Внизу под его ногами простиралось во все стороны серое бугристое покрывало, из которого торчали заснеженные пики хребтов, ослепительно и нежно сиявшие на фоне густой синевы. Корней стоял на подступах к самому высокому из них горному массиву, состоящему из трёх пиков.

Дальше, на севере и северо-востоке просматривались еще более величественные хребты, сверкавшие серебром зубчатых корон. Эта панорама напоминала вспененные гребни речных шивер*. Когда-то мать

* *Шивера* — каменистый перекат на реке.

рассказывала Корнею эвенкийские предания, из которых он знал, что за этими горами, через много дней пути — Тундра: ровная земля с бесчисленными стадами оленей, а еще дальше — Край суши, Соленое море с бесконечными полями льдов и торосов...

По мере того как молодой скитник поднимался к заветным вершинам, хрустальный купол неба, вопреки его ожиданиям, не приближался, а, напротив, темнея, становился еще более недосыгаемым. Корнею трудно было представить, что внизу, под сугробами облаков, сейчас пасмурно — так ярко полыхало здесь солнце, слепил глаза снег. «Вот он — мир ангелов и архангелов! Где-то повыше должна быть Божья обитель», — благоговейно подумал скитник.

Горный массив, к которому он поднимался, оказался не трех, как виделось снизу, а пятиглавым. Невесть откуда прилетевший ветер погнал по перемычкам, соединяющим его пики, седые пряди поземки. Колючие порывы все крепчали. Снег слепил глаза, бил в лицо жгучим потоком. Дивясь тому, сколь быстро переменилась погода. Корней зашел под защиту суставчатых скал-останцев, частокотлов, словно вешки, указывал дорогу к его давней мечте — самому высокому пику. Оглядев уходящую вверх ложбину, он застыл от удивления: по её дну медленно двигалось черное существо, похожее на человека. В этот миг налетел жесткий шквалистый ветер, и все видимое пространство потонуло в белой мгле. Когда порыв ослабел и видимость улучшилась, скитник с облегчением отметил, что видение исчезло.

«Пожалуй, лучше передохну, а то мерещиться всякое стало. Да и подкрепиться пора», — решил он и заполз в нишу у основания скалы. Метель тем временем разыгралась не на шутку. Вскоре даже ближние скалы растворились в вихрях снежной круговерти. «Как бы не пришлось возвращаться», — подумал Корней. Он привалился к податливому надуву: усталость, а главное, непривычка к высоте все же давали о себе знать.

Под завывание ветра незаметно подкралась дрема, приятная и неподвластная воле человека. Веки смежились, и он полетел...

В полусне Корнею привиделся высоченный снежный пик. Он опустился на него почему-то босиком и прикоснулся поднятыми руками к слепящим бокам солнца.

«Хорошо-то как! Ох, как хорошо! А светило, оказывается, вовсе и не жгучее, а напротив, теплое и ласковое!».

Корней осторожно взял и понес раскаленный шар, ступая босыми ногами по острой кромке гребня, но от нестерпимой боли в ступнях проснулся.

Над ним склонилось волосатое чудище с выставленными вперед, словно напоказ, желтыми зубами. Оно растирало ступни его ног жесткими с грубой кожей ладонями.

— Господи Иисусе, неужто я у пещерников?!

«Пещерник», заметив испуг, поспешил успокоить:

— Не робей, это я, Лука-Горбун... Не признал, что ли?

По тому, как медленно и отчетливо человек выговаривал слова, было ясно, что он отвык от общения.

Перед глазами Корнея сразу ожила давняя картина: горбун, с выставленными зубами и длинными, висящими до земли руками, рассказывает ему сказки. Корней мало что понимает в них, но крупные зубы невольно притягивают взор. Он не осмеливается отвести от них глаз. Боится: вдруг они выпрыгнут изо рта и укусят?

— Да, да, дядя Лука. Признал! — облегченно вымолвил скитник, — Простите, Христа ради, по-первости за пещерника принял — уж больно вид у вас одичалый.

Согревшись, паренек огляделся. Они находились в сухом, теплом гроте. Сажень в семи чернел выход. Вдоль неровных стен угадывалась хозяйственная утварь, вороха сена. Колеблющееся пламя светильника гоняло по неровному своду длинные причудливые тени. Очага не было. Озадаченный, Корней поинтересовался:

— Дядя Лука, а отчего у вас так тепло?

— Ишь, пытливый какой... Ноги-то отошли, что ль? Пойдем, покажу...

Лука запалил от светильника факел, и они перешли в другой, еще более теплый зал. То, что увидел там Корней, надолго лишило его дара речи. Вокруг стояли колонны с переливчатыми потёками. Сверху свешивались перламутровые сосульки. Навстречу им с пола тянулись остроконечные шпильки, рядом разбросаны цветы из блестящих кристаллов. По своду зала местами высыпала изморозь из хрупких кремовых и розовых игл. Стены сплошь покрывали извилистые напыльи, очень похожие на расползающихся змей. С длинной арки свешивалась гигантская волнистая завеса.

Пожалуй, в воображении даже самого гениального художника не могло родиться такое великолепие.

Справа, из трещины в плитняке, била струя горячей воды, образуя парящий водоем, на дне которого лежали гладко отполированные, с янтарным свечением шарики разной величины: от ячменного зерна до перепелиного яйца.

— Боже, а это что?

— Пещерный жемчуг! Нравится? То-то! . Я каждую секунду созерцаю это диво .

Вернувшись в жилой грот, Лешак нарезал ломтиками мороженого белого мяса куропатки и зачерпнул из выдолбленного в полу котла полную чашу брусники. Ели молча. По старому завету за трапезой говорить не можно. Грех. И только после того, как всё было съедено и убрано, Корней поведал Горбуну обо всех значимых событиях, произошедших в скиту за последние годы. Закончив рассказ, и сам полюбопытствовал:

— Дядя Лука, а как вы отыскивали меня в такую метель? Ведь не видно было ни зги!

— Трудно объяснить. На все воля Божья . Мне удивительно другое, как я тебя, такого детину, дотащил сюда.

— Храни вас Бог, дядя Лука! Всю жизнь буду молиться за здоровье и спасение души вашей. Отвели от неминуемой гибели.

По слегка побледневшему выходу пещеры собеседники поняли, что снаружи светает, но пурга не унималась.

— Экий ветрина. Ещё дня два покрутит, — определил Лука.

— Неужто так долго! — расстроился Корней.

— А че тебе горевать. Поживешь у меня в тепле и сытости.

— Не можно так. Деда изведётся в думах обо мне.

Корней подробно рассказал Горбуну о своих недавних злоключениях на горном озере и о чудесном спасении. Когда черёд дошёл до привидевшейся отцу лестницы, Лука загадочно заулыбался и промолвил:

— Путь твой к вершине многотруден неспроста. Господь тебя испытует. Слабый человек давно бы отрёкся от этой затеи, а ты не отступаешь, сызнава пошёл. Молодец! Ну что ж, ежели нельзя задерживаться — собирайся. Провожу.

— Вы же сказали, что еще дня два покругит.

По лицу Горбуна вновь скользнула загадочная улыбка:

— Там где мы пойдём — пурги не бывает.

Вконец растерявшийся скитник надел котомку. Горбун запалил факел, три запасных передал Корнею и... направился в глубь пещеры.

За поблескивающей от света пламени влажной стеной зала открылась полого уходящая вниз галерея. Её стены покрывали натечные складки, трещины, бугры. Шли по ней довольно долго, сворачивая то влево, то вправо, то, как бы поднимались, то опускались. Однажды галерея разделилась. Более широкий рукав сворачивал вправо, но Горбун повёл прямо.

— Дядя Лука, а куда правый ход?

— Тебе-то что? Иди куда ведут, — недовольно промычал тот.

И хотя Корней не получил вразумительного ответа, он не сомневался, что это отвлечение ведёт в пещерный скит.

Своды галереи опускались все ниже и ниже. Рослому парню теперь приходилось идти согнувшись, и он, из-за света факела, не сразу заметил, что тьма понемногу отступает. Лишь когда Лука устало присел на корточки подле лежащей на каменном полу лестницы из жердей, молодой скитник сообразил, что они достигли цели.

Корней подошел к выходу. Нестерпимо яркий свет сёк глаза, парень невольно зажмурился.

— Смотри, еще раз не утопии, — засмеялся Лука. Осторожно выглянув из лаза, Корней обомлел: под ним лежало памятное озерко. В прозрачной глубине, среди камней, шевелили плавниками старые знакомцы — темноспинные рыбины.

«Так вот откуда чело в стене, — сообразил парень, — и лестница отцу, стало быть, не померещилась. Теперь понятно, кто выгоптал траву на берегу, кто положил цветы у креста».

Лука закинул Г-образную лестницу на край обрыва. Выбравшись на плато, они молча подошли к часовенке. Помолились, каждый о своем: удивительно, но здесь, несмотря на облачность, не было ни ветра, ни снега.

— Дядя Лука, может, вернетесь к нам?

— Не могу... Обет Господу дал на полное отречение от мира, ради милости Его к вам каждодневной. Да и привык уж я к уединению. А главное — здесь в горах особая мыслеродительная среда. Думается хорошо, на

душе благодать неизбывная... Своему многоучительно-му деду передай от меня вот это, — Лука протянул Корнею довольно увесистый комоч горной смолы, — Сгодится для лекарственных снадобий. Скажи, что молюсь за благочестивый скит денно и ночью — моя келия поближе к Божьей сфере и, стало быть, мне сподручнее к Создателю нашему милостивому и непогрешимому обращаться... Обо мне никому не рассказывайте.

— Великое спасибо вам, дядя Лука, за доброту и участливость. Бог даст, наведаюсь.

Скалистые террасы, уступами спускавшиеся к лесу, вывели Корнея к знакомой тропке, ведущей к хижине деда-отшельника. Справа, по склону в верстах трёх чернели сотами ходы пещерного скита, хранящего множество тайн...

КОСОЙ

Косой наступление непогоды почуял загодя. «Не мешало бы до снегопада подкрепиться», — решил он.

Осторожно привстав на широко опушенных задних лапах, заяц пошевелил ушами, покосил по сторонам глазами. Все спокойно. Выпрыгнув из снежной ямки, мягкими скачками, потешно вскидывая зад, он с дивной лёгкостью поскакал по натопанной тропке в осинник полакомиться сочной горьковатой корой.

Там уже столовались все окрестные собратья. Чисто обглодав ветки недавно сломанного ветром дерева, повеселевшие зайцы принялись играть в догонялки, а под утро опять разбежались кто куда. Наш косой направился к укрытому снегом многоярусному бурелому.

Проскакав по нему несколько раз туда и обратно, он сделал скидку, петлю, затем снова скидку и вдруг громадным прыжком сиганул в сторону, целиком погрузившись в снег между валежин. В это время сбоку звонко щелкнул промороженный ствол. Заяц хоть и привычен был к таким прострелам, все же трусливо вздрогнул, но быстро успокоился и лежал, не шевелясь, невзирая на крепкий мороз — под снегом тепло. От горячего дыхания снежинки перед носом и

длинными белыми усами быстро растаяли и не мешали дышать.

Надеясь вновь повстречаться с приглянувшейся ему в прошлом году кокетливой рысью, Лютый частенько посещав эти места и ещё издали заметил торчащие из снега кончики ушей. Услышав легкое похрустывание снежинок, сминающихся под лапами крадущейся рыси, заяц выскочил из лунки и так припустил вниз по склону, что поднял белый шлейф. Кот, хотя и был сыт, повинувшись инстинкту, бросился следом.

Косой домчался до обрыва и кубарем покатился вниз. Внезапно, пронзительно вереща, он растянулся на снегу.

Налетевший Лютый занес когтистую лапу. Заяц, съевшись от ужаса, тоненько запричитал. Кот, вспомнив, как спасали заваленную камнями лису, желая заслужить похвалу Корнея, взял косога в пасть и понес в скит. Трусишка, оцепенев от страха, только изредка всхлипывал.

Увидев Лютого, несущего беляка, Корней сразу догадался, что косой жив и нуждается в помощи. Осторожно ощупав зайчишку, скитник обнаружил у него вывих задней лапы.

— Ну ты, Лютик, молодец! Никак в лекари метишь?! — Похвалил Корней и одним движением руки вправил сустав на место. Косой даже не успел пикнуть. Он удивлённо повертел головой, присел на снег и помчался со всех ног прочь от спасителей.

Кот громко заурчал. По его морде заблуждала довольная улыбка.

Этой же зимой произошло событие, заставившее скитников изрядно поволноваться. Зато благополучное завершение чуть было не грянувшей беды прибавило авторитета не только Корнею, а еще больше его верному другу — Лютому.

Началось все с безобидной вылазки ватаги ребятишек на Лысую горку. По своим старым следам детвора быстро добралась до нее и с гиканьем принялась кататься на салазках, не обращая внимания на снегопад и все усиливающиеся порывы ветра. Забыв обо всем на свете, они без устали взбирались на горку и вновь и вновь скатывались с нее, соревнуясь, кто выше взлетит на ухабах и кто укатится дальше всех.

Самый старший из них, Егорка, желая щегольнуть перед малышней, сиганул с самого крутого откоса. Разогнавшиеся салазки, наехав на бугорок, взлетели так высоко, что встали дыбом, и Егорка рухнув на торчащую из снега сучкастую валежину, сильно поранил ногу.

Дети помогли парнишке подняться, но идти самостоятельно он не мог. Связав двое салазков, ребята уложили на них раненого. А пурга тем временем разошлась в полную силу. Дети, впрягшись в лямки, двинулись по заматаемой на глазах тропе. Когда они сообразили, что сбились с пути, совсем стемнело. Хорошо еще, что у них хватило ума не плутать в поисках дороги, а сразу забраться под густые лапы огромной ели и, обнявшись, дожидаться там утра.

Поскольку никто из ребят к вечеру не объявился, в скиту поняли, что они в беде. Мужики, не мешкая, ра-

зошлись на поиски, но обнаружили лишь наполовину занесенные снегом сломанные салазки.

Женщины и старики, оставшиеся в скиту, истово молились и отбивали без устали поклоны, прося у Господа милости и сохранения жизни их любимым чадам.

Пурга не унималась, и поэтому ель, под которой лежали окоченевшие дети, разыскали лишь к середине следующего дня, и не кто иной, как Корней, правда, по подсказке Лютого. И, слава Богу, не опоздали — все были живы, хотя и пообморозились.

ПЕРЕЛОМ

Закончилась еще одна студеная и долгая зима. Бурливая, клокочущая весна незаметно сменилась размеренным летним покоем.

В один из июньских дней неутомимый Корней отправился к озеру, затаившемуся между трех холмов в юго-восточной части Впадины. Он обнаружил его в прошлом году, в пору массового пролета птиц. В скиту весть о существовании озера тогда вызвала изумление: «Сколько лет живем, а не ведаем!» И в самом деле, если учесть, что водоем имел почти полверсты в поперечнике, было удивительно, как до сих пор никто не наткнулся на него. Корнею же помогла его наблюдательность: собирая перезимовавшую клюкву, он заметил, что стаи птиц то и дело исчезают и появляются из-за одного холма. Когда скитник поднялся на его макушку, до него стали доноситься крики множества пернатых. Внизу блеснула водная гладь с небольшим островком посередке. Озеро кишело жизнью. Мелководье бороздили утки всех мастей: степенные кряквы, юркие чирки, горластые клокуны. Места поглубже облюбовали важные гусаки, особняком — лебеди. Одни птицы резвились в воздухе, выделявая замысловатые пируэты, закладывая крутые виражи, другие куда-то торопливо улетали, третьи возвращались. Пернатых было такое множество, что от их криков, гогота и

хлопков крыльев все вокруг воспринималось беспре-
рывным, радостно-ликующим стоном. Галдеж и плеск
воды не прекращались ни на минуту. Все птицы сла-
вили весну, начало нового круга жизни ...

Сейчас же вода в озере с затонувшими в нем обла-
ками блестела, как полированная: основная масса
птиц улетела на север, а оставшаяся, пережив радость
встречи с родиной, погрузилась в тихие заботы по
высиживанию потомства — не до песен.

Корней шел по обрывистому берегу, когда из чащи
донёлся и стал быстро надвигаться подозрительный
шум. Желая знать, кто это так смело ломится по тайге,
парнишка остановился. Среди деревьев мелькнули
рога сохатого. Снежок?! Увы, нет. Зверь выбежал на бе-
рег и бросился в воду, подняв веер хрустальных брызг.
Следом, высунув языки, выскочили волки. Лось зашёл
поглубже и высокомерно вскинул голову. Посрамлён-
ные хищники не стали даже подходить к воде — лось
теперь может простоять здесь, питаясь водорослями
не один день. Не тратя время попусту, серые разверну-
лись и растворились в глухолесьи.

Корней продолжил путь, невольно поглядывая в ту
сторону, где исчезли волки. Неожиданно прямо перед
ним с шумом выпорхнула сидевшая в гнезде куропат-
ка. Чтобы не наступить на кладку с пёстренькими яич-
ками, скитник шагнул в сторону, но, угодив в свежую
медвежью лепешку, поскользнулся и, не удержав рав-
новесия, полетел с обрыва. Вставая, он вскрикнул от
острой боли: левая голень согнулась так, словно в ней
появился дополнительный сустав. Перелом!!! Корней
лихорадочно соображал: что делать?

В надежде, что Снежок или Лютый где-то поблизости, он поулюлюкал, оглушительно посвистел, скликая приятелей. Окружавшие озеро холмы ответили многократным эхом, так и не выпустив призыв о помощи из своих объятий. Повторяя свист в течение получаса, Корней так никого и не дождался. Рассчитывать приходилось только на себя.

Дед как-то рассказывал, что одна сметливая лиса, сломав лапу, закопала ее в мягкий грунт и терпеливо лежала, дожидаясь, пока кость срастется.

«Надо попробовать», — решил скитник и, превозмогая боль, сполз поближе к воде. Снял чуни, смотал опорки. Выкопал рукой в жирном иле канаву и бережно уложил туда сломанную ногу. Стиснув зубы, на ощупь состыковал кость. Переведя дух, завалил ногу илом, ладонями утрамбовал его. А чтобы удобнее было лежать, нагреб под спину сухой береговой хлам, под голову сунул котомку с припасами и, взмокший, вытянулся на устроенном ложе. Оставалось набраться терпения и ожидать подмоги.

Скитник огляделся. За спиной, в пяти-шести саженях поднимался ощетилившийся перестойным лесом крутояр. На вершине старой, с обломанной верхушкой лиственницы, словно шапка, нахлобученная на ствол, гнездо скопы — заправской рыбачки. Слева и справа небольшие заводы, поросшие осокой. Чуть колыхнёт ветерок, и сразу рябь широкими пятнами пробегает по воде.

Корней на всякий случай еще несколько раз посвистел, но кроме двух грузных, блестящих, словно дёгтем намазанных ворон, алчно глядящих в беспомощное существо, да подтянутого куличка, беззвуч-

но семенившего по влажному илу, на его призыв никто не обратил внимания.

Прикованного к одному месту Корнея стал донимать нимбом колыхавший над головой гнус. Они набрасывались на парня с таким остервенением, что можно было подумать, будто в окрестностях кроме него не осталось ни единого живого существа. Слава Богу, Корней всегда носил с собой берестяную кубышку вонючей дегтярной мази с какими-то добавками, приготовленной дедом. Достав ее из котомки, он натер руки, шею и лицо. Кровопийцы продолжали кружиться вокруг, но кусать перестали. Под их докучливый звон Корней даже задремал.

Проснулся от влажного толчка в щеку:

— Лютый, ты?

В ответ шершавый язык лизнул его.

Скитник обнял поджарого друга, потрепал за пышные бакенбарды, взъерошил дымчатую, с коричневатым крапом шерсть.

— Умница! Нашел-таки! Давай, брат, выручай! Видишь, я не ходячий. Беги в скит, приведи отца... Давай, иди... Чего стоишь — ну иди же...

Но Лютый в ответ демонстративно отвернул морду и бесстрастно наблюдал за носившимися над озером стрижами...

После весенней стычки с Маркелом кот в скит не ходил. Хотя то, что между ними произошло, и стычкой-то назвать трудно. Так, небольшое недоразумение.

В самом начале весны Маркел, истосковавшийся по солнечному теплу, вышел на крыльцо. Сел на припеке и, водя узловатым пальцем по строчкам, стал перечи-

тывать любимые «Златоструи». Эту книгу старец берег пуще других, даже в руки никому не давал. Положив ее на скамью, он отлучился зачем-то в дом. Лютый, лежавший на ступеньке, прищурившись, наблюдал за медленным бегом переворачиваемых ветром страниц. Когда те побежали, по его разумению, слишком быстро, кот, пытаясь остановить их, махнул когтистой лапой и невзначай вырвал одну.

Выходивший Маркел все это видел. С расстройства он схватил стоящую у двери метлу и огрел ею Лютого.

Кот от негодования — ведь он не сделал ничего плохого — оскалился и, обдав старца холодным непроницаемым взглядом, удалился. С того дня в скиту его ни разу не видели. К одному Корнею только и сохранил расположение.

— Ну, ладно. Не хочешь идти в скит, так хоть напитокся помощи. Пить хочется, придумай что-нибудь, Лютик!

Выслушав просьбу с самым глубокомысленным видом, кот зашел в трепещущее на волнах отражение леса и энергично шлепая лапой по воде, забрызгал Корнея по грудь.

— Спасибо, дружок, но я пить хочу, а не купаться, — Корней изобразил, как он глотает воду и как ему от нее становится хорошо.

Лютый отряхнулся и озабоченно забегал по берегу. Заскочил на обрыв, спустился обратно и усердно заскреб когтистыми лапами податливый ил. Корнея, внимательно наблюдавшего за котом, осенило. Он углубил и расширил ямку. Когда добрался до песка, со дна выступила вода. Парень смочил лицо и, дождавшись, пока муть немного осядет, попил, черпая воду ладошкой.

— Ну, ты голова! — с восхищением произнес скитник и прижал кота к себе, готовый от счастья тоже замурлыкать.

На морде рыси заиграла улыбка Лютый умный — всегда что-нибудь придумает.

Надо сказать, что кот был хоть и независимым, но в то же время на редкость ласковым существом. Он проявлял свои чувства приглушенным рокотом и покусыванием. Иногда даже обнимал передними лапами. Но если Корней сам начинал тискать его, то независимый характер Лютого тут же давал о себе знать: он отходил в сторону и взгляд становился отрешенным и холодным, смотрящим как бы сквозь тебя.

Сейчас же рысь, растянувшись во весь рост, лежала рядом. Корней благодарно почесывал и поглаживал пышные бакенбарды приятеля. Лютый от блаженства неумолчно порокатывал. Солнце, отсियाв над Впадиной длинный июньский день, опустилось за зубчатый гребень гор. Как только наползающая с востока ночь погасила алое свечение одиноких облаков и на небосклоне замигали первые звезды, кот степенно поднялся и удалился в лес.

Первый день невольного заточения завершился. Сколько Корнею еще предстоит пролежать так на берегу? Самолюбивый Лютый в скит ни за что не пойдет, а отец, привычный к отлучкам сына, раньше чем через три дня его не хватится. Хорошо еще, что Корней сообщил ему, куда отправляется.

Почувствовав голод, скитник достал из котомки кусок вяленой, приятно пахнущей дымком оленины и стал медленно, растягивая удовольствие, жевать.

Мир, погруженный во мрак, казался пустынным и безжизненным. Лишь звезды, просвечивающие сквозь ткань размазанных по небу облаков, ободряюще подмигивали. Озеро тоже будто уснуло: лежало неподвижное, маслянисто-черное. Но Корней прекрасно знал, что окружающие его покой и тишина обманчивы.

С приходом темноты жизнь замирала только у дневных животных и птиц. На смену ей постепенно пробуждалась несуетливая жизнь ночных обитателей, кажущаяся таинственной и непонятной лишь из-за того, что недоступна взору человека. Вообще же, она такая же активная, как и у дневных животных: кто-то выслеживает добычу, кто-то резвится, кто-то чистит логово, но в лесу при этом тихо. Ночная тайга любит покой и неприметность.

Когда из-за холма выползла круглая, с ямочками на щеках, медовая луна. Корней, неплохо видевший в темноте, стал различать в её бледном свете шныряющих в прибрежной траве крепко сбитых лесных мышей. Интересно было наблюдать, как крохотные шарики, неслышно перебирая лапками по земле, играли в одни им понятные игры. А вот с вершины громадной ели сорвался сероватый лоскут. Распластавшись в воздухе, он спланировал на ближнее к Корнею дерево и с любопытством уставился на лежащего человека. Близость белки-летяги приободрила парня — у скитников существовало поверье, что эти зверьки приносят счастье и удачу.

Немного погодя до Корнея донесся хруст сочных водорослей, аппетитное чмокание, плеск воды. Это забрели в заводь на кормежку лоси. Парнишка в на-

дежде, что среди них есть его друг, окликнул Снежка, но сохатые испуганно шарахнулись и перебежали в другую заводь.

Ночь на исходе. Мрак стал рассеиваться, в воздухе замерцал свет пробуждающегося утра. Где-то вдали, на другой стороне озера, загоготали дикие гуси. Застелился над глянцевою водой молочными лохмотьями туман. Незаметно густея, он, еще до восхода солнца, затянул поверхность водоема бугристым покрывалом. По мере того как разгоралась заря, туман отрывался от воды и белым привидением поднимался по склонам холмов, постепенно растворяясь. Вскоре проявились зыбкие очертания скалистого островка. Они менялись на глазах. Казалось, что островок, прячась от горячих лучей, перемещается, то исчезая, то вновь воскрешаясь в белых клубках.

Когда солнечный сквозняк окончательно развеял туман, появился Лютый. Привалился к другу и, мусоля лапы, стал усердно умываться. Потом, немного погуляв по берегу, опять исчез.

Днем Лютый еще несколько раз навещался, ложился поблизости, мурлыча лесные новости, и пропадал, когда заблагорассудится. В один из таких визитов он принес куропатку. Тронутый заботой, Корней нежно потрепал кота за крепкую, мускулистую шею и чмокнул в прохладный нос. Подтянув суковатой палкой валявшийся по берегу хворост, он запалил костерок и, сняв чулком шкурку прямо с перьями, испек угощение.

Вынужденное заточение имело и свои достоинства. Никогда прежде скитник в течение одного дня не видел столько потаенных сцен из жизни обитателей тайги.

Вон на соседний мысок вышла семья: медведица, два пестуна* и медвежонок. Оглядев берег, они зашли в воду. Молодежь стала с шумом плескаться, гоняться друг за дружкой. Мать, лежа в воде, умиротворенно созерцала их забавы. Накупавшись, косолапые скрылись в зарослях. Через некоторое время, неподалеку от этого места, устроили соревнование по скоростному спуску на глинистом, скользком от сочившейся воды, обрыве две выдры. А после полудня из леса к озеру, откуда ни возьмись, стали выходить лосиные семьи: терзаемые оводом, они спасались от них, заходя по шею в воду.

Случались и трагедии. Наблюдательный Корней ближе к вечеру заметил робкую мордочку зайчишки. Смешно опустив одно ухо, он с любопытством поглядывал на человека из-за мохового бугра, усыпанного янтарными ягодами морошки. Внезапно, расстилаясь серой вуалью, перед ним возник филин. Стиснутый смертоносными когтями, косою отчаянно завопил, но после увесистого удара клювом по темени затих. А пернатый налетчик, как бы устыдившись вероломности своего нападения, торопливо скрылся вместе с трофеем в чаще.

Вот спустилась с обрыва старая, с облезлой сивой шерстью росомаха. Косолапая, точь-в-точь как давешний медвежонок. Попила воды и принялась что-то искать, швыряясь в береговом хламе. Увидев Корнея, замерла, но не убежала, а потоптавшись, нехотя развернулась и побрела в другую сторону.

* *Пестун* — медвежонок предыдущего помёта.

Каждое утро облетала озеро скопа. С шумом, касаясь воды, она выдергивала из неё жирных извивающихся муксунов. Напрягая силы, частя крыльями, долетала до берега, с высоты бросала рыбину и тут же возвращалась за следующей. Поев богатый улов, остатки уносила в гнездо.

На второй день дедова мазь кончилась, и по мере того, как с потом и ветром с кожи сходили ее остатки, все наглее и злее становились мстительные кровососы. Подтащив палкой остатки дров и листья вперемешку с травой, скитник устроил дымокур. Окуная голову и руки в дым, он на некоторое время почти избавился от болезненных укусов гнуса. Но когда дотлели последние угольки, оголодавшее кровососы ринулись в атаку с еще большей свирепостью. Измученный войной с этой несметной ратью, Корней укрыл лицо снятой с ноги опоркой и впал в забытье.

Очнувшись, открыть глаза уже не смог: лицо покрывала густая, солоноватая на вкус маска. Скитник не сразу сообразил, что это кровь: опорка мешала дышать, и он, по всей видимости, сбросил ее, раскрыв лицо.

Над ухом кто-то горячо задышал и осторожно лизнул. С трудом разлепив один глаз, Корней увидел Лютого. Черпая ладошкой воду, парень осторожно смыл с лица кровь и рыхлые струпыя. Лицо поначалу нестерпимо зудело, но вскоре зуд стал ослабевать. Оба глаза открылись и Корней мог нормально смотреть. На его счастье Господь поднял сильный напористый ветер, загнавший гнус в глубь леса. По заволновавшемуся зеркалу озера сразу запрыгали тысячи осколков солнца. Встревоженно зашумели деревья. Частые и

резкие порывы раскачали крутые волны. С шипением накатываясь на берег, они уже доставали ноги скитника. Корней забеспокоился: не ровен час разгуляется стихия и придется тогда откапывать сломанную ногу и отползать повыше. Но велика милость Господня: до страдальца донеслись голоса людей. Корней что было силы крикнул. Самолюбивый Лютый тотчас исчез.

Соорудив носилки, мужики унесли покалеченного парня в поселение. Наблюдавшие за ними вороны долго кричали с досады, что не дождались поживы.

Кость срасталась медленно. По настоянию деда, Корнея перенесли к нему. Лишь только к осени парень начал потихоньку подниматься и, опираясь на дедов посох, ходить возле хижины.

Дни вынужденного лежания для Корнея не пропали даром. Они с дедом часто и подолгу беседовали о Боге, предназначении человека, заповедях Христа. Никодим продолжал посвящать внука в тонкости лекарского искусства, подробно рассказывал ему о своей юности, о завещании святого Варлаама, о бесценных реликвиях, хранимых в скиту. Душевная близость, роднившая деда с внуком сильнее кровных уз, за эти месяца общения возросла многократно. И Корней решился, наконец, поделиться с дедом сокровенной мечтой — повидать эвенкийскую родню.

— Ишь, чего удумал! Али забыл, что как только наши люди покидали пределы Впадины, так Господь сразу наказывал нас.

— Деда, я это все понимаю, но ты ведь лучше меня знаешь, что все равно кому-то из Впадины выйти придется: соль на исходе и добыть ее здесь негде. В острог

идти — только поганиться. А за перевалом, в долине Большой реки, там, где кочует моя родня, отец сказывал, солончаков великое множество. Я мог бы соли там и заготовить.

Отшельник от такого неожиданного довода надолго замолк. Вспоминал историю женитьбы своего сына. И когда внук уже решил, что дед не желает обсуждать эту тему, произнес:

— А что? Пожалуй, стоит отписать Маркелу. Даст Бог, вымолю согласие.

Но наставник был непреклонен — «Гляди-ка, чего удумали». Отчитав назидательно прежде Елисея, призвал он к себе, неугомного крестника.

Когда тот вошёл в горницу, Маркел молча, движением величественной головы подал знак садиться:

— Знаю про твое желание навестить родню кочевую... Оно конечно похвально: предков грех забывать, но и благое желание может обратиться на пагубу общине.

— Так я ж не к отступникам-острожникам, а к непорочным детям леса прошусь, и соль там добуду. Святой отец, Господь милосерден, будьте и вы милостивы! Не откажите в моей просьбе.

Маркел сурово отрезал:

— Похоже, ты забыл, что послушание и покорность не только перед Богом, но и наставником, и всеми старшими в нашей общине святы? Ступай! Незрел ещё!

Корней смиренно выслушал и, попросив прощения за дерзость, со слезами на глазах направился к выходу. Удовлетворенный старец остановил его:

— Повремени. Я испытывал твою благочинность. В писании сказано: «Искуси и познай».

Тут Маркел замолчал, как бы раздумывая. Поколебавшись, все же продолжил:

— Было мне давеча во время вечера видение. Явился святолепный Варлаам и молвил: «Ступайте и несите имя Божье иноплемцам лесным! Молодыми укрепится скит ваш». И помыслилось мне, что неспроста сие сказано. Выходит, не грех нам общаться с местными инородцами. Похоже, тебя сам Господь надоумил к эвенкам проситься. А теперь ступай и хорошо подумай, кого возьмешь в напарники. Одного не пущу... Да из тех кто покрепче выбирай.

Наставник встал, взял образ и благословил Корнея.

Маркел, твердый и непреклонный в вере, в жизни был человеколюбив и правосуден. Скитники любили наставника не только по долгу, им привычному, но и благодарности за ладно устроенную жизнь, умение разрешать споры без обиды, по совести. Никогда не возвышал он голос, не бранил, но невозможно было не устыдиться немого укора его глаз.

В немалом уже скиту ровней Корнею было только шестеро ребят. Остальные либо много старше, либо совсем еще отроки. У самого близкого друга Матвейки недавно народилась двойня, и ему недосужно было отрываться от семьи. Поэтому Корней сговорился идти за солью с внуком Марфы — Захаром, рослым увальнем, полной противоположностью своей шибутной бабке.

Строгая, обособленная жизнь скита не давала возможности братии расслабиться даже зимой. Хозяйственные дела требовали много сил и времени. Понят-

но, что Корнею с Захаром с трудом удавалось выкраивать время для подготовки к дороге. А тут еще, как только морозы немного поутихли, их с тремя самыми дюжими мужиками отправили на заготовку леса для замены обветшавшего частокола и скитских ворот.

Чтобы за короткий день успеть сделать поболее, лесорубы ночевать оставались в зимушке, сооруженной прямо на деляне.

Работали усердно. Безостановочно валили, шкурили деревья. К несчастью, одна лесина рухнула прямо на медвежью берлогу. Косолапый, разъярённый тем что, его разбудили, с рёвом выворачивая глыбы снега, вылез наружу, поднялся во весь рост и, вскинув когтистые лапы, двинулся на скитников.

Слава Богу, Корней не растерялся и столь ловко и крепко саданул обухом топора по лобастой голове, что оглушенный зверь повалился на снег Убивать медведя без благословения Маркела не полагалось, да и пост не кончился. Поэтому мужики, от греха подальше, пока косолапый не пришел в себя, воротились в скит, тем более, что пора приспела мыться в бане.

Очнувшись, медведь походил по кругу, осмотрелся и, успокоившись, забрался обратно в берлогу. Начавшийся к вечеру снег укрыл ее пухлым одеялом.

Через два дня лесорубы вернулись на деляну. По чуть приметной струйке пара, слабо курившейся над сугробом, и инею на сучьях бурелома они поняли, что потревоженный лежебока уже спит. Мужики, жалеючи зверя, перешли на другую деляну и стали валить лес в удалении.

ПЕРВОЕ СТРАНСТВИЕ

Когда ветер весны, ворвавшийся во Впадину, пробудил тайгу ото сна и по жилам деревьев двинулся живительный сок, а зима дружной каплей оплакала свою кончину, ребята уже были готовы к походу. Но отправились они в путь лишь в начале лета, после того, как спала талая вода и немного подсохла земля.

Едва заметная тропа повела их на восток, к месту, где смыкались Южный и Северный хребты, мимо скрытого холмами озера, каскада водопадов и дальше, через перевал, к реке. Всю их поклажу нёс на себе Снежок, но как только горный склон пошел круто вверх, он остановился так как не намеревался покидать Впадину. Разгрузив лося, ребята поделили поклажу между собой равным весом и дальше пошли одни. Чтобы побыстрее выйти на перевал, молодые скитники решили подняться напрямик, через ровные поля зеленокудрого кедрового стланика, которые для пешеходов оказались сущей западней. Ноги то и дело цеплялись за ветви или проваливались в пустоты между камнями, незаметных под густым ковром стланика. Ребятам пришлось несколько часов продираться по этим непроходимым зарослям, кляня себя за опрометчивое решение спрямить дорогу.

Отец, объяснявший ребятам дорогу и не раз сам проходивший здесь ранней весной, не мог знать о ко-

варных свойствах зарослей кедрового стланика, поскольку в ту пору они укрыты толстым снегом.

Перевальной седловины скитники достигли лишь к исходу дня. С неё открылись новые волны хребтов с голокаменными, а кое-где и заснеженными, вершинами. Лишь на юге между хребтов просматривалось расширяющееся вдаль горное ущелье, а на севере и востоке вздымались друг за другом цепи неприветливых громад, лишенных какой бы то ни было растительности.

— Боже милостивый! И здесь горам нет конца! — воскликнул Корней, увидев зубчатые гряды гор, многие тысячи лет сражающиеся со временем, морозами, ураганами, льдом, разрывающими каменную плоть так, что на ней образуются раны, с которых в долины стекают осыпи угловатых глыб.

Захар же от этой, впервые виденной им картины, вообще онемел. Стал как столб, выпучив от восхищения глаза.

— Это ещё не самое дивное диво. Иной раз на закате цвета в горах так разыграются, что и моргнуть боишься, — заметил с видом бывалого человека Корней.

Приятели ещё долго стояли в безмолвии, любясь горной панорамой. Первым прервал затянувшееся молчание Захар.

— Корней, мне здесь так легко и благостно. Прямо душа поет. Отчего бы это?

Корней, вспомнив Луку, ответил Захару его словами:

— В горах души праведников да святых обитают и к Господу как ни как поближе. А все земное, суетное далеко внизу. Потому и благодать в горах нисходит на человека.

В высокогорье лето приходит с опозданием. В долинах уже жухнет, темнеет трава, грубеет на деревьях листва, а здесь жизнь только пробуждается, в иных расщелинах снег лежит все лето. Корней остановился над одним-единственным княжиком*, обвившим серый курумник**, не в силах отвести взгляд от желтовато-белых мужественных цветков: он как будто еще раз повстречался с ушедшей весной.

Растительность на перевале была крайне скудная: причудливыми языками растекается кое-где кедровой стланик; жадно цепляется за каменистую почву карликовая береза, где-нибудь в затишке можно увидеть невысокую, скрюченную студеными ветрами листовенницу.

Прямо напротив ребят, на гребне увала, среди валунов и отвесных скал паслась семейка снежных баранов. Вожак, высоко подняв голову, с круто загнутыми ребристыми рогами, картинно выделялся на фоне алого заката. Сколько гордой силы чувствовалось в его напряженной фигуре! Рядом с вожаком две овечки, такие же высокие и бурые. Их головы украшают маленькие дугообразные рожки. Тут же и ягненок, едва по колено отцу. Он повторяет все движения родителя. Тот притопнул ногой, и малыш тоже. На перевальной седловине и крутом спуске с нее угадывались хорошо заметные даже на камнях бараньи тропы.

* *Княжик* (княжик сибирский) — лекарственное растение, произрастающее в Восточной Сибири.

** *Курумник* — скопление глыб горных пород.

Молодые скитники, видевшие этих животных впервые, наблюдали за ними затаив дыхание до тех пор, пока те не ушли за утес. У горизонта, где дыбились лиловые облака, тихо гас закат. Наступающая ночь сглаживала зубчатые контуры хребтов, заливала тьмой ущелья, делала невидимыми деревья.

Переночевав в безветренном скальном кармане, с первыми лучами солнца ребята продолжили путь. Им необходимо было спуститься в ущелье, ведущее к пойме реки. По её берегам вверх и вниз по течению тянулись олени пастбища Корнейкиного деда.

Спускаться по крутому склону, испещрённому серыми языками осыпей, приходилось частыми, скользящими шажками, так как мелкие остро оgranенные камни, едва на них ступала нога, уползала вниз, так и норовя увлечь путников за собой.

Чем ниже спускались молодые скитники, тем чаще встречались деревья: ели и пореже берёзки. Некоторые прилепились прямо к голым скалам. Скитники с нескрываемым уважением и изумлением взирали на этих неприхотливых храбрецов, вцепившихся корнями в каменную плоть. Причудливо изогнутые стволы тянулись в небесную высь, бодро топорщились хвоей и, похоже, что эти деревья вовсе не горевали, что так неказисты и уродливы. Ближе ко дну ущелья стали появляться и крупноствольные ели.

Смеркалось. На небе вызревали первые звездочки. Опустившаяся на землю тьма потушила кровавые сгустки заката. Горы помрачнели и взирали угрюмо, неприветливо. Дохнуло холодом. В тишине все отчетливей звенел прыгающий с уступа на уступ ключ.

Пока Захар рвал ягель для постели, Корней собрал сушняк, достал трут, высек кресалом искру, запалил костер. В колеблющемся свете языков пламени деревья то выбегали из темноты, то вновь скрывались в ней. Хотя Корней родился и вырос в старообрядческой семье, эвенкийская кровь давала о себе знать. И неудивительно, что полыхающий костер представлялся ему добрым живым существом, сыном всеильного солнца.

В предвкушении встречи с верным другом парень всегда с особым удовольствием разжигал костёр. После того, как огонь расплзался по сучьям весело приплясывающими язычками и, лаская теплом, согревал всё вокруг, Корней ощущал себя самым счастливым человеком на земле.

Вот и сейчас, уткнув подбородки в колени, Корней с Захаром, вспоминая события минувшего дня, умиротворенно блаженствовали в тепле, зачарованно наблюдая за переменчивой игрой языков пламени. А вспомнить было что: впервые видели снежных баранов, насладились видом грандиозной горной панорамы и обширной долины, по которой в молодости кочевала мать Корнея.

— Костер обогревает и освещает, а человек для чего живет? Мне вот нравится странствовать по новым местам. Маркелу — служить Господу и общине. Деду — лечить больных. Выходит, у каждого человека свое предназначение, — рассуждал Корней, глядя на яркое, горячее полотнище. Костер, словно соглашаясь с ним, одобрительно протрещал, выстрелив в черную бесконечность сноп искр.

— А я как-то и не задумывался. Живу просто по вере и совести, — откликнулся задремавший было Захар.

Сняв с огня котелок, парни перекрестившись на восток и прочитав молитву принялись за похлебку. После ужина Корней, усевшись поближе к огню, принялся латать изодранные кедровым стлаником штаны.

Проснулся Корней от предрассветного холода. Слабые, синюшные светлячки устало блуждали по почерневшим головешкам. Во мгле еще дремали горы. Сквозь ткань туч поглядывала последняя бледная звездочка. Корней подкормил костер хворостом, полюнывил указательный палец, макнул его в теплую золу и принялся энергично чистить белые, как перламутр, зубы. Потом по траве, окропленной утренней росой, спустился к ключу и, хватая пригоршнями ледяную воду, умылся, фыркая от удовольствия. Вернувшись, просушил мокрое лицо и руки у разгоревшегося костра. Разбудил Захара.

Подкрепились сладковатыми сухарями из высушенной крови, упаковали котомки, окинули хозяйским взглядом стоянку — не забыли ли чего и продолжили путь. Солнце, заливая все вокруг живительным светом, всходило из-за гор. Пробудившийся ветерок нанес свежесть хвойного леса и терпкий запах багульника.

По дну ущелья идти было легче — по нему, мотаясь от одного берега ручья к другому, пролегал торная звериная тропа. Правда, иногда ее перегораживали свежие осыпи и остатки еще не растаявших наледей, но они почти не затрудняли ходьбы.

К вечеру скитники достигли широко раскрытого устья ущелья, выходявшего на пойму реки. Корней оценивающе глянул на зависшее над горизонтом светило: успею ли до темноты подняться на ближний от-

рог, чтобы с его высоты отыскать на равнине столбы дымокуров дедова становища?

— Если поторопиться, должен успеть, — прикинул он и, наказав Захару развести костер и готовиться к ночевке, побежал вдоль берега, тараня прибрежные кусты. Вдруг земля под ногами исчезла и, не успев что-либо сообразить, Корней с головой погрузился в воду. Отчаянно работая руками и ногами, он вынырнул на поверхность, стащил с себя заплечную котомку. Увидев, что та не тонет, обхватил ее левой рукой и, загребая правой, поплыл к более пологому берегу. Но мощное течение не пропускало.

Впереди показались вздрагивающие от натиска воды ветки застрявшего посреди реки дерева. Через несколько мгновений пловец врезался в их гущу. Цепляясь за гибкие ветви, он с кошачьей ловкостью взобрался на вибрирующий под напором воды ствол.

— Господи, как Ты добр ко мне, торопыге! Благодарю Тебя за бесконечную милость!

Перебравшись по дереву поближе к отмели, Корней вброд достиг берега и, убедившись, что тельник* на месте, первым делом высыпал на землю содержимое котомки. Слава Богу, молодой, но уже опытный таежник не зря паковал боящиеся влаги вещи и продукты в специально выделанные и отмятые мочевые пузыри оленей, лосей и туго завязывал их горловины сухожилиями — все было сухим, ничего не подмокло.

Уже смеркалось, и Корней поторопился вернуться к Захару.

* *Тельник* — нательный крест.

ЭВЕНКИ

Поутру их ожидал сюрприз: из-за реки долетел отдаленный лай собак, следом вездесущий сплетник ветер нанес запах дыма в перемешку с едва уловимым ароматом вареного мяса. Найдя брод через реку, ребята пошли на запах. Вскоре показались остроконечные обитатели эвенков — чумы, понурые олени возле дымакуров.

Собаки, а среди них были и настоящие волкодавы, первыми учуяли чужаков и бросились навстречу, угрожающе рыча. Корней с Захаром, не останавливаясь, прошагали к чуму, возле которого стояли пустобородые тщедушные эвенки в оленьих рубахах с коротко остриженной шерстью и сыромятных улах на ногах. Их лица выражали изумление от внезапного явления огромных лучи с поклажей на спинах.

— У-у, совсем бедные — даже одного орона* для выюков купить не могут.

— Конечно бедные, ружей нет, просто палки, — толмачили они промеж собой, пуская из коротеньких трубок клубы дыма, пока незнакомцы подходили к ним.

За несколько шагов скитники остановились, поклонились в пояс и поприветствовали кочевников по-эвенкийски:

* *Орон* — домашний олень (эвенк.).

— Дорова!*

Те дружно откликнулись:

— Дорова! Дорова, хэгды лучи!**

Окружив путников и возбужденно лопоча по-своему, они осторожно трогали пришельцев за рукава курток. Скитникам показалось чудным, что эвенки похожи друг на друга, как братья: у всех одинаково приветливо улыбающиеся лица, продубленная желтовато-смуглая кожа, узкие разрезы глаз, широкий, как будто с продавленной переносицей нос.

Вдруг седой старик с быстрыми, живыми глазами, вытянув сухую морщинистую шею, возбужденно закричал, точнее почти заверещал:

— Есейка! Есейка! Смотрите! Мой кутэ*** Есейка пришел!

Не доставая до плеч, он обнял Корнея за пояс. Тот, догадавшись, что перед ним его дедушка, подхватил старика и закружил, как пушинку.

— О, какой сильный! Настоящий луча хомоты****! Как живешь? Как моя дочь? Почто с собой не взял?

— Амака*****, я ведь не Елисей, а внук твой. Корнеем меня кличут.

— И то гляжу, молодой больно. Я старел, а кутэ не старел. Вот глупый, ум совсем терял, страшное дело. Внук, однако, тоже хорошо! А это кто?

* *Дорова* — здравствуйте (эвенк.).

** *Хэгды луча* — большой русский (эвенк.).

*** *Кутэ* — зять (эвенк.).

**** *Луча хомоты* — русский медведь (эвенк.).

***** *Амака* — дедушка (эвенк.).

— Наш скитской. Захаром кличут.

— Родня, стало быть. Духи правильно сказали олешка варить. Пошли! Встречу отмечать будем, страшное дело!

Согнувшись, по очереди вошли в чум. Крепко пахнуло шкурами, дымом и аппетитным варевом. Друзья осмотрелись. Посреди чума очаг, над ним большой котел. Дым поднимается прямо вверх, в отверстие. Летний берестяной свод чума опирается на каркас из жердей, скрепленных кожаными ремнями. Под сводом на поперечинах развешаны вещи, провяленное мясо, рыба. На земле, вдоль стен — сундуки, домашняя утварь, посуда. Спальный угол загорожен пологом из оленьих шкур. Оттуда поблескивают любопытные глазки двух малышей.

Гостей усадили у низкого столика со светильником — каменной чашей с жиром, посреди которого пылал фитиль из скрученного мха. Эвенки расселись вокруг на камаланах — маленьких меховых ковриках, скрестив ноги.

Старшая дочь Агирчи, женщина в опрятном платье с широким подолом и шароварах, заправленных в легкие, из мягкой замши, олочи, подала большое деревянное блюдо с грудой светящегося янтарным жиром мяса и мозговых костей.

Во время еды никто не проронил ни слова. Мерно работали челюсти, мелькали длинные, узкие ножи, ловко отсекавшие мясо кусок за куском прямо у рта. Довольно урчали желудки, почмокивали губы: культ еды царил в чуме. Масленные от сытости и удоволь-

ствия глаза эвенков превратились в совсем узкие щелочки. По подбородку стекал жир.

Корней с Захаркой, заразившись поэзией первобытного довольства, тоже отдались стихии чревоугодья. Им, как почетным гостям, на отдельном подносе подавали самые лакомые куски, включая олений язык и сладкие, сочные губы.

Блюдо уже несколько раз заполнялось вареной оленьиной доверху, но Агирча ласково просил у женщин еще и еще. Наконец все наелись, и на месте медного таза с обглоданными костями появился большущий, закоптелый чайник. Пили ароматный напиток неторопливо, растягивая удовольствие. Эвенки прижимали к груди жиденькие бородёнки и, отхлебывая понемногу, смаковали крепко заваренный плиточный чай. Покрякивая от наслаждения, отирали со лба рукавом крупные капли пота. Корней, распробовав живительный настой, тоже с удовольствием опорожнил несколько чашек.

И только после окончания чайной церемонии, когда эвенки набили трубки табаком, хозяин, сладко затягиваясь и одновременно поправляя угли открытого очага, обратился к внуку:

— Теперь говори, как живете. Все говори. Страшное дело, много говори.

Корней, раздав подарки — хозяйственную утварь из бересты, подробно поведал про мать, отца, сестренку и братишек. Про ладный быт, про большой, теплый дом, в котором они все вместе живут.

— Пошто старика забыли? Так долго не приходили?

— У нас устав строгий, не дозволено из Впадины отлучаться, чтоб никто не проведал, где мы хоронимся. Особенно острожники.

— Э-э-э, острог теперь ведь нету. Сгорел, страшное дело. Одни мы тут кочуем. Ниже только род Сапкара. Лучи совсем нет. Худо стало нам. За припасом далеко ходи. Страшное дело.

Миновал полдень, когда наевшиеся ягеля олени волнистым, серо-бурым потоком потекли сквозь лес к реке отдохнуть от комаров на продуваемой ветром косе. Далеко неслось их шумное дыхание, шлепанье копыт, густое похрапывание важенок. Шерстистые летние рога вскидывались и опускались, напоминая раскачиваемые ветром ветки кустарника, опушенные инеем.

При виде этой живой лавины Корней охватило восхищение и гордость за деда, который легко управлял такой несметной ратью. Агирча, довольный произведенным впечатлением, сиял:

— Своим скажи: куда как хорошо живем... А у вас много оронов?

Узнав, что у зятя до сих пор нет собственного стада, старик помрачнел. Морща высокий лоб, он то и дело огорченно приговаривал:

— Бедный хутэ*, бедный, ой бедный!

Корней принялся успокаивать деда, объясняя, что олени им ни к чему — ездить на них некуда, для пищи же во Впадине в достатке диких зверей.

* Хутэ — дочка (эвенк).

— Э-э-э..., — старик несогласно махнул рукой, — люди без оленя хорошо не живи, пропадай быстро. Моих оленей бери, хорошо живи.

Тронутый заботой и добротой, Корней не стал спорить с дедом.

Ягельные поля вокруг стойбища истошились, и эвенки через три дня свернули закоптелые берестяные покрывки с жердей чумов, сложили их на грузовые нарты. Женщины упаковали утварь в кожаные вьюки и берестяные туеса; водрузили на спины верховых оленей сёдла, крепко притянули к бокам сыромятные подпруги. Навьюченные грузовые олени вытянулись в длинную цепочку. Меж них были два оленя с люльками, из которых поглядывали самые маленькие представители рода.

Агирча взял поводной ремень, привязанный к шее вожака — крупного, с белой грудью, быка и, ловко заскочив на него, с криками «От! От!», повёл караван к месту следующей стоянки. До нее было верст десять вниз по реке. Как раз в тех местах и находились мощные солончаки. В дороге повстречали бурого медведя. Агирча уважительно поприветствовал его:

— Дорова, брат!

А Корнею пояснил:

— Хомоты тоже люди. Только рубаха другая. Если обидишь — сердится, — при этом старик поднял вверх волосы и обнажил на затылке бугристый от уха до уха, красный шрам — след медвежьих когтей.

Подъезжая к стоянке, Корней уже издали увидел высокие скелеты чумов, черное огнище посреди каждого: эвенки на излюбленных местах, каркасы чумов

делают на многие годы и при перекочёвке снимают только берестяные покрышки. Добравшись до места, женщины занялись обустройством становища. Дети натаскали сырых веток и разложили несколько дымокуров, а мужчины ушли искать растерявшихся оленят. Надо поторапливаться — на их тревожный крик могут прийти волки и тогда будет поздно.

Прошло дней десять. Всё это время тридцатилетний сын Агирчи — Бэюн помогал ребятам заготавливать соль. Набрали около шести пудов. Скитники, готовясь к возвращению, паковали бесценный груз в кожаные сумки. Женщины к этому времени закончили шить кухлянки и рукавицы — подарки русской родне. Агирча, после долгих споров, убедил все же внука взять трех выючных оронов, чтобы тяжелую соль везти на них.

В последний вечер перед отъездом Корней и Захар долго совещались и решили, что, поскольку груз понесут олени, Захар в скит отправится один, а Корней останется на пару недель в стойбище, чтобы долечить больных оленей.

Утром, узнав об этом, Агирча даже расплакался от радости.

— Хороший внук. Добрый. Любит Агирчу. Страшное дело.

Совсем освоившись с жизнью в стойбище, Корней старался как можно больше помогать родне и не только лечил оленей, но и, к восторгу кочевников, научился ловить арканом важенок, править упряжкой, ставил вершки на хариусов и ленков, по ночам ходил лучить тайменя с носа долбленки. На дикого зверя

почти не охотились, так как Агирча, помешанный на оленях, имел огромное стадо и уход за ним отнимал уйму времени.

Больных животных Корней выхаживал, используя те же снадобья, что и дед при лечении людей. И, надо сказать, с хорошим результатом. Эвенки, видя, как быстро поправляются хворые олени, прониклись к гостю особым почтением и стали величать его на свой лад — шаманом.

Гордый Агирча, похлопывая себя по засаленным штанам, с важным видом объяснял всем:

— Мой внук ученый, страшное дело! Большой шаман.

Вечерами, когда соплеменники собиралось у костра. Корней рассказывал им о старообрядстве, жизни Христа, его заповедях. Кочевники слушали и одобрительно кивали — «Ая Христос илэ: Пожалуй, эвенком был».

Подошла пора и Корнею возвращаться домой. Но Создатель решил спутать его планы. Ночью на стадо напали волки, и, когда Бэюн стрелял в них из берданки, один патрон дал осечку. Утром он сел выковыривать шилом негодный капсюль, а тот, как на грех, воспламенился и заряженный патрон выстрелил, вогнав картечь в пах оленевода.

Рана, к счастью, оказалась неглубокой, но весьма болезненной — бедняга не мог даже шагнуть.

* *Ая Христос илэ* — хороший Христос человек (эвенк.).

Теперь Корней никак не мог покинуть стойбище. Прежде следовало поставить дядю на ноги, одновременно исполняя его обязанности пастуха в стаде.

Агирча в тот же день уехал на родовое капище: повез туда голову специально забитого рогача, чтобы духи помогли сыну побыстрее оправиться от ранения. За многие десятилетия на капище собралась целая гора ветвистых рогов с белыми черепами.

Пока у Бэюна заживала рана, эвенки еще два раза откочевывали на свежие пастбища. Все народившиеся весной олениа — тугутки, выжили и заметно подросли. Да и среди взрослых оленей не пало ни одного, хотя волки порой крепко досаждали, но собаки и оленеводы всегда были начеку и стадо в обиду не давали.

Когда хвою лиственниц подёрнуло золотом, кочевье вышло на южную границу пастбищ Агирчи. Дальше простирались владения его соседа и свата Сапкара. Здесь оба рода каждый год встречались и несколько дней пировали или, как говорил Агирча, «отмечали дружбу».

От Сапкара узнали, что главного русского начальника — царя Николая убили, и сейчас вместо него правит какой-то Совет. Люди на Большой земле разделились на «красных» и «белых», и все смотрят друг на друга сквозь дула винтовок, повсюду льется кровь. Многие южные эвенки и якуты, спасая жизни, откочевали на север, где, слава Богу, всё текло своим чередом, по-старому.

«Опять раскол, — тревожно подумал Корней, — Благодарение Создателю, что никому неведом наш

скит. Старцы-то, оказывается, ох как правы. Нельзя общаться с миром. Одно зло в том миру».

Агирча втихаря завидовал соседу Сапкару. Дело в том, что у Агирчи было пятеро дочерей и всего один-единственный сын — Бэюн, тогда как у Сапкара наоборот — пятеро сыновей и лишь одна дочь.

Старший из них, жилистый, высокий, с глазами цвета густого чая, темными, как безлунная ночь, волосами и неподвижным, без тени улыбки скуластым лицом, казался среди соплеменников настоящим великаном. И имя у него было соответствующим — Хэгды*. Одет он был в потёртые лосёвые штаны и такую же рубаху. Не оленевод, а охотник, в стойбище он приезжал только ночевать. И сейчас, целыми днями разъезжал на упряжке, парень промышлял заживревших за лето гусей и уток.

Услышав свист крыльев, Хэгды вскидывал ружье и стрелял без промаха, ориентируясь лишь на звук. Обученная лайка быстро находила сбитую дичь и приносила ее прямо в нарты. Для любого настоящего промысловика это было обыденным делом, но меткость Хэгды вызывала восхищение — он был слеп. С пятилетнего возраста зрение у него стало ухудшаться, и сейчас Хэгды вообще не видел. В стойбище говорили:

— Его уши, руки и ноги вместе видят лучше наших глаз.

У слепого охотника, как и у Корнея, тоже был пернатый друг, только не беркут, а сокол сапсан.

* *Хэгды* — большой, крупный (эвенк.).

Когда утром Хэгды выходил из чума, он, взмахнув сильными серповидными крыльями, тут же слетал с дерева и садился ему на плечо. Водил по сторонам головой, зорко целя немигающие, с желтым окаёмом, глаза на окружающий лес. Доверительно при-спускал крылья и тихо клекотал что-то в ухо. Охот-ник отвечал:

— Дорова, Клюк! Дэги гэлэктэдеми*.

В ответ сокол, со свистом рассекая воздух, проно-сился над кочевьем и скрывался в выбранном направ-лении. За ним, радостно взлаивая, убегала собака, а следом на нартах, запряжённых оленями, трогался охотник. Возвращались они тоже вместе, обычно под закат и всегда с добычей.

Корней с Хэгды быстро сдружились и вечера про-водили вместе, засиживаясь у костра порой до полу-ночи. Стремясь поглубже проникнуть во внутренний мир своих соплеменников, любознательный Корней выспрашивал у приятеля всё, что хоть как-то помога-ло раскрыть представление эвенков о жизни и каждый раз узнавал много интересного.

Хэгды был убеждён, что всё на земле происходит по воле Духов.

— Есть Добрый Дух и есть Злой Дух. Добрый Дух весну, лето на землю посылает. Кормит всех. Ягоде, орехам помогает уродиться, зверям детей вырастить. А Злой Дух холодную зиму на землю шлет, реки сушит, тайгу сжигает или, наоборот, всё водой заливают. Доб-рый и Злой Духи равны по силе, друг дружке не усту-

* *Дэги гэлэктэдеми* — дичь ищи (эвенк.).

пают: то один верх возьмёт, то другой. Никак Добрый Дух не одолеет Злого, — объяснял он.

— Похоже, что в мире всего должно быть поровну. Добра и зла в том числе. Без борьбы нет движения и, значит, жизни, — развил мысль Корней.

— По-твоему выходит, что Добрый Дух или, как ты называешь его, Бог, не победит Злого?

— Думаю, что не победит — они равны по силе.

— Значит, всё равно, кому служить?

— Не скажи. Богу служить — в раю жить, диаволу — в муках ада в преисподней корчиться. В книгах я читал, что диавол в стародавние времена был высшим могущественным ангелом, сотворённым самим Богом, но обуяла его гордыня. Захотел сам стать Богом. За это был свержен на землю. Ему вслед пустили с небес громовую стрелу, от которой диавол провалился в преисподню и оттуда своё зло теперь творит.

— Ты настоящий шаман — всё знаешь, умно говоришь.

Неудивительно, что Хэгды стал первым из рода Сапкара, решившим принять старообрядство. Образованный Корней даже подарил ему образок. Сапкар первое время сердито отчитывал сына:

— Христос далеко на небе, ему всех нас не разглядеть. Наши Духи живут в тайге вместе с нами, всё видят, помогают хорошему эвенку.

Но постепенно смирился и бранить Хэгды перестал. Даже сам, на всякий случай, перед важным делом крестил себя двумя перстами: коли местные Духи оплошают, глядишь, Христос подсобит.

ПЕРЕКОЧЕВКА

Морозы ударили рано. Красное, будто от стыда, что плохо греет, октябрьское солнце плыло над рекой в ожидании ледостава. Шуга — лоскутки обмороженной воды — шурша и позванивая двигалась сплошной массой, с каждым часом замедляя свой бег. Узкие просветы воды зябко парили. Все тише и тише бег белых лепешек, и, наконец, все замерло: река, дыбась в местах сужения хаотичными торосами, встала!

Обратно на верхние пастбища род Агирчи возвращался уже по занесённому снегом льду. Тайга, накрытая прозрачной дымчатой вуалью, казалась торжественной и загадочной. Провожать давних добрых соседей вышло все кочевье Сапкара. Люди стояли на берегу и кричали, махали руками, пока не скрылась последняя упряжка:

— Аят бикэллу!*

Следующая встреча лишь через год...

Караван двигался по руслу, оконтуренному ожерельем ледового припая, в клубах пара, вырывавшегося из оленьих ноздрей и мраморной пыли, брызжущей из-под полозьев и копыт. На шее хорей** побрякива-

* *Аят бикэллу* — до свидания (эвенк).

** *Хорей* — бык северного оленя, жолак.

ли гирлянды белых костей. Накрыв голову меховым капюшоном. Корней вглядывался в проплывавшие лесистые берега и склоны гор, пытаясь найти признаки жизни, но напрасно. Все живое словно вымерзло. Однако это было обманчивое впечатление. Жизнь продолжалась, только стала незаметней для беглого взгляда.

Вот туманной тенью мелькнул заяц-беляк, за ним, сверкнув серебристой изморозью меха, неторопливым галопцем проследовал соболь. А вон вдруг посыпалась с ветвей снежная кухта. Это пронеслась белка. Под береговым надувом едва приметные следы горноста, возле его норки рубиновые капли застывшей крови. Неожиданно оглушительный треск расколол безмолвие: это лопнул от мороза лед. Соболю, мышковавший под снегом, испуганно выскочил из белой толщи наружу, громадным прыжком вскочил на седую ель и спрятался в густой вершине. В морозной тишине было слышно, как царапали по коре его острые коготки. Раскатисто крукая, торопливо пересек реку таежный вестун — ворон. Провожая его взглядом, Корней невольно вспомнил родителей: «Поди, заждались меня. Обещал ведь, что вернусь вслед за Захаром».

Еще не глубокий белый саван, покрывавший лед, не мешал быстрой езде, и кочевники добрались до верховьев реки, несмотря на частые остановки на ягельных полях, за пять дней. Не успели обустроиться, как из стойбища Сапкара, откочевавшего в таёжное глухое лесье промыслять пушнину к ярмарке, примчалась упряжка.

— Хэгды крепко заболел. Отпусти Агирча внука. Жалко Хэгды. Молодой ведь, рано ему умирать, — чуть не плача просил белый от куржака гонец.

— Зачем так много говоришь. Забыл что ли главный закон эвенков — помогать в беде, — ответил старик.

Мигом снарядили Корней и нарты понеслись обратно.

Сильный, пронзительный ветер гнал по руслу облака снега, которые, казалось, в ужасе убегали от упряжки и, спотыкаясь о повороты реки, заломы деревьев и ледяные торосы, прятались в сугробы. Из-за сильного ветра путники обморозили щеки и носы, но, несмотря ни на что, добрались до стойбища Сапкара в небывало короткий срок.

Травами и кореньями, заговорами с крестом да молитвою молодой лекарь за несколько дней поставил на ноги друга.

Счастливый Сапкар, обнимая спасителя, уговаривал:

— Оставайся до весны. Кормить будем жирным оленем, чаем у костра поить. Что может быть лучше в жизни!?

Корней вежливо отказывался.

— Бери лучшую упряжку из пяти оронов.

— Спасибо, Сапкар, щедрый вы человек, но я не возьму.

— Какой упрямый лучи. Хорошо, возьми для дороги. Потом оставишь оронов амаке.

Провожали Корнея с великим почетом. Уже привычный править оленями, скитник подхватил остол и гаркнул «От, от!» Объезженный хорей, не оглядываясь,

прижал уши, куснул нерадивую пристяжную, и нарты стрелой понеслись по твердому от постоянных ветров снегу, обстреливая Корнея белыми комьями, вылетавшими из-под копыт.

На третий день пути упряжка пересекла странный след. Скитник остановился. Характер вмятин правой стороны следа свидетельствовал, что прошел косолапый, но рядом тянулась, непонятно от чего возникшая, глубокая борозда. Раздираемый любопытством, Корней пошёл вдоль следа вверх, по склону увала. Вот здесь зверь долго стоял. Четкие, оледеневшие отпечатки правых ступней не оставляли сомнений — точно медведь. Медведь-шатун. Что же он так упорно тащит за собой? В это время со стороны реки раздались рев медведя и хорканье оленей.

Путник бросился назад, но когда подбежал к месту, где оставил упряжку, ее там не нашёл: перепуганные шатуном олени умчались в сторону родного стойбища. Судя по следам, и медведь побрел за ними.

К счастью для Корнея, нарты при резком развороте перевернулись, и его котомка, вывалившись, осталась лежать на снегу.

Как быть? Скитник оказался перед затруднительным выбором: то ли возвращаться за оленями, в стойбище Сапкара, то ли идти в стойбище деда?

До дедова стойбища было ближе — верст сорок, если считать по извилам реки, а напрямик, через отрог, так и вовсе не более двадцати. Одолеть сорок верст по глубокому снегу без снегоступов даже выносливому Корнею было не под силу, и он пошел напрямки, через невысокий с виду отрог.

Оторвав рукава оленьей кухлянки, скитник надел их на чуни, дабы увеличить площадь опоры и меньше проваливаться в снег. К тому же жесткие волосы оленьего меха, играя роль камуса*, должны были облегчить восхождение на крутой отрог.

День уже оставил долину и был осязаем лишь по отсветам заката, а скитник все шел и шел без остановок в звеняще глухой тишине. Первые версты дались легко, но при подъеме на отрог по дну распадка залитому наледью, он потерял много сил и времени. На всём его протяжении из наледи сочилась, клубясь паром, грунтовая вода. Обойти ее было невозможно, так как распадок в этом месте сжимали крутые склоны.

Чтобы одолеть неожиданное препятствие, Корнею пришлось, в тех местах где наледь круто поднималась, вырубать топором в мраморных напльвах ступеньки. Меховые «рукава-снегоступы» от парящих повсюду родничков быстро оледенели, и при любом неверном шаге скитник мог соскользнуть вниз, и тогда подъем пришлось бы начинать сызнова.

Одолев ледопад, скитник сбил со «снегоступов» намерзшие комья и продолжил восхождение. Спаянный застывшей водой мех теперь только скользил и совсем не держал на снегу. От невероятного напряжения парень взмок. Вокруг дерева трещат от мороза, шапка и воротник забелели от инея, а от Корнея пар

* *Камус* — шкура с голени лося (можно изюбря, марала), наклеиваемая на лыжи. Короткие, жесткие волосы камуса надежно держат путника на самых крутых снежных склонах.

валил так, как будто он только что выскочил из жаркой бани.

Моля Господа о милости, он шел и шел, изредка останавливаясь перевести дух. Лучистые бриллианты звезд на черном небосклоне, казалось, дивились упорству человека. «Зачем он поднимается к нам? Что ему от нас нужно?» — недоумевали они.

Взобравшемся на отрог Корнею показалось, что подъем длился целую вечность. На востоке проступили первые признаки рассвета. Мохнатые звезды постепенно таяли на светлеющем небе, и вскоре пришел черед дивиться взошедшему солнцу: навстречу ему, вздымая ногами снежные вихри, неся, восседая на кухлянке, как на саниях, человек. Лавируя между деревьев и кустов, он лихо скатился на пойму. А отсюда уже рукой было подать до дедова стойбища.

Эвенки, пораженные тем, что луча сумел вернуться к ним пешком, через отрог, долго цокали языками и качали головами, разглядывая то, что осталось от кухлянки после скоростного спуска.

— Внук мой не только шаман, он лось, страшное дело, — бахвалился, гордый необыкновенной выносливостью Корнея, Агирча.

За время отсутствия скитника Бэюн с одним из зятьев уехали в далекий острог за мануфактурой и огнестрельными припасами.

Расчётливый Агирча предложил внуку дожидаться их с тем, чтобы возвращаться в скит не с пустыми руками. Поразмыслив, Корней решил, что в этом предложении есть резон и, как не тосковала душа по милой Впадине и родным, согласился.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КЕДРОВУЮ ПАДЬ

Подобревшее весеннее солнце щедро раздаривало накопленное за долгую зиму тепло. Под жаркими лучами оседали, таяли сугробы, гремели ручьи. Обнажалась мягкая сверху, но еще мерзлая внутри земля. На вспухшей реке началась перестрелка — треск льда в разрушающихся торосах. Собирая талую воду, река готовилась сбросить тяжелый панцирь, защищавший ее от стужи всю зиму. Ледяные поля местами уже разошлись трещинами, угловатые осколки зашевелились, расталкивая соседей: «проснитесь».

Подтаявшая вдоль берегов «броня» не устояла и, подхваченная течением, дружно тронулась. Дробясь на части, она поползла, вниз по реке спокойно, чинно, но в сужении перед излучиной её ход застопорился. Что тут началось! Врезаясь в возникший затор, зеленые льдины наезжали друг на друга, переворачивались, бултыхались в воде, как распалившиеся звери. Прижатые сильным течением к ледяному валу, вновь вставали на дыбы, громоздя хрустальные замки, истекавшие на солнце прозрачными слезами. Подплывающие сверху громады свежих льдин выжимали «старичков» на берег. При этом те, что потолще и прочней, срезали всё, что вставало на их пути, тонкие же, выползая на берег, крошились, как стекло, на мелкие осколки.

Купаясь в ласковых лучах, летели на родину первые вереницы крылатых странников. Радость и ликование звучали в их надсадном крике, бередившем сердце Корнея. Как бы он хотел сейчас полететь вместе с ними в родную Впадину!

Когда река вернулась в привычное русло, скитник, провожаемый всем стойбищем, переправился на свой берег и зашагал по знакомой звериной тропой вдоль речушки, вытекавшей из широкого ущелья. Его морщинистые склоны, ниспадавшие почти отвесно, по мере приближения Корнея к перевалу, сходились все теснее и теснее. В глубоких каменных складках еще лежали толстые пласты снега. От них веяло холодом.

Дорога домой всегда короче, чем из дома.

Не трудно представить, какое ликование в скиту вызвало возвращение всеобщего любимца, сколько было разговоров и радости. Весть о том, что казачий острог опустел, всех поразила, но вместе с тем и успокоила. А в то, что царя убили и теперь правит не царь, а какой-то Совет, не поверили.

— Брешут всякое. И ране царей убивали, но заместо убиенного всякий раз другой садился. Как же без царя? Рассеи без царя беда!

Больше всех, не считая конечно родителей Корнея, радовались его возвращению женщины и охотники. Для первых он принес нитки, иголки и прочую мелочь, а для вторых — бесценные огнестрельные припасы. Луки ведь хороши, когда сухо, а при влажной погоде тетива вытягивается, слабеет, да и сама дуга теряет упругость.

Но никто не заметил, что возвращение Корнея сделало самым счастливым человеком русоволосую Дарёнку, давно тайно вздыхавшую по недогадливому парню...

Святолепный старец Никодим сидел под деревом и выжидательно глядел на тропинку, когда на ней показался любимый внук. Сразу посветлев лицом, он поднялся и шагнул навстречу:

— Здравствуй, радость моя! Красно солнышко! Чувал, что сегодня явишься...

— Доброго здоровья и долгих лет жизни тебе, деда.

Никодим слегка отстранил внука и внимательно оглядев его, пожурил:

— Ну и погулял ты, голубчик, заставил всех поволноваться. Истомились от неизвестности. Я уж решил, что ты совсем эвенком стал. Следовало бы тебя на точные поклоны поставить.

Сказал это старец вроде с внушением, а глаза его сияли от радости, радости безмерной.

— Между прочим, эвенки очень даже славные люди! И тебе они премного благодарны.

— За что же честь?

— За премудрости лекарские, которым меня обучил.

— Спасибо за доброе слово. Оно всякому даёт усладу и силы. Отраднo, что познания мои всем на пользу.

Что-то мягкое, теплое коснулось ног Корнея. Простак! Уже лежит рядом, легонько бьет хвостом и заглядывает в глаза. Корней ласково погладил собаку, счас-

тливо вздрагивающую от каждого прикосновения. При этом глаза Простака светились блаженством и такой бескорыстной преданностью, которая свойственна лишь собакам.

— Тоже послушать нас хочет. Мы тут с ним за эту зиму летопись скита дописали. Все главы ему прочитал. Так что Простак у нас теперь дюже просвещенный пёс. А как он чувствует и понимает мотивы?! Совсем как человек. Запою псалмы, так он точь-в-точь подвывает. Чисто дьякон вытягивает! Зимой к нам Лютый приходил. Простак поначалу не признал его, чуть было не сцепились. Здоровенный котяра, но что-то исхудал больно. Хотел покормить, так он ни крошки не взял. Таки ушел, не поев. С тех пор его не видел, даже следов не попадалось. Да что я все говорю да говорю. Давай-ка, голубчик, сам рассказывай.

Внук, подробно описывая день за днем, поведал старцу о ненароком затянувшемся гостевании.

— Молодец, дружок, что употребил время для добрых дел, — похвалил Никодим, — без доброты человек не может зваться человеком.

Корней пробыл в пустыни всего один день, но и этого времени хватило, чтобы заметить, как сильно сдал дед за год. Говорить стал совсем мало. Скажет слово и молчит, улыбаясь, как будто продолжает с кем-то беседовать. И выражение глаз переменилось. Стало просветленно-детским. А в глубине их залучилось нечто особенное, возвышенное, недоступное пониманию.

Обратно в скит Корней уехал на Снежке, наконец явившимся на свист. А Лютый так и не объявился...

ВТОРОЕ СТРАНСТВИЕ

Жизнь в общине текла своим чередом. Впадина, как огромная щедрая, неиссякаемая чаща кормила скитников и зимой и летом. Не было года, чтобы старoverы бедствовали от голода. Если мало было оленей, то в избытке плодились глухари, тетерева либо зайцы. Коли не родились кедровые орехи, то всю Впадину засыпало брусникой да черникой.

В будничных хлопотах прошло ещё два года. Тяга к странствиям по-прежнему терзала сердце и будоражила воображение Корнея, не давала ему покоя. Он жил мечтой вновь отправиться в неведанные края: пределы Впадины давно были малы для его вольной души.

В скиту тем временем назрела и требовала срочно-го разрешения новая проблема. В первые годы жизни в Кедровой пади скитские бабоньки почему-то рожали большей частью мальчишек, и теперь для подросших ребят не хватало невест. Посему на общем сходе порешили во что бы то ни стало найти поселения единорцев и сосватать невест оттуда. О том, что такие селения есть где-то на юго-востоке, раскольники были насышаны от эвенков.

Начали было препираться, кому поручить столь ответственное дело, но поскольку лишь Корней знал эвенкийский язык, что для успеха замысла могло сыг-

рать решающую роль, чаша весов сразу склонилась в его пользу.

— Пора бы и тебе, Корнюша, — напутствовал отец, — хозяйшкой обзавестись. Вона и борода у тебя скоро с моей тягаться зачнёт.

Рассвет чуть забрезжил, а Корней, сопровождаемый веселым пересвистом рябчиков и поклонами малиновых метелок кипрея, уже переходил речку по окатышам, с хрустом расползавшимися под его ногами.

Идёт парень, а в груди непривычное волнение поднимается: перед его мысленным взором стоит зардевшееся, как маков цвет, смущенное лицо Дарёнки. Она только что, догнав его, сунула в руку вышитый рукодельный платочек. Не проронив ни слова, глянула ему в очи так, что опалила сердце, и тут же умчалась обратно в скит.

«Господи, неужели это та самая худющая, нескладная девчонка, которая, стоя у скитских ворот, пялила на меня серые, огромные, немного навывкате глаза и дрожала от холода, когда я возвращался от Горбуна. До чего стройна и пригожа! И когда это она успела так расцвести. Живет-то по соседству и видимся часто. Как это я не примечал ее дивную статью?!» — не переставал изумляться Корней.

У подножия Южного хребта, более приземистого по сравнению с Северным, путник притянул поплотней к спине котомку, поглубже заткнул за пояс топор и начал подъем по крутому ущелью, обрамленному торчащими в беспорядке скальными выступами.

С противоположной стороны хребта, навстречу ему, спешило отдохнувшее за ночь солнце. Ущелье,

словно умышленно воздвигая на пути скитника поваленные стволы и обломки серых глыб, оттягивало время их свидания. Наконец Корней и солнце увиделись и их лица засияли от радости.

Выскобленный ветрами и иссеченный бараньими тропами водораздел в этом месте покрывала крупная щебенка. В отличие от округлых речных окатышей она была угловатой, с шершавой поверхностью, местами покрытой узорчатыми разводьями лишайника. Представшие взору оборотные склоны хребта рассекли глубокие прорезы ущелий. По их дну мчались белопенные ручьи.

Не успел Корней оглядеться и решить по какому из ущелий легче и удобней будет спуститься на плато, как с востока черным вороньем налетело скопище брюхатых туч, стремительно поглощавших все вокруг. Выбора не было — оставалось воспользоваться разломом, начинавшимся прямо у его ног.

Грозовые тучи, проседая от скопившейся влаги всё ниже и ниже, пропитывали окрестность сумрачностью и нарастающей напряженностью. Дно ущелья покрывали острые шаткие камни и Корней, прыгая по ним, рисковал в любой момент сломать не только ноги, но и шею. Тем временем провисшее брюхо тучи нагнало его. Путник определил это по сырому, плотному туману, появившемуся перед лицом. Корней пригнулся и почти побежал по ещё различным камням вниз, рассчитывая вырваться из мути и найти укрытие от неминуемого дождя. Но туча не отставала. Продвигаться приходилось уже почти на ощупь, ориентируясь на шум ручья. Корней понимал, что дальше идти

не только бессмысленно, но и смертельно опасно. Тут весьма кстати проступила в тумане скальная ниша. Путник решил укрыться в ней и подождать, когда пронесёт грозу и вместе с ней уползут тучи, поглотившие всё вокруг.

Нагретый нанесенный весенним паводком древесный хлам. Корней достал из котомки прядь сухого мха. Ударом кресала о кремень высек искры и запалил костерок. Робкие язычки, разгораясь, побежали, затрещали по сухим веткам и через минуту слились в трепещущее рыжее полотнище. Видимость немного улучшилась. Корней осмотрелся. Ниша была довольно просторной. Дно имело заметный уклон в сторону ручья. Поблагодарив Господа за прожитый день, скитник пробормотал, обращаясь к неутомимо ворочающемуся в хворосте другу-огню:

— Извини, брат, что-то я притомился, — свернулся калачиком и тут же уснул.

Но то, что началось вскоре, подняло бы на ноги даже мертвого. Дело в том, что Корнея угораздило расположиться на ночевку в самом центре вызревшей к тому времени грозы.

Первые же раскаты грома, усиленные многократным эхом, были настолько мощными, что оглушили парня. Корней вскочил на дрожавший под ногами гранитный монолит и ошалело завертел головой.

— Господи, сохрани и помилуй, — торопливо зашептал он, защищаясь крестным знаменем.

Непроницаемая тьма то и дело озарялась мутно-белыми всполохами сатанинского сияния. Они следовали один за другим: то ослепительно яркие, то чуть

видимые. Канопада не утихала ни на секунду. Ущелье накрыли потоки воды. Застучали, срывавшиеся от раскатов грома и ударов молний, камни.

Внезапно черноту, в саженях двух от скитника, расколол слепящий ствол молнии. Корнея подбросило. Кромка ниши, в которую пришёлся удар, на глазах покраснела и застывающей лавой сползла вниз. Одновременно раздался столь резкий и сильный треск, что путник на какое-то время вообще перестал слышать.

Вакханалия света, грома и воды длилась в течение часа. Наконец, утробно порывивая, гроза пошла на убыль, но ливень не ослабевал. Раскаты грома теперь заглушал клокочущий рёв вышедшего из берегов ручья. Судя по силе этого рева, он превратился в неукротимый поток. Корнея стали обдавать брызги подступавшей воды. Скитник невольно поёжился: не ровен час, смоем и так измолотит о камни, что даже воронам ничего не останется. Нет! — пока не поздно, надо выбираться из этой ловушки!

Нащупав рукой границу плещущейся воды, он мысленно представил форму ниши и понял, что спохватился поздновато: теперь чтобы попасть на склон ущелья, следовало сначала зайти в бурный поток.

Надев котомку. Корней осторожно, не отрывая ступней от покатога дна и одновременно упираясь рукой в потолок ниши, двинулся к её краю. Пока вода не достигала колен, он уверенно противостоял ее натиску, но нескончаемая стенка принуждала скитника заходить все глубже и глубже. Еще чуть-чуть — и поток воды вместе с несущимися камнями снесёт его. Но Господь, наконец, смилостивился: боковина ниши,

плавно загибаясь, открыла пленнику проход на склон ущелья.

Ощупывая в крошечной тьме скальные выступы, скитнику удалось подняться на несколько саженей. Но вскоре он вынужден был остановиться, из опасения сорваться с почти отвесной стены, скользкой от дождя. Здесь, на крохотной площадке, мокрый Корней простоял, вслушиваясь в надсадный рёв ручья, несколько часов. Стоял и без усталости повторял слова молитвы:

— Отче наш Всемогущий! Молю тебя о милости Твоей! Ты, Господи, столько раз посылавший спасение рабу Твоему, обрати взор Свой на раба Твоего. Не о себе молю, а лишь о братьях и сестрах, пославших меня в дальнюю дорогу с единственной надеждой найти других сестер и братьев, столь же крепких в нашей вере. Молю Тебя о милости: помоги пройти этот трудный путь, не дай погибнуть рабу Твоему, приведи к тем, кого ищущу. Укрепи мой дух! Помоги мне, Господи, исполнить волю братьев моих! Вера моя крепка и нерушима! Аминь!

В голове гудело от рокота воды, ноги подкашивались от напряжения, но Корней продолжал молиться.

Светало. Ливень стих, ночная тьма рассеялась. Оглядевшись вокруг, парень пришел от увиденного в восхищение и ужас одновременно. Он находился в расщелине, склоны которой смятые в огромные складки, местами были вздыблены почти вертикально. Как подняться по ним?! Придется выбираться по дну ущелья.

А вот и солнце! О, это Великое Живительное Солнце! Как ты преображаешь всё вокруг и меняешь настрой чувств и мыслей человека!

Сразу воспрявший духом, Корней даже подумал: «Не так уж и худо всё!».

Пережив за свой короткий век уйму разных опасностей, он воспринимал их как нечто само собой разумеющееся и неизбежное. Если иному человеку происшедшее за эти сутки могло отбить охоту к странствиям на всю жизнь, то для Корнея — всего лишь памятное, захватывающее дух приключение.

Внизу по-прежнему надсадно ревел, злобился бурный поток. Скоро его грозная мощь, конечно, иссякнет и вода пойдет на убыль, но стоит ли ждать, когда этот строптивец утихомирится? Пожалуй, разумней попытаться прямо сейчас выбраться наверх. Господь поможет...

Эта мысль понравилась Корнею, и он, карабкаясь по уступам, словно горный козел, сумел одолеть почти неприступную стену и подняться на плато, от края до края покрытое густой хвойной тайгой, пропоротой местами перстами скал.

Сквозь еловые лапы солнечные лучи почти не пробивались, поэтому здесь стоял вечный полумрак и не росла трава, но зато сколько пухлых мхов и лишайников! Изумрудными коврами устилали они землю, седыми прядями поднимались по стволам, свисали с ветвей.

Деревья стояли тихо, неподвижно, словно оглушенные вчерашним разгулом стихии. Всё вокруг было пропитано влагой. На кончике каждой еловой иголки трепетали капельки воды. Редкие лучи, сумевшие про-

биться в чащу, зажигали в них мерцание драгоценных камней. Ноги глубоко утопали в толстом моховом ковре, скользили по сырым мускулистым корням Тихо и безжизненно было в этой чаще. Только кабарожкам, небольшим, сгорбившимся, будто от страха, олешкам мила сумрачность и сырость ельников. Темные силуэты этих пугливых созданий и их негромкие вскрики «чиф-фый» оживляли угрюмую тайгу.

Целый день продирался Корней сквозь неё, то и дело пригибаясь и разводя руками колючие лапы. Наконец, тайга расступилась и выпустила путника на открытый простор: лесистое плато ступенчатыми уступами перешло в каменистое нагорье, окруженное лысоватыми горами. Редкие лиственницы, карликовые березы, кустики багульника не оживляли унылый пейзаж.

Одолев нагорье и перевалив щуплый, изогнутый дугой хребет, Корней спустился на гладкую, как скатерть, равнину. На ее ярко-зеленом поле нашли приют несколько озер с черной, будто маслянистой водой. В ближнее, самое большое, стекала с гор полноводная речушка.

«Буду держаться ее русла — люди всегда селятся по берегам», — подумал Корней и пошел по звериной тропе вверх по течению. И правда — на следующий день на возвышениях стали попадаться кострища, ямы, кучи песка вперемешку с галькой. Будь Корней знаком со старательским промыслом, он бы сразу смекнул, что здесь мыли золото. За кустами разглядел могильные кресты, уныло наклонившиеся к земле. Выходит, он точно рассчитал — люди где-то поблизости?!

До скитника донеслись необычные, швыркающие звуки и плеск воды. Беспшумно подкравшись, Корней увидел невысокого загорелого старика, с седой копной кучерявых волос, покрывавших даже плечи, и разлохмаченной на всю грудь бородищей, в холщовых латанных штанах, линиялой рубаше. Мурлыча что-то под нос, усыпанный оранжевым крапом неистребиемых веснушек, старик, держа корыто над водой, показывал его круговыми движениями, одновременно понемногу сливая то, что в нем находилось. Скитник подошел ближе и, осторожно крикнув, поприветствовал.

— Бог в помощь, мил человек!

— Благодарствую любезный, коль не шутишь, — ответил корытник, ничуть не удивившись внезапному появлению Корнея. — Не зря ворон встречу летел, вот и гости! Откель явился, ангел божий? Подобру ль, по здорову?

— Издалече, — ответил Корней и неопределенно махнул рукой.

— Да ладно, паря, не темни. Пожалуй, из Варлаамовой братии будешь. Колодка твоя мне знакома. Никодимова порода.

Ошарашенный путник не знал, что и сказать. Безотчетно осенил себя крестным знамением, попятился.

— Да не пужайся. Знакомец я. Мужикам вашим, почитай, жизнью и волей обязан. До Бешеных порогов с ними хаживал.

Тут Корнею припомнился рассказ деда о шебутном, бесшабашном старателе, оставшемся на богатых россыпях золота у порогов реки Глухоманки.

— Уж не Лешак ли вы, дядя?

— Вот видишь, и ты меня знаешь, — обрадовался старик. — Один мудрец говорил: «Свиделся раз — товарищ, свиделся два — приятель, свиделся три — друг» Так что я вашей братии теперь в друзья гожусь. Велика тайга, но людские дороги всегда пересекаются.

Действительно, надо же такому случиться, чтобы свел Господь Вседержитель этих двоих, возможно единственных на сотни верст людей на неприметном ручье. «Неспроста всё это», — невольно подумалось Корнею.

Старатель, словно читая его мысли, с явным удовольствием и воодушевлением, произнес:

— А ты ведь, голубчик, тут не случайно. Тебя мне Господь пожаловал. Дело есть. Подсобишь?

— Отчего ж не подсобить, дедушка, ежели дело богугодно.

— Дело по твоим понятиям, может, и не совсем богугодно, но управиться с ним может тока божий человек. А ты, сразу видно, душа непорочная, пред Богом чист, яко младенец, тебе все врата открыты. Так вот: обнаружил я тут недалече, в брошенном староверческом монастыре, тайник, но один остерегаюсь спускаться в него. Моего напарника, известного грешника, давеча у входа враз завалило, но с тобой дело, кажись, склеится. Айда, любезный, прямо сейчас, разведем, что там схоронено.

Лешак повел на вершину холма, где в окружении лиственниц, под охраной обширных марей, стояла монашья обитель, обнесенная крепким бревенчатым палисадом. Внутри — приземистое строение казарменного вида с узкими бойницами-прорезами окон.

К нему примыкало несколько построек поменьше. Напротив них — часовня, а позади обложенные дерном ледники, кузня, сушильные навесы — вот и все хозяйство.

Зайдя в лачугу, Лешак взял кирку, загодя приготовленный факел и подвел Корнея к полузаваленному входу в подземелье. Расчистив его, они помолились и, запалив огонь, вошли. Через шесть-семь саженей упёрлись в холодную каморку квадратной формы. Стены ее были выложены плитняком с прожилками льда между ними, на полу стояло несколько кованых сундуков, пустых внутри. Старатель передал Корнею факел, а сам, долго не гадая, стал бить киркой по земляному полу. После одного из ударов она чиркнула о металл. Сняли слой земли и, поднимая листовые плахи, увидели яму, в которой стояли четыре плотно закрытых кадучки. С трудом подняли тяжелые сосуды наверх. Открыли одну из них. В ней лежала дорогая церковная утварь стародавних времен. И мешочек с золотым песком.

— Бери, бери паря, сколь хошь! Не пойму только, во сне это аль наяву, — прошептал, обалдевший от восторга, старатель.

— Нам не можно чужого. Тем паче, что злато есть порождение диавола и создано для порчи душ христианских. Через злато только слезы льются.

— И то верно. Нет в нем счастья. Вот сколько уж лет бьюсь, бьюсь, мою, мою его и что с того? В одном кармане клоп на аркане, а в другом блоха на цепи. С Бешеных порогов когда выбирался, целых полпуда золотого песка утопил. А сколь обманывали, грабили — не

счесть. Видать, беспутная у меня душа. Оттого Господь и не дает мне счастья. Вот у вас все строго по чести, по нерушимому порядку и твердым правилам. Без обману, без обиды трудитесь на общее благо. За то ваших и уважаю!

— Так отчего ж не бросите свой бедовый промысел?

— Пробовал, да больно уж азартное, фартовое это занятие! Чирей ему в ухо!

— Жаль мне вас, дедушка.

— А почто жаль-то?

— Станный вы человек. Сами говорите, что злато счастья не приносит, а всю жизнь липнете к нему.

— Понимаешь, это вроде болезни, холера ей в дышло. Знаю, что беда от него, а совладать, бросить не могу. Ты верно говоришь, темная сила в злате скрыта... Было время, мечтал в Расею, на матёрую землю в жилуху вернуться. Явиться в родну деревню одетым по-барски, в рессорном экипаже с тремя жеребцами и кучером да устроить гулянье на всю округу. Чтоб знали — Лешак не пропащий человек и душа у него щедрая! Землицы выкупить, зажить, как все люди. Да, видать, уж не суждено. Злато не отпускает, приворожило на смерть... Чирей ему в ухо!

— Дядя Лешак, вы ведь тут, поди, всю округу излазили. Наверное, знаете, где какие поселения имеются?

— А тебе они почто?

— Я ж не от скуки здесь брожу. По делу община послала. Единоверцев найти велено.

— Не знаю, что и сказать? Много скитов вокруг раскидано, да все, как и сей монастырь, пустые. Людей ни в одном не встречал... Однако хватит язык о зубы по-

пусту точить. Пошли, паря, в мои хоромы. Попотчую. Там и поговорим досыта.

— А клад как же?

— Я его апосля сам сношу.

Они прошли мимо бревенчатого кладезя к постройке, где прежде располагались трапезная со стряпушной. Посреди громоздилась закопченная печь, подле которой, на столе, красовался позеленевший от древности медный самовар.

— Вот тут я и живу. Здесь на печи сплю, кости застуженные грею.

Залили в самовар воды. Она была столь холодна, что бока сразу густо запотели, и мелкие капельки, сливаясь друг с другом, медленно скатывались на столешницу. Бросив в трубу горящий завиток бересты, Лешак набил ее доверху сухими шишками лиственниц. Пока закипал самовар, достал из еще теплой печи чугунок с душистой грибной похлебкой. Из ледника принес увесистую оленью лопатку, настрогал замороженное мясо.

— От сырого-то вся сила и идет, — пояснил он. — Особенно от сырой печенки. Ее поешь, так целый день ходи — не стомишься. От сырого всегда так...

Ели с удовольствием. Старатель выложил ещё и запечённых максунов с поджаристой, хрустящей корочкой. Возбужденный встречей, он говорил без умолку. Вспоминал, как Маркел с Колодой спасли его. Как плыли по реке, надрывались в порогах. Без усталости восхищался умом и начитанностью Никодима.

— А вы знаете, Колода-то давно утоп, еще до моего рождения.

Лешак сразу переменялся в лице и, крестясь, про-
бормотал под нос:

— Вот так всегда! Сведет судьба с путным челове-
ком, ан его уж и нет...

Переночевав, Корней стал собираться в дорогу.

— Своим кланяйся. Передай, что поминаю добром!
Я тут с год еще поживу. Там видно будет. Ну а ты, паря,
что надумал? Куда теперь двинешь?

— Эвенков поищу, может, у них что выведаю.

— Их братия в той стороне, вон за теми горами
шастает, — Лешак махнул рукой на юг, — Ну, давай с
Богом. Хотя постой — не могу я тебя просто так, с пу-
стыми руками, отпустить. Возьми хоть образок в до-
рогу...

— Сие можно. Божье даренье в радость, тем паче от
чистого сердца.

— Чудные вы люди... Погоди, возьми еще чего. Не
хощь злата, так вон из хозяйственной утвари чего надо
выбери, али соли отсыпь — ее тут в монастырской кла-
довой с избытком припасено.

— Вот от соли не откажусь. Наши премного благо-
дарны вам за неё будут. Только ведь несподручно мне
с нею по тайге ходить.

— Так ты на обратном пути захаживай, — обрадо-
вался Лешак. — Тогда и возьмёшь, сколь сможешь.

СКИТЫ-ПРИЗРАКИ

Путь к синееющим сквозь дымку окаменелым волнам отрогов пролегал через старую гарь. Обугленные стволы еще торчали кое-где черными пальцами, но земля уже покрыта брусничником; стайками кудрявились кустики голубики. Более высокие места облюбовали радующие глаз заросли кипрея с яркими султанами розовых цветков, источавшим густой медовый дух. Кое-где поднялась березовая поросль — извечный пионер лесных гарей. Под их сенью скоро начнут пробиваться махонькие сосенки и елочки. С годами они, обогнав своих покровительниц, постепенно выживут их. А следом разлапистые ели заглушат и светолюбивые сосны: мало кто может расти в их плотной тени. В итоге через многие десятки лет на месте веселого смешанного леса встает сумрачный еловый.

За гарью началась зыбкая, кочкастая низина, по которой, сонно петляя, текла речка, вернее ее бесчисленные мелководные рукава, перемежавшиеся болотцами с чёрной, подёрнутой рыжими разводьями, водой. Белобрюхие кулики, попискивая, вылетали из мокрых трав и с криком кружились над путником, окутанным черной пылью несчетного гнуса.

Поначалу Корней шёл осторожно, но вскоре понял, что топь совершенно безобидна — монолит вечной

мерзлоты не давал провалиться глубже колена. Лучше всего идти было по участкам, поросшим ягелем — под ним дернина плотней и ноги почти не проваливались.

Через пару вёрст началась болотина, густо утыканная кочками невообразимых размеров. Иные были столь велики, что достигали сажени в объёме. Их макушки покрывала веером скользкая трава. Поскольку прыгать по таким кочкам было невозможно, приходилось петлять между ними по чавкающей воде, но, к счастью, недолго: болотина закончилась и Корней выбрался на сухую гряду — погост, уставленный скелетами засохших лиственниц.

Дойдя до предгорий, Корней стал подниматься по берегу ключа, в журчание которого красиво вплеталось пение птиц, гнездившихся в окрестных зарослях. Ключ был так пригож и так жизнерадостно звенел, что и скитник повеселел. Из-под ног то и дело выпархивали потревоженные куропатки, весело попискивая, пробегали бурундуки.

Принесенный ветром запах протухшей рыбы предупредил о том, что где-то поблизости столовая выдры. И точно: вскоре путник увидел ее — плоский валун под небольшим утесом. По пузырятому следу, пробежавшему по воде, Корней легко обнаружил и саму симпатичную рыбачку. Вот она выставила на мгновение нос, вдохнула и вновь скрылась. А через полминуты вынырнула уже с хариусом в зубах и, забравшись на валун, принялась есть добычу с хвоста.

Замерший в кустах Корней получил прекрасную возможность разглядеть ловкое и красивое тело выд-

ры, покрытое густым темно-коричневым мехом с восхитительным серебристым налетом на шее, груди и брюшке. Приплюснутая голова с маленькими ушками, короткие лапы с перепонками, длинный мускулистый хвост идеально соответствовали её полуводному образу жизни.

Покончив с хариусом, выдра, посвистывая, проскакала по лежащей поперек ключа лесине на другой берег и развалилась на теплом песке погреться. Корней вышел из укрытия. Застигнутая врасплох выдра вскочила и тут же скрылась в воде, а парень продолжил подъем на хребет.

Притомившись, присел возле изогнутой коленом березы поесть росшую здесь янтарную морошку. Пока рвал сочные ягоды, на берег вышли олени. Время от времени, поднимая головы и оглядываясь, они принялись жадно цедить мягкими губами залитую солнечными бликами воду. Напившись, олени легли на белый мелкий песок, вскипавший крохотными облачками бьющих со дна родничков. Насладившись прохладой, рогасти встали и ушли, на ходу отщипывая ягель.

Не успел песок, поднятый копытами оленей, осесть, как к водопою выбежала пара волков. Предупреждая оленей об опасности. Корней гикнул. Те, будто подхваченные ветром, в мгновение ока скрылись в чаще. Волки, увидев оленей, взбивая брызги, кинулись следом.

Ночевал путник в сухом дупле на мягкой подстилке из осыпавшихся гнилушек. Утром его разбудил яростный стрекот. Выглянув из убежища, Корней увидел дикое побоище. Между кустов на примятой траве лежали окровавленные глухари: взрослая глухарка и два

едва оперившихся птенца. Одного из них терзал рыжий колонок. Корней знал насколько отважен и до невероятности ловок этот маленький хищник, но никак не предполагал, что он способен на такие дерзкие налеты.

В памяти тут же всплыл испуг, перенесенный им в детстве, когда увидел собаку, в морду которой вцепился колонок. Пес, визжа, мотал головой, бил лапами, катался по земле, слепо тыкался по сторонам, а рыжий удалец, пронзительно стрекоча, терзал, рвал когтями нос, глаза стража усадьбы. Подоспевший отец точным ударом посоха лишил жизни рыжего дьяволенка. Вот уж злока так злока! Но как смел и дерзок!

Пологий подъем на хребет закончился, и с линии водораздела Корнею открылась новая, тучная долина. Глядя на пестрящие цветами полянки, зеленокудрые сосновые боры, островки светлых, как невесты, березняков, языки серых осыпей на склонах гор, окружавших долину, пасшиеся там и сям табунки северных оленей, Корней замер от восторга.

В июне на тайгу всегда любо смотреть, но здесь красота была особенной: светлой и торжественной. Золото солнечных лучей, переплетаясь с мозаикой полевых цветов и зеленью леса, соткало чарующий узор. Было тепло, даже жарко, где-то вдали за горами прокатывался гром, а здесь над долиной висели округлые облака, похожие на огромные пухлявые одуванчики, четко и мерно отсчитывала кому-то годы жизни кукушка.

Скитник спустился в долину и увидел, кстати, уже не первый раз, на колу побелевший от солнца череп

медведя. Пустые глазницы как всегда смотрели на восток. Это не удивило Корнея. Он знал, что эвенки, добыв медведя, в первую очередь варят голову, а очищенный череп сразу насаживают на высокий кол, чтобы дух медведя легко находил свой дом. Тогда он остаётся доволен охотниками и не мешает им выслеживать добычу в следующий раз.

Вскоре путник вышел на свежую тропу. Послышался перезвон бубенцов — где-то близко эвенки. Вот слева и справа показались пасшиеся разрозненными табунами гурты оленей. Тропа привела его прямо к стойбищу эвенкийской семьи, состоящему из трёх островерхих чумов. Над двумя поднимался лёгкий, почти прозрачный дым. Сквозь берестяные крыши доносился визг, смех детей, говор, стук посуды.

Кочевники, увидев незнакомого лучи, поначалу насторожились. Но, когда Корней поприветствовал их на родном языке, успокоились и, обступив, стали оживленно расспрашивать, кто он, откуда и куда путь держит. Узнав, что пришелец — внук Агирчи, стали оказывать ему всяческие почести: даже до них уже докатилась молва о шамане луча — хомоты, который поставил на ноги сына Сапкара — Хэгды и подарил ему картинку Доброго Духа. Хэгды теперь много знает и понимает. Теперь все ходят к нему просить совета.

Гостеприимные эвенки уговорили знатного соплеменника заночевать у них. К этому времени к стоянке вернулись с ягельных пастбищ олени. Они расположились поодаль от костра, пережёвывая жвачку. Дети быстро разложили для них, из веток с зелёными листьями дымокуры. Корнею выложили на широкий лист

бересты куски сочного, жирного мяса, и пока парень ел, занимались каждый своим делом. Чай пили уже все вместе у костра. После чая эвенки закурили трубки. В неторопливой беседе скитник выяснил, что в этих краях русские поселения есть только за кряжем на юго-востоке. Когда позапрошлым летом эвенки аргиншили* там, то видели их, но близко не подходили.

За разговорами засиделись за полночь. Лесные кочевники, осмелев, стали допытываться, в чем сила «картинки», которая делает Хэгды таким умным.

Корней достал образок, взятый в монастыре. Седая, крепкая старуха, взглянув на изображение Христа, произнесла:

— Сразу видно, добрый луча. А он всем помогает или только Хэгды?

Корней объяснил:

— Его зовут Иисус Христос. Он сын Бога. Он помогает тем, кто любит и верит ему, кто живет как он.

— Оставь его нам. Мы тоже будем любить его.

Когда умерла последняя утренняя звезда, каждый двинулся в свою сторону: эвенки на восток, Корней на юго-восток, к каменистому, покрытому кое-где пятнами кедрового стланика, скалистому кряжу. Взобравшись на него, скитник прилёг на сухой, колкий ягель перевести дух. Отдышавшись, вскарабкался на стоящую поблизости сухостоину, чтобы получше осмотреться. Открывшаяся перед ним широкая таежная долина со сплясшими извивами речушек, была со всех

* *Аргиншили* — кочевали (эвенк.).

сторон обрамлена хребтами и сильно походила на его родную Впадину. Облака, проплывавшие над ней, своими тенями то усиливали сочность красок, то приглушали их. Намётанный взгляд Корнея сразу зацепился за нечто странное, возвышавшееся над деревьями посреди впадины. Пригляделся — крест. Родимый восьмиконечный! Неужто поселение староверов?! Горя от нетерпения, парень побросал в котомку нетронутую еду и почти скатился по курумнику вниз... Точно, вон часовня с шатром и любезным крестом, торжественно взметнувшимся в молчаливое небо! Вскоре Корней уже стоял у бревенчатого частокола, окружавшего селение. За ним, среди тучной нехоженной травы дюжины серых, потрескавшихся от дождей и солнца изб.

Сердце возликовавшего было Корнея сжалось: а где же люди? Зашел в одну избу, в другую: на нарах лежали... полуистлевшие мумии в почти целых одеждах. Вся домашняя утварь на своих местах. У печей груды березовых полений. В самом большом доме на продолговатом столе лежал овальный камень размером с глухариное яйцо. Корней осторожно вытер с него пыль полый рубахи.

В полупрозрачном окаменелом молочном желе угадывались слои, напоминающие странички книги. С первой глядело голубое око, окруженное, словно нимбом, серыми, жемчужного блеска кругами. От них исходил необыкновенный магический свет.

Корней преподнёс камень к лицу, чтобы получше разглядеть рисунок. Неожиданно перед глазами поплыли радужные круги и сквозь лазоревое свечение проступили не виданные им прежде картины...

...Зима. У знакомой часовни уйма народу. Все угрюмо слушают человека в папахе. За ним стоят вооруженные люди, тянется цепочка саней, запряженных необычными безрогими оленями с длинными гривами на шее. Черета этих ярких, светящихся картинок стала быстро меркнуть, а на смену проявилась бревенчатая стена, лавка, стол, на котором горит свеча. Свеча медленно гаснет, все вокруг тускнеет и Корней вновь видит свою ладонь и камень на ней...

Перепуганный юноша осторожно положил «всевидящее око» обратно на стол.

В часовне, из угла с древним иконостасом, сквозь паутину с высохшими мухами на вошедшего скитника воззрились огромные скорбные глаза Божьей Матери и суровые лики святых угодников в запылённых окладах. В паутине что-то шевельнулось. Приглядевшись, Корней различил единственного живого обитателя часовни — большого коричневого паука, с крестом на спине. При приближении человека он, дабы не искушать судьбу, уполз за затянутую паутиной лампаду.

За дни, проведенные в долине, Корней обнаружил еще шесть скитов-селений поменьше с бесхозными избами, казавшимися толпой призраков на погосте. В них часовен не было. Все они соединялись между собой уже заросшими тропами. В первом он так же увидел истлевшие тела: одни на лежанках, другие на полу. В остальных тела отсутствовали. Но вещи и посуда во всех избах тоже, как и в первом скиту, лежали на своих местах, словно те, кто остались в живых, покинули дома в одночасье.

Корнея всё мучительнее терзал вопрос, отчего такие крепкие, ладно обустроенные поселения вдруг обезлюдели? Что здесь произошло? Отчего одни люди поумирали, другие вообще бесследно сгинули? Отчего среди умерших только старые да малые? Куда подевались взрослые.

То ли покосила их страшная хворь, то ли еще какая напасть случилась. Для Корнея это оставалось загадкой.

Пологие увалы, разделявшие поселения, покрывали такие высокие травы, что достигали пояса, а местами и выше. Особенной мощью выделялся борщевик. Судя по следам-траншеям, медведи постоянно приходили кормиться его мясистыми стеблями: повсюду валялись огрызки, измочаленные зубами зверей. Корней тоже стал срывать толстые стебли и с удовольствием жевать сладковатую сочную мякоть. В это время из зарослей показалась симпатичная мордашка медвежонка. Он с любопытством разглядывал человека, но парень, понимая, что медведица, которая наверняка где-то поблизости, вряд ли одобрит его присутствие, поспешил удалиться.

На самой южной окраине долины, в седьмом по счету ските-призраке, Корней обнаружил свежо натоптанные тропки, сходящиеся к одной избе. С радостной надеждой юноша взбежал на крыльцо и открыл дверь. На скамье сидел седой, но, впрочем, не старый мужчина с высоким, чистым лбом, искрящейся серебром гривой и аккуратной окладистой бородкой под ястребиным носом с красными прожилками. Его

благородная внешность никак не вязалась с той обтрепанной, латаной одеждой из самотканого сукна, в которую он был облачен. Мужчина читал хрипловатым баском книгу сидящему рядом подростку с неестественно взрослым лицом. Увидев Корнея, человек отложил фолиант и начал истово креститься двумя перстами, не сводя изумлённых глаз с вошедшего.

Корней, смекнув, что его приняли за восставшего из мертвых, сдерживая волнение, произнес:

— Доброго здоровья вам. Не пугайтесь. Странник я. Тоже из старообрядцев.

Улыбаясь сквозь слезы радости и счастья, мужчина кинулся горячо обнимать вошедшего:

— Милости просим. Какими судьбами?

Вскоре братья по вере знали друг о друге многое. Беседа их, перемежавшаяся молитвами, затянулась, как водится в безлюдных краях, до утра. Выяснилось, что этот благообразного вида человек по имени Григорий потомок ссыльных раскольников, здесь с прошлой осени. При царе преподавал в губернском городе латынь, имел высокое звание профессора. Не желая принимать насаждаемые новой властью порядки, он нашёл приют в загородном монастыре. Но вскорости в святой обители разместили кавалерийский полк, а изгнанные монахи разбрелись по окрестным деревням. Григорий с одним из иноков, купив лодку, оружие с припасами и необходимые житейские потребности, отправились на север, подальше от мест, поражённых революционной заразой.

Путешествие по реке не было утомительным и даже нравилось профессору, но неудачно наехав на валун

лодка опрокинулась. Оказавшись в воде Григорий успел ухватиться за борт лодки. Когда течение вынесло ее на поросшее тальником мелководье, Григорий выбрался па берег и долго искал своего спутника, но безуспешно. Тот, видимо не умея плавать, скорее всего, захлебнулся сразу и вода унесла его. Григорий перевернул лодку и увидел, что одна торба, привязанная к скамье, уцелела. В ней лежали разобранное ружьё с патронами, несколько металлических банок с дымным порохом и мешочки с дробью и картечью. Хотя профессор тогда ещё не умел обращаться с оружием, он взял торбу с собой.

Проблуждав по тайге дня три, изголодавшийся Григорий наткнулся на стоянку эвенков. Инородцы накормили его, постелили постель и оставили ночевать. Совершенно не приспособленный для жизни в тайге учёный, чтобы не сгинуть, так и остался у них.

Быстро освоив несложный язык лесных кочевников, он узнал, что дальше на северо-востоке имеется немало потаенных селений старообрядцев, и по весне в одиночку двинулся на их поиски. А когда, наконец, нашёл, то увидел ту же страшную картину, что и Корней.

А остался он здесь, чтобы исполнить христианский долг — предать земле умерших единоверцев. Переходя из скита в скит, Григорий хоронил их останки. Однажды вечером дверь в избу, где он ночевал, тихонько отворилась и в образовавшуюся щель просунулась патлатая голова. Григорий молча смотрел, что будет дальше. А «голова» с ходу предложила: «Давайте вместе

жить. Со мной не пропадете», — и положила на стол двух рябчиков.

«Господи, откуда ж такой объявился», — подумал профессор, а вслух сказал:

— Ну что ж, я согласен. Давай знакомиться. Меня зовут Григорием. Я здесь живу, а ты где?

— Нет, дядя, это я здесь живу. А вы пришлый. Я за вами давно смотрю. Поначалу боялась, думала тоже грабить будете. Но когда вы стали хоронить наших, поняла — вы не такой, вы хороший.

— Так ты девочка, что ли?

— Конечно. Ефимия я, а попросту Ефимка. По Божьей милости, вместе так и зажили: профессор и чудом уцелевшая юная дева.

— Скверно нынче в России, — сетовал профессор, — смута после заговора антихристов великая, бесчинье небывалое. Дошли до братоубийства. Дети супротив отца с матерью пошли. Полное светопреставление!

Узнав, что Корней из по сей день здравствующей Варлаамовской общины, Григорий просиял:

— Слышал про ваш благочестивый скит от эвенков, и про тебя от них знаю. Крепко схоронились вы. Кого только не пытал — никто не ведает дороги в ваше прибежище.

Продолжать поиски жилых селений более не имело смысла: если двигаться дальше на юг, то там уже начинались Советы.

Григорий предложил поискать на востоке, но Корней уже знал от эвенков, что там вообще нет поселе-

ний. Решили возвращаться во Впадину. Утешением было то, что возвращаются втроем. Но прежде следовало захоронить оставшиеся в двух скитах тела.

Когда зашли в дом, где на столе лежал странный камень, Корней вспомнил про видение и, в надежде, что профессор увидит то же, что и он, положил камень ему на ладонь.

— О, агат! Да какой красивый! — с восхищением произнес Григорий.

Корней внимательно наблюдал за выражением лица спутника:

— Вы ничего в нем не видите?

Профессор еще раз внимательно оглядел агат и, ничего не обнаружив, вопросительно посмотрел на парня.

— Дядя Григорий, не знаю, как объяснить. Может, это и наваждение какое, но когда я смотрел на камень в первый раз, то увидел внутри него движущиеся картинки, — и скитник словами обрисовал видение.

— Корней, да ты и вправду провидец или святой! — воскликнул Григорий потрясенно. — То-то ни в одной избе, ни в одном амбаре, ни в одном погребе нет припасов. А люди, которых ты видел в папах — это и есть представители новой власти. Взрослых с собой увели либо в расход пустили, а старые и малые с голода умирали, — задумчиво заключил он.

— Выходит, они весь провиант изъяли! Оставили стариков в зиму без крошки. Новая-то власть, похоже, не лучше старой, — расстроился Корней и без того подавленный тем, что скитов единоверцев много, да людей в них нет.

Когда предали земле последнее тело и, собрав нехитрый скарб, пошли по тропке в сторону далёкой Впадины, путникам почудилось, что кто-то идёт за ними. Обернувшись, никого не увидели. Перекрестились и двинулись дальше, но через некоторое время до них явственно донеслось жалобное поскуливание. Люди остановились, прислушиваясь. Из травы выбежал худой запыхавшийся медвежонок. Корней, жалючи, погладил его, вытащил из котомки запеченного хариуса и, покормив с руки, легонько подтолкнул малыша обратно в сторону скитов. Но повеселевший доходяга уходить не собирался.

— Дядечка Корней, это мой друг Потапушка. Он тоже сирота. Мать его, еще когда черемуха цвела, околела. Давайте возьмем его с собой.

— Малая дело говорит. Грешно бросать несмышленища, пропадет, — поддержал профессор.

Корнею по душе пришлись слова сотоварищей и он предложил:

— Понесем пока на руках, пусть отдохнет.

Всю обратную дорогу странников мучила установившаяся после прошедших здесь гроз духота. Долгое в эту пору солнце и безветрие превратили насыщенный влагой лес в парную. Когда светило достигало высшей точки на небосклоне, прогревая в полную силу тайга, разомлев, наполнялась такими густыми испарениями, что людям становилось невмоготу. Еще неделю назад сухой и ломкий ягель стал упругим, мясистым. Он рельефно выделялся на зеленом мшистом ковре узорчато-жёлтой пеной.

Шли мокрые от пота и влаги, пропитавшей воздух. Дышали часто и тяжело, то и дело откашливая мошку, залетавшую в рот. Ветер, и так едва живой, застревая в верхнем ярусе веток, вниз вообще не проникал. Путники большей частью молчали: слова, произнесенные вслух, отнимали много сил. Только сопение Потапушки, стоически переносившего духоту, нарушало вязкую, липкую тишину.

Питались чем придется. Заходя освежиться в озеро или заводь, они, наученные Ефимкой, надергивали там связки длинных тонких стеблей с висящими на них фигурными водяными орехами. Обрывали черные плоды с острыми рогами и, расколов кожуру, ели вкусную и сытную белую мякоть. Для разнообразия вечером запекали водяной орех в золе. Испеченный, он был еще вкусней.

Как-то вышли на старую гарь, сплошь заросшую малинником. Ягод было так много, что ветви сгибались под их тяжестью до самой земли. Налито-выпуклые, с шаровидными пупырышками, алые, сладкие, они сами просились в рот. Путники, сняв котомки, ели, цепляя пальцами ягоду за ягоду ещё и ещё. Наевшись, они, вдыхая нежный аромат, с интересом наблюдали, как ловко управлялся с малиной ненасытный Потапушка.

Наконец вышли к брошенному монастырю. Занедуживший Лешак лежал пластом на печи.

— Ах ты, Господи! Каких гостей даровал! Много лет вам здравствовать! Простите Христа ради, что вот так лежа встречаю. Угораздило старого дуралея спину на рыбалке застудить. Холера ей в дышло. А ты, я вижу, не

зря сходил. Нашел-таки, кого искал, — обратился он к Корнею.

— Да не совсем так, дедушка Лешак. Скитов-то и вправду много сыскал, да людей в них нет. Только эти двое. Познакомьтесь: Григорий и Ефимья.

— А мне поблазнилось, что старшой по лицу вроде как из бар.

— Смотри-ка, угадали. Ученый он. Профессор иноземному. Латынью называется. Нашей к тому же веры человек, а вот девчонка — из местных, скитских. Чудом уцелела. Остальных Господь прибрал после козней антихристовых слуг.

— Ну что ж, слава Богу, хоть этих сыскал. Все вам прибавка. Я тут еще кое-что для тебя приготовил. Простый раз забыл совсем. В кладовой запасы пороха и свинца имеются. Это-то, поди, вам можно в даренье принять?

— Благодарствую. От этого не откажусь.

— Да вы давайте к столу. Откушайте мало солоного тайменя, — спохватился Лешак. — Позавчерась поймал на мышшь. Специально ходил в горное верховье его рыбачить. Вона в котле под гнётом, нарезанный ломтями лежит. До чего жирный зараза — янтарь янтарем. Ежели рыба не по нраву, в леднике ещё студень из лосятины есть. Только извиняйте: как-нибудь сами об еде хлопочите. Я нынче не работник.

Сердобольная душа Корнея не могла оставить больного Лешака.

— Немного задержимся — поднять старика надо, — объявил парень спутникам.

Непривычные к тяжелым переходам, Григорий с Ефимьей даже обрадовались возможности передохнуть. Несколько дней, пока Корней лечил больного, были проведены ими с большой пользой. Профессор безвылазно просидел в монастырской библиотеке, где обнаружил несколько очень редких богословских книг. А Ефимка излазила все закутки и чуть ли не каждый час прибегала к друзьям демонстрировать найденные ею «сокровища»: сломанный нож, маленькую железную коробочку, кованый гвоздь и тому подобное.

Наконец, изрядно нагрузившись, приладив два мешочка с шестью фунтами* свинца даже Потапушке, мужики, поблагодарив Лешака за щедрость, продолжили путь.

Когда они поднимались на Южный хребет по валунам, устилавшим дно пенистого ручья, многодневная духота стала спадать и отступила вовсе, как только они оказались на продуваемой всеми ветрами широкой седловине хребта в верстах трех от того места где Корней начинал спуск в злопочучное ущелье, спасаясь от грозы. Здесь низкорослые кусты чередовались с горными луговинами, а скальные участки покрывали не лишайники и мхи, а ползучий можжевельник. На светло-желтых ягельных полях паслись олени.

* *Фунт* (в системе русских мер) = 0,4095кг = 0,025 пуда.

ВСТРЕЧА

После изматывающей дороги, с ночевками в тучах гнуса, вид Впадины, обрамленной зубчатой стеной Северного хребта и смехотворно маленького с перевальной высоты скита, растрогал молодого скитника до такой степени, что он был готов бежать, не щадя ног, к чуть различимому отсюда родительскому дому. Его волнение, по всей видимости, передалось не только товарищам, но и медвежонку. Тот, не ожидая команды, почти покатился вниз. Люди бросились следом.

Когда переходили Глухоманку, их заметил паривший в поднебесье Рыжик. Он сразу признал Корнея и крутыми виражами пошел на снижение. Черным вихрем пронесся перед путниками и, сложив огромные крылья, сел на галечный берег. Счастливый Корней подбежал к беркуту и прижал к груди так, как можно прижать самое дорогое существо: нежно, с любовью. Отпустив, погладил по спине:

— Ну и глазастый же ты, Рыжик!

Не смея нарушить устав общины, Корней первым делом повел профессора к дому наставника. Маркел сидел на чурке под высохшим кедром, оставленным посреди скита еще в пору его строительства.

Выбеленный солнцем, ветрами мощный скелет таежного патриарха с перекрученными кряжистыми сучьями, возвышался над зелеными собратьями на пять-шесть саженей. Сколько помнил себя Корней, столько и стоял этот кедр здесь, седоствольный и летом и зимой. Вокруг рождались и умирали, а он, растопырив корявые сучья, стоял как символ несгибаемого, мудрого старца, победившего время.

Сняв и сложив возле крыльца котомки, путники подошли к наставнику. Отвесили земные поклоны. Узнав, что Григорий преподавал в государевом заведении, Маркел сразу насторожился. Однако вскоре у обоих глаза потептели от симпатии друг к другу. Наставник был зачарован образованностью и глубиной познаний профессора в части старозаветного православия.

Душеполезная беседа грозила затянуться, но заглянул Елисей и позвал путников очистить жаром да паром плоть свою. Спускаясь к курной бане, Корней издалека приметил идущую с речки статную Даренку, несшую корзину стираного белья.

— До чего же пригожа. А очи, как уголья, так и искрятся, — как бы невзначай обронил отец. — Женихов у нас полно. Скоро, поди, сватать начнут, — глянув на сына, добавил он.

Корней вмиг покраснел до кончиков ушей. Подошедшая Даренка, стрельнув взглядом, смутила еще сильнее. Поклонившись всем, она, закинув косу, горделиво проплыла мимо.

Баня, вытопленная березовыми дровами, успела прокалиться, выстояться, пропитаться духом свежеза-

паренных трав и дегтярного дыма. Пол в предбаннике с широкой лавкой устлан пихтовым лапником. Пышущая жаром печь завалена горой раскаленных до красного свечения валунов. В лохани томились благоухающие травы мята, чабер, донник. В углу, в самом низу, стояла большая листовенная бочка с холодной зольной водой. Рядом с каменкой — другая с горячей, нагретой калеными валунами.

Запарили березовый, вместе с багульником, веник. Отец Корнея черпанул ковшом и плеснул горячий дымный настой на каменку. Пар словно огнем охватил тела. Вскорости мужиков проняло потом так, что ручьи потекли на обжигающий поллок.

Не спеша поддавая парку, разогрели баньку до того, что засмолились черные стены и потолок (здесь любимым на Руси осиновым баням предпочитали сосновые). Словно глаза увлажнились наввернувшимися слезинками тягучей смолы сучки прокопченных потолочных плах.

Хлестались изо всей силы жгучими, как огонь, душистыми вениками.

— О-ох! Хорошо-то как! Поддай, поддай еще! — в восторге просил тятку Корней.

Разогревшись до нутра, парень соскочил с полка и, стремглав вылетев из бани, прыгнул в ямину с ключевой проточной водой. Поостыв, вбежал назад и принялся хлестаться пуще прежнего.

Распарившись, помылись, стирая мочалом скопившуюся грязь.

Выйдя из парилки, все выпили брусничной настойки. Долго сидели на лавке в предбаннике, без конца

вытирая обильно проступавший пот. Еще выпили бодрящий настой. И еще потели. И все легче дышалось телу. Оделись во все чистое.

— Нет пуще услады на белом свете, чем баня! Чувствуешь себя после нее словно ангел! — заключил профессор, выходя во двор.

После вечера, в чисто выдраенную поташем горницу Маркела, потянулась братия.

Корней рассказал собравшимся о том, что повидал. Всех опечалила весть о безлюдстве и запустении южных старообрядческих поселений. Григорий, дополнив, поведал, что династия Романовых иссякла, о новых порядках, насаждаемых в России, о небывалом даже при царе антихристе притеснении и хуле церкви, вселенском разброде и крушении морали.

— Эх, это все отголоски раскола. Если б не раскол, то и смуты нынешней не случилось! Ведь до раскола все мы были вместе, как один кулак. Никоновы новины разброд в народе и посеяли. После того и разладилось все, — с болью заключил наставник.

— Скорбно и печально видеть повсеместное падение благочестия, а у вас тут благодать и общее согласие; великая к вере ревность и многие добродетели забытые. Народ опрятен, чист, и не только в одеждах, а и в мыслях. Но более всего меня в вашей общине восхитило уважительное отношение к старикам, — продолжал профессор, — В городе, к сожалению, это давно утеряно.

— Мы конечно не святые. Яко все человеки согрешаем, но в службах у нас всё по старым неправленным

догмам. Без единого упущения, — согласился отчасти Маркел.

Горестные вести конечно огорчили братию, но несколько утешило то, что у них появились новые сотоварищи. К тому же все были несказанно рады редкостным книгам и огневым припасам.

Стариков приятно изумило, что Лешак жив и с благодарностью вспоминает о них.

— Батюшки, а я уж думал, что он давно сгинул.

— Эта bestия крепкого покроя. Он ещё нас переживёт!

Григорий, с дозволения Маркела, прочитал замечательную проповедь об огнепальном богатыре духа — протопопе Аввакуме. Чем еще паче расположил к себе старцев. От свежезаваренного земляничного чая ученый вежливо, но твердо отказался:

— Вареная вода только в бане хороша!

При виде столь строгого соблюдения уже забытых правил, собравшиеся окончательно признали учёного мужа своим. Кто-то из стариков деликатно осведомился у него о происхождении.

Выяснилось, что род Григория возник во времена давние, в летописях теряющиеся. Но самым поразительным было то, что его мать приходилась двоюродной сестрой князю Константину. Повспоминали по этому случаю давно покинутый Ветлужский монастырь, своих единоверцев, оставшихся там. Здравствует ли кто из них еще, или тлен уж косточки выбелил?

Ночью Корнея разбудила неясная тревога. Поначалу смутная, словно невнятный шепот, но чем ближе к утру, тем все более явная и отчетливая.

— Неужто с дедом что случилось?!

К одинокой пустыни Корней бежал что есть мочи. Следом трусил Потапушка. Ветер, будто сочувствуя им, дул все время в спину.

Простак поднялся навстречу тяжело и неуклюже. Приличия ради, вяло махнул хвостом и тихонько проскулил.

Старец лежал на топчане со сложенными на груди руками. Костяшки суставов резко выступали на худых кистях. Глаза, казалось, утонули в пышных бровях. Белые волосы и длинная борода ярко светились под лучами солнца, падавшими на них сквозь раскрытый дверной проем. Корней пощупал лоб — холодный.

— Опоздал!!! Что ж ты, деда, не дождался меня?! А я ведь привел в скит двоюродного племянника столь любимого и почитаемого тобой князя Константина.

В лачугу осторожно протиснулся пес. Потеря боком с тусклой шерстью о ноги Корнея и, переводя грустный взгляд то на лежащего хозяина, то на гостя, вновь заскулил. «Плохо мне, ой как плохо», — говорили его выразительные глаза.

В это время в лачугу буквально вкатился лохматый медвежонок. Подскочив к лежащему старцу, он лизнул ему лицо. Веки у Никодима вздрогнули. Он приоткрыл глаза и узрел перед собой... клыкастую пасть:

— Господи, неужто я в аду?

Старец осторожно приподнял голову и, увидев стоявшего рядом Корнея, чуть слышно прошелестел:

— Здравствуй, радость моя!

Ошарашенный Корней бросился к деду, обнял его, трижды поликовался с щеки на щеку и, захлебываясь

от нахлынувшего тёплой волной счастья, восхвалял Создателя за свершенное чудо. Потом они сидели, прижавшись друг к другу, на топчане. Несколько оправившись, Никодим нежно погладил внука:

— Ну что, чадо любезное, рассказывай... Хотя погоди. Дай мне высказать, вдруг не успею. Господь призывает настоятельно. Прошу тебя, Корнюша, сохрани мои записки — летопись общины, полный травник и особенно лекарские наставления. Священные писания направленные, первоисточные к Маркелу снеси. Простак не бросай. Стар он, да и служил верно. Жизнь впереди у тебя, даст Бог, долгая. Всяко может повернуть, но куда бы тебя не бросало, будь великодушен и милосерден... Не укоряй людей даже при сильной обиде... Выпадет доля терпеть — терпи, как бы трудно не было... Мой главный наказ тебе таков: в вере будь несломимым. В вере спасение. Коли иссякнет вера, жизнь померкнет. Как умру,ними с нательного креста ладанку да осыпь меня сохранённую в ней Ветлужской землёй...

Заметно было, что дед утомился. Он прикрыл очи и долго сидел так, не шевелясь. Корнею даже показалось, что старец задремал.

— Деда, — тихонько позвал он. Никодим приоткрыл глаза, вопрошающе поглядел на внука.

— А знаешь, кого я повстречал за Южным хребтом? Ни за что не угадаешь! Твоего давнего знакомца — Лешака! Кланяться велел.

— Боже мой! Не может быть! Прелюбопытнейший человеке! А я уж думал, пропала его головушка.

— Чудной он какой-то.

— Поживешь столько лет один — поневоле чудить начнешь.

— Так это не все новости. Я ведь привёл в скит, не поверишь — двоюродного племянника князя Константина! Вот тебе истинный крест. Дюже благочестивый и даровитый человек. Веру нашу знает и почитает необыкновенно.

— Вот обрадовал. Сие добрый знак! Эх, Корнейка, так хочется встать и выйти на простор, под яркое солнце, свежий ветер. Пожить бы еще годка два. Да не суждено похоже... Итак, слава Богу, летами не обижен...

На щеку старца выкатилась крупная слеза... Святая таинственность последнего часа побудила Никодима покаяться на смертном одре самому близкому человеку — любимому внуку.

— Корнюша, всё припоминается в последнюю минуту... Душно мне. Прости меня за...

Сказал, лёг и отошел в мир иной. И странное дело, даже ветер стих, словно уловил, что произошло горе великое и смирением своим выражал сострадание.

Скорбел Корней безмерно, ибо любил деда всем сердцем. Любил нежно и глубоко. Он потерял близко-го не только но крови, но и по духу человека. Мудрого учителя и незаменимого друга.

Оглушенный горем, парень никого не хотел видеть, ни с кем не желал разговаривать. Как вспомнит деда, так сердце в клочья рвётся.

Пытаясь отвлечь сына, Елисей увещевал:

— Не кручинься, сынок. Плоть брэнна, лишь дух вечен. Настанет время, коли будешь жить по совести и

чести, с дедом на небесах, даст Бог, опять свидишься. А сейчас надо побороть дух уныния и скорби, ибо в таком состоянии сердце человека слабеет и может попасть под власть дьявола, внушающего, что ты оставлен Богом. Сходил бы ты лучше к водопадам. Сам знаешь — вода душе облегчение дает, а телу живость.

Добравшись до ревущего каскада, Корней вышел на берег. Порывы ветра обдавали влажной пылью.

Сбегавший с гор полноводный поток, достигнув края отвесного уступа, срывался с него жемчужной лентой, распадавшейся в воздухе сначала на крупные, а чем ниже, тем все более мелкие искристые гроздья. Исчезнув в клокочущем котле, они выныривали уже белопенными парусниками и с панической торопливостью устремлялись к следующему сливу. Некоторые хлопья, по воле затейливого течения, затягивало в заливчик, где они, сбиваясь в большие и малые флотилии, важно курсировали друг за другом. Иные «парусники» неожиданно вновь выносило на основную струю, которая увлекала беглецов за собой. А сверху, на смену выбывшим, уже спешило новое подкрепление.

Монотонное, размеренное кружение хлопьев пены притягивало, завораживало взор Корнея. Его вдруг осенило: ведь и в жизни так. Одни уходят, на смену им появляются другие. Рушатся старые деревья, но на удобренной ими почве поднимается еще более сильная и густая поросль молодых. От этой мысли как-то сразу полегчало.

Корней разделся. Но не поплыл, как обычно, а пошел под уступ и встал под слив. Низвергающаяся вода

сотрясала тело, массируя каждую мышцу, наполняя их жизненной силой. Хлесткие, упругие удары как бы выбивали, выдавливали из Корнея горестные мысли. Они словно стекали вместе с эластичными струями на каменное дно, а взамен их со свежей водой вливались новые силы и энергия, пробуждавшие острое желание жить.

После такого омовения Корней почувствовал себя заново рожденным. Он осознал, что жизнь не остановилась, что нужно действовать и что лучшей памятью о деде будет продолжение начатых им дел.

По дороге в скит Корней решил просить отца за-
сылать сватов к родителям Даренки.

ЗАВЕЩАНИЕ МАРКЕЛА

Шли годы. Спустится с гор и вскоре помер Лука-Горбун. Из первооснователей, выходцев Ветлужского монастыря в живых оставался лишь согбенный бременем старости длиннобородый, с облысевшим черепом Маркел. Большую долготу жизни Царь Небесный ему даровал — хранил Он старца уже девяносто второй год А из собранных в Сибири супружниц еще кряхтела на этом свете одна Марфа — теперь уж древняя, иссохшая старуха.

Женился на Даренке и обзавелся ребятней Корней. Григорий с Ефимьей поселились в пристрое к дому наставника. Вскоре и профессор ввел в дом хозяйку — овдовевшую тетку Корнея, бойкую, юркую и всегда веселую Анастасию. Выросла и стала невестой проворная охотница — Ефимья.

Маркел, совсем ослабевший глазами, частенько просил домочадцев почитать вслух книги, из монастыря принесенные и Никодимом писанные. Слушая последние, старец невольно изумлялся, сколь подробно и верно описал его друг историю общины, сколь глубоки и точны его умозаключения и наблюдения.

Предания и заветы старины в скиту хранились по-прежнему бережно. Послушание старшим не ослабело и даже, наоборот, укреплялось. В душах молодых

не было места сомнениям, колебаниям. Истины веры они впитывали с молоком матери, и никто и ничто не могло их пошатнуть. Жили, одним словом, по заветам истинного православия, оберегавшим их от соблазнов и недугов. Довольствовались, как и повелевал Создатель, малым.

— Воля старцев — святая воля, — считали в общине.

Но время неумолимо. Зимой, после Рождества Христова, слег-таки высушенный годами Маркел. Изрытое морщинами лицо старца еще более сморщилось, туман подкравшейся смерти погасил взор. Иногда наставник приоткрывал глаза и начинал говорить слабым, но внятнм голосом находившемуся при нем неотлучно Григорию:

— Ухожу из этой жизни счастливым: с Божьей помощью все наказы святого великомученика Константина исполнил, не отступил ни на шаг. И людей довел, и скит основал, и реликвии заповедные сберег. И живем мы в мире, согласии. Рад так же, что могу передать общину в руки надежные. Полагаю, тебя, Григорий, братия определит наставником.

Учёный от таких слов несколько сконфузился:

— Спасибо на добром слове, но верно ли то будет? Знаю, что люди верят мне, не считают чужим, но в общине и кроме меня есть немало достойных.

— Спорить не будем. Братия сама решит. Но я так долго живу, что наперед все знаю. И люди не слепые... Хорошо, что вы дружны с Корнеем. Он, конечно, бывает, чудит, но более верного и надежного человека не сыскать.

Порой старец замолкал, и лицо его то расплывалось в улыбку, то вдруг становилось озабоченным. Брови сдвигались так, что между ними пролегалла глубокая морщина. Григорий понимал, что настоятель в такие минуты уносится в своих мыслях далеко. Подтверждая его догадку, Маркел, ни к кому не обращаясь, тихо с чувством произнес:

— Слава Создателю, дозволил пожить полный срок! Во всем ли я поступал верно?

— Видит Бог, много испытаний ваша община претерпела, но не зря вы жили в строгости, — вклинился в размышления старца профессор, — Вам ведь не ведомо, а я зрел, как богоненавистники кресты сбивали, богохульствовали, прах прародителей оскверняли. Дошли до разрешения храмов Божьих. Почтительную речь славянскую изгадили словами постыдными, охальными. Не может Господь бесконечно терпеть такого блуда в умах детей своих. Боюсь, дорогой будет расплата.

— Истину молвишь, — прошептал старец, — Верую, что первородное православие станет скоро близко и понятно сердцу каждого россиянина. Придет час, встанут на путь праведный заблудшие по неведению и возродится православие на всей многострадальной земле российской... Слушай главное: покуда Чудотворная икона Святой Троицы в нашем скиту хранима, до той поры древнее благочестие будет у нас процветать. Берегите ее. Чую, особый глас Божий грядет, и от него утверждение старой веры праотцов наших последует...

Высказавшись, Маркел оправил разлохматившуюся бороду и расслабленно вытянулся на шкурах.

Ближе к вечеру старец послал за своим крестником Корнеем. Тот явился немедленно и, отряхнувшись от снега, встал подле лежанки.

Маркел подслеповато улыбнулся:

— Это ты, Корнюша? Послушай моё отеческое слово. Сказать много хочу, но смогу ли? Пора настала и мне предстать пред Божьим судом. С дедом твоим достойно вели мы общину сквозь все испытания, во славу Господа. Теперь настает ваш черед. Прости, коли чем обидел вольно или неволью. Строг был потому, что отвечаю за тебя.

Осенив Корнея с Григорием двумя перстами, старец, смиренно глядя на лик Христа, замер, готовясь к праведной кончине, но силы вернулись ненадолго, лоб увлажнился, и он подал голос напоследок, языком уж чуть ворочая:

— Обо мне не скорбите. Ежели окажет Создатель милость — примет в рай, буду пред Ним вашим ходатаем. Коль придет беда — не сдавайтесь. Боритесь до последнего вздоха. Праздность растлевает.

В этот миг по лицу наставника пробежала тень смутного беспокойства. Он силился вспомнить и сказать еще что-то очень важное, но мысль ускользала от него, как вода сквозь пальцы. Глубокие морщины расправились, и на лик праведника легла печать особой, свыше данной благодати.

Все имеет свой конец. Рождение — дело случая, а смерть — закон. Смерть же праведника — это ещё и шаг в бессмертие.

* * *

Как и предвидел достопочтенный Маркел, братия единодушно определила Григория своим наставником. Преемник строго следовал заветам старца и ладно вел скитское хозяйство в нетронутом заповеднике старообрядчества. Нарушить установленный порядок было для него невозможным делом. Ни одна неприязненная мысль, ни одно ядовитое слово ни разу не коснулись скитников. Старикам, детям первоскитников, разменявшим кто шестой, а кто и седьмой десяток, утешительно было видеть усердие нового праведника к делам общины и почтение к ее основателям.

Шел 1935 год...

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

... нельзя торопливо пробежать глазами.....	3
... и тянется нить повествования.....	6

ЧАСТЬ I

Варлаам	11
Варлаамова обитель.....	14
Ветлужский монастырь.....	22
В Забайкалье	37
Забайкальский скит	46
Снова в пути.....	62
Скит «Кедровая падь»	73
Посещение ярмарки	83
Божья кара.....	94

ЧАСТЬ II

Рождение Корнея.....	103
Первая охота	105
Лютый.....	109
Снежок	115
Барсук	123
Отшельник	125
Беркут	132
Свора	137
Златогрудка.....	152
Горное озеро	155

Горбун	166
Косой	177
Перелом	181
Первое странствие	195
Эвенки	202
Перекочевка	214
Возвращение в Кедровую падь	220
Второе странствие	224
Скиты-призраки	238
Встреча	255
Завещание Маркела	265

Камиль Фарухшинович Зиганшин
СКИТНИКИ

Текст дан в авторской редакции

Оформление: *Ольга Шефер*
Верстка: *Елена Моисеева*

ИБ 140

Подписано в печать 29.11.04. Формат 70x100/32. Гарнитура
«Гарамонд». Объем 8,5 физ. печ. л. Тираж 1000 экз.
Цена договорная.